

ISSN 2220-2404 (печать)

ISSN 2221-1373 (on-line)

№ 9

2026

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

**HUMANITIES,
SOCIAL-ECONOMIC
AND SOCIAL SCIENCES**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВО «Адыгейский
государственный университет»

16+

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Научный журнал
www.online-science.ru

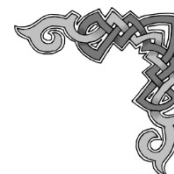
№ 9
2026

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 9 от 25.09.2026

Выходит 12 раз в год

www.online-science.ru

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 248-12/2025 от 03.12.2025 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, директор издательства ООО «Наука и образование»

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВО

«Адыгейский государственный университет»

ИЗДАТЕЛЬ:

ООО «Наука и образование»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

ООО «Наука и образование»; 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета –

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-методического управления Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Гапоненко Владимир Федосович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный сотрудник МВД России, действительный член Международной академии наук ООН информационных систем и технологических процессов, действительный член Академии военных наук РФ, награжден Почетным знаком «Международное признание», Академия управления МВД России;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

EDITORIAL BOARD:

Chairman of the Editorial Board –

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Members of the Editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Head of the Educational and Methodological Department of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir F. Gaponenko, Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, full member of the International Academy of Sciences of the United Nations of Information Systems and Technological Processes, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, awarded the Honorary Badge «International Recognition», Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishai, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Sergey V. Ivantsov, Doctor of Law, Professor, Academic Secretary of the Academic Council of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, и.о. декана экономического факультета Киргизско-Российского университета им. Б.Н. Ельцина, директор Международного аналитического клуба «Иссык-Куль-Большая Евразия», член Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза», отделения общественных наук РАН, член Секретариата координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК);

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук, Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Alexander N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology, Moscow University of The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V.Ya. Kikot';

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ainura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Acting Dean of the Faculty of Economics at the B.N. Yeltsin Kyrgyz-Russian University, Director of the Issyk-Kul-Greater Eurasia International Analytical Club, Member of the Scientific Council on Social, Political, and Demographic Issues in the Formation of the Eurasian Economic Union, Department of Social Sciences at the Russian Academy of Sciences, and Member of the Secretariat of the Coordination Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium (EIAC);

Stanislav I. Kononov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Nikolay P. Narbut, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba;

Sergey A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Konstantin V. Obrazhiev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Pan Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, People's Republic of China;

Yuri E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Инна Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Сапрыкина Людмила Николаевна, доктор экономических наук, доцент, директор филиала Российского общества «Знание» в Донецкой Народной Республике;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, Почетный работник АПК России, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению «Уголовное право» Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал».

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Inna N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Financial and HR Management of Rostov State University of Economics (RINH);

Lyudmila N. Saprykina, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the branch of the Russian Society «Knowledge» in the Donetsk People's Republic;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian branch of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

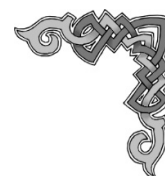
Irina V. Snimshchikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Yugra State University;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Russian Academy of Natural Sciences;

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal».

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Томазов М.А. Внешняя миграция в России	13
Бояджан Г.Г., Плотников В.В., Таганова А.А. Проблема преодоления состояния первоначальной аномии в среде вынужденных мигрантов	19
Даниелян С.Д. Профессиональная идентичность сельского учителя в условиях цифровой трансформации современного российского образования: социологический анализ	24
Евсеева С.П. От автоматизации к аналитике: развитие подсистемы ведомственных проектов	30
Кайзер Б.А. Трансформация профессии переводчика в условиях технологических и институциональных изменений	37
Касьянов В.В., Манучарян А.К., Самыгин П.С. Содействие трудоустройству молодых граждан посредством деятельности студенческих отрядов как направление молодежной политики в Российской Федерации	41
Коморникова О.М. Факторы выбора обучения в педагогическом вузе современной молодежью	51
Максименко А.А., Дейнека О.С., Загладина А.Р. Разработка опросника неэтичной креативности и его связи с темными чертами личности и коррупционными намерениями	57
Муха В.Н. Цифровые репрезентации участников Специальной военной операции: восприятие молодежью Кубани	66
Плотников В.В., Стригуненко И.К., Передерий В.А. Краснодар 2000–2025 годов как урбанистический кейс догоняющих практик регулирования неэтнической миграции	73
Чимаров С.Ю. Нейросети и социальный смысл онтологии духовных ценностей в контексте организации политико-воспитательной работы в ОВД России	80
Шокуев И.А. Сегментация целевой аудитории и ценностное позиционирование спортивного тренера как инструмент монетизации личного бренда в цифровой среде	86

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вострухин С.М. К вопросу о публично-правовой природе договора о предоставлении торгового места на розничном рынке	97
Гейнеман А.А. Правовые пробелы в развитии ремесленной деятельности в сфере индустрии моды	103
Мартыненко Б.К., Наточиева А.Б. Особенности правосознания молодежи (возрастная группа 15–18 лет)	108

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бегляров М.А., Берестова Л.И.

Институциональные барьеры регионального инвестиционного климата:
влияние качества судебной экспертизы на трансакционные издержки бизнеса
(на примере Южного федерального округа) 117

Давыдов Н.А.

Анализ проблематики управления изменениями
в контексте развития менеджмента персонала 125

Дубков Г.И.

Каскадный скоринг кризисных сигналов
как инструмент поддержки инвестиционных решений частных инвесторов 132

Куручкин Н.О.

Методика оценки устойчивости функционирования предприятий
винодельческой отрасли в сфере инноваций 138

Сергеева Н.В.

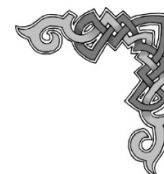
Критическая инфраструктура: сравнительный анализ состояния коммунальных сетей
в крупнейших городах Поволжья 145

Тахтамышев В.Г., Томазов М.А.

Трансформация инвестиционных приоритетов
крупнейших европейских энергетических компаний в 2022–2026 годах:
BP, Shell, TotalEnergies и Equinor 153

Цыкин Г.С.

Экономический анализ научно-технической и инновационной политики в ЕАЭС 161

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, Alexander V. Ponedelkov, Miakhil A. Tomazov External migration in Russia	13
Grigory G. Boyajan, Vladimir V. Plotnikov, Anna A. Taganova The problem of overcoming the state of initial anomie among forced migrants	19
Samson D. Danielyan Professional identity of a rural teacher in the context of digital transformation of modern russian education: a sociological analysis	24
Svetlana P. Evseeva From automation to analytics: development of the subsystem of departmental projects	30
Beata A. Kaiser Transformation of the translation profession in the context of technological and institutional change	37
Valery V. Kasyanov, Artur K. Manucharyan, Peter S. Samygin Promoting the employment of young citizens through the activities of student groups as a direction of youth policy in the Russian Federation	41
Olga M. Komornikova Factors influencing the choice of studying at a pedagogical university by modern youth	51
Alexander A. Maksimenko, Olga S. Deyneka, Alexandra R. Zagladina Development of the amoral creativity questionnaire and its relations with dark personality traits and corrupt intentions	57
Victoria N. Mukha Digital representations of Special military operation participants: perception by Kuban youth	66
Vladimir V. Plotnikov, Ivan K. Strigunenko, Veronika A. Perederiy Krasnodar in 2000–2025 as an urban case of catch-up practices in the regulation of non-ethnic migration	73
Sergey Yu. Chimarov Neural networks and the social meaning of the ontology of spiritual values in the context of organizing political and educational work in the Russian internal affairs bodies	80
Islam A. Shokuev Target audience segmentation and value positioning of a sports coach as a tool for personal brand monetization in the digital environment	86

JURISPRUDENCE

Stepan M. Vostrukhin On the issue of the public-law nature of the agreement on the provision of retail space in the retail market	97
Anna A. Heinemann Legal gaps in the development of artisanal activity in the fashion industry	103
Boris K. Martynenko, Anna B. Natochieva Features of youth awareness (age group 15–18)	108

ECONOMIC SCIENCES

Mikhail A. Beglyarov, Lyudmila I. Berestova Institutional barriers to the regional investment climate: the impact of forensic expertise quality on business transaction costs (case study of the Southern Federal district)	117
---	-----

Nikita A. Davydov

Analysis of the problems of change management
in the context of human management development 125

Georgii I. Dubkov

Cascade scoring of crisis signals as a tool to support private investors' investment decisions 132

Nikolai O. Kurochkin

A methodology for assessing the sustainability
of wine industry enterprises in the field of innovation 138

Nadezhda V. Sergeeva

Critical infrastructure: comparative analysis
of the state of utility networks in major cities of the Volga region 145

Vladimir G. Takhtamyshev, Mikhail A. Tomazov

The transformation of investment priorities
of the largest European energy companies in 2022–2026:
BP, Shell, TotalEnergies and Equinor 153

Gleb S. Tsykin

Economic analysis of scientific, technical, and innovation policy in the EAEU 161

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-1>

УДК 314.7

Attribution

cc by

ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ

Аверин А.Н.¹, Понеделков А.В.², Томазов М.А.³

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

³Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Проблема миграции в России по-прежнему остается актуальной в современных условиях. Недружественные государства и международные организации используют миграцию для нанесения ущерба нашей стране. Возникают конфликты на национальной и межконфессиональной основе. Прибывают члены семей мигрантов, которые увеличивают нагрузку на социальную инфраструктуру. Иностранцы после окончания срока пребывания не всегда своевременно уезжают на родину, нарушают миграционное законодательство. Авторы статьи поставили в качестве цели исследования анализ контроля за внешними мигрантами, соблюдением ими российского миграционного законодательства. Объектом исследования являются такие потоки внешней миграции, как международная и трудовая, методы исследования – статистический, анализ и синтез. Результаты исследования – анализ мигрантов в международной миграции, и внешней трудовой миграции, соотечественников, проживающих за рубежом, возможности для иностранных граждан обратиться с ходатайством о признании их представляющими интерес для нашей страны. Дан анализ основных мер государственного контроля за внешними мигрантами и соблюдением ими российского миграционного законодательства. Основной вывод, по мнению авторов статьи, состоит в том, что внешняя трудовая миграция не может прекратиться, поэтому необходимо улучшать качество и эффективность контроля за мигрантами и соблюдением ими российского миграционного законодательства. В отношении наличия литературы можно сказать о Едином электронном каталоге Российской государственной библиотеки, в котором представлены 1265 работ на русском языке по проблемам миграции населения. Международная миграция рассматривается в 12 публикациях, внешняя трудовая миграция – в 27, вынужденные переселенцы – в 21, репатрианты – в 34, беженцы – в 503 публикациях.

Ключевые слова: внешняя миграция, депортация, иностранный работник, квота, международная миграция, ответственность, потребность, программа, репатриант, соотечественник, трудовая миграция.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

EXTERNAL MIGRATION IN RUSSIA

Alexander N. Averin¹, Alexander V. Ponedelkov², Mikhail A. Tomazov³

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

²South-Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,

³Lomonosov Moscow State University

Abstract. The problem of migration in Russia remains relevant in the current circumstances. Unfriendly states and international organizations use migration to harm our country. Conflicts arise on a national and interfaith basis. Migrant family members arrive, increasing the burden on social infrastructure. Foreign citizens do not always leave their homeland in a timely manner after the expiration of their stay, violating migration laws. The authors of the article set the goal of analyzing the control over external migrants and their compliance with Russian migration legislation. The object of the study is such external migration flows as international and labor migration, and the research methods are statistical analysis and synthesis. The results of the study include an analysis of migrants in international migration and external labor migration, as well as compatriots living abroad, and the possibility for foreign citizens to apply for recognition as being of interest to our country. The article also provides

an analysis of the main measures of state control over external migrants and their compliance with Russian migration legislation. The main conclusion, according to the authors of the article, is that external labor migration cannot be stopped, and therefore it is necessary to improve the quality and effectiveness of control over migrants and their compliance with Russian migration legislation. In terms of the availability of literature, we can mention the Unified Electronic Catalogue of the Russian State Library, which contains 1,265 works in Russian on migration issues. International migration is covered in 12 publications, external labor migration in 27, internally displaced persons in 21, repatriates in 34, and refugees in 503.

Keywords: external migration, deportation, foreign worker, quota, international migration, responsibility, need, program, repatriate, compatriot, labor migration.

Funding: Independent work.

Введение.

Внешняя миграция в Российскую Федерацию, в соответствии с международной классификацией, представлена следующими категориям мигрантов:

- иностранными работниками во внешней трудовой миграции, беженцами;
- вынужденными переселенцами из других стран;
- людьми, получившими временное убежище;
- соотечественниками, прибывающими из-за рубежа;
- репатриантами.

Статус этих мигрантов определен в федеральных нормативных правовых актах.

Результаты. Обсуждение.

Раньше в нашей стране в период до начала пандемии ковида регистрировались 15–17 млн приездов и 9–10 млн выездов иностранных граждан, находились 7–10 млн мигрантов [1].

В результате изменений, происшедших в государственной миграционной политике, в 2025 году количество мигрантов сократилось с 6,3 млн до 5,7 млн чел. В этом же году было зафиксировано 15,6 млн приездов мигрантов, которые прибыли из Казахстана (3 млн 195 тыс. чел.), Узбекистана (3 млн 123 тыс. чел.), Китая (1 млн 767 тыс. чел., в том числе 834 тыс. туристов), Таджикистана (1 млн 444 тыс. чел.), Киргизии (983 тыс. чел.), Абхазии (624 тыс. чел.), Белоруссии (562 тыс. чел.). По мнению экспертов, нашей стране в настоящее время необходимо минимальное количество трудовых мигрантов – 8 млн чел., а оптимальное – 11 млн чел. Вместе с тем, нет

количественных обоснований данных предложений. Ожидается приток трудовых мигрантов из Индии, Китая, Афганистана, Бангладеш.

В конце 2025 года у 201,6 тыс. иностранных работников были разрешения на работу, у 2 млн 245,3 тыс. чел. – патенты на осуществление трудовой деятельности. Основное их количество приходилось на страны СНГ (23,2 тыс. и 2 млн 242,5 тыс.) Иностранные работники из стран дальнего зарубежья получили 178,4 тыс. разрешений на работу [2]. Из СНГ имели действующее разрешение на работу и действующие патенты граждане Азербайджана (0,4 тыс. и 64,3 тыс. чел.), Таджикистана (0,3 тыс. и 710,1 тыс. чел.), Узбекистана (2,6 тыс. и 1 млн 464,2 тыс.); разрешений на работу – граждане Туркмении (19,9 тыс. чел.), действующие патенты – из Молдовы (3,1 тыс. чел.), Украины (0,9 тыс. чел.). Из стран дальнего зарубежья имели действующее разрешение на работу граждане Бангладеш (5 тыс. чел.), Вьетнама (18,8 тыс. чел.), Индии (44,7 тыс. чел.), Китая (71,2 тыс. чел.), Сербии (2,6 тыс. чел.), Таиланда (3,6 тыс. чел.), Турции (17,6 тыс. чел.). Численность иностранных высококвалифицированных специалистов составила в прошедшем году 90,7 тыс.

Трудовые мигранты привлечены неравномерно в российские регионы. В Москве работали 26,4 %, Московской области – 17,3 %, Санкт-Петербурге и Ленинградской области – 13,1 %, в Свердловской области – 2,4 %, в Татарстане – 2,2 %, в Амурской области – 1,8 %, в Новосибирской области – 1,7 %, в Приморском крае – 1,7 %, в Нижегородской и Иркутской областях по 1,4 %.

Среди трудовых мигрантов преобладали мужчины, их доля среди имевших действующее разрешение на работу составила 88,6 %, действующий патент – 88,5 %. Возрастная структура трудовых мигрантов представлена в таблице 1.

Таблица 1

Возрастной состав трудовых мигрантов, тыс. чел.

Возраст, лет	Действующее разрешение на работу	Действующий патент
18–19	44,2	773,6
30–39	71	728,2
40–49	53,3	504,9
50–59	28,4	211,5
60 и старше	4,7	27,2

Среди имеющих патент преобладали мужчины в возрасте 18–19 лет (722,5 тыс. чел.) и 30–39 лет (643,9 тыс. чел.), среди женщин – 30–39 лет (84,3 тыс. чел.) и 40–49 лет (85,5 тыс. чел.). Доля молодых людей от 18 до 29 лет среди осуществлявших трудовую деятельность на основании действующих разрешений на работу составила 21,9 %, имевших действующий патент – 34,5 %.

Потребность в привлечении иностранных работников в 2026 году на основании визы равна 278940 чел. [3]. Было определено такое же число квот для приглашений на въезд для осуществления трудовой деятельности и разрешений на работу. Допустимая доля использования иностранных работников в общей численности работников в различных видах экономической деятельности находится в интервале от 24 % до 70 % [4].

Иностранцы могут обратиться с ходатайством о том, чтобы их признали специалистами, представляющими интерес для нашей страны при условии, что у них есть достижения в науке, технологиях, производстве, спорте, культуре, учебе. Они также внесли вклад в развитие общества, экономики, обеспечение обороноспособности и безопасности, обладают востребованными профессией, специальностью, квалификацией, навыками [5].

В 2024 году 31,7 тыс. соотечественников переехали в нашу страну [6]. Зарегистрировались 5,3 тыс. репатриантов и членов их семей, желающих приехать в Россию. Работа с соотечественниками проводится в 80 регионах [7]. Участниками государственной программы по переселению соотечественников являются не только носители русского языка. В рамках программы выбирать место жительства, место работы, сроки оформления документов имеют право специалисты и люди с высшим образованием, которые не владеют русским языком или плохо говорят на нем. Льготы для участия в программе получают представители российских народов, исповедующие ислам. Вынужденные переселенцы, беженцы, люди, которые получили временное убежище, имеют право получить бесплатную юридическую помощь, том числе о приеме в российское гражданство [8].

Со стороны соответствующих государственных структур осуществляется государственный контроль за внешними мигрантами, частности:

- за соблюдением ими российского миграционного законодательства;
- за использованием работодателями организованных законных форм набора иностранной рабочей силы.

Получена биометрическая информация от 12,4 млн иностранцев. В реестре контролируемых лиц имеется информация о 775 тыс. человек, у которых нет основания для пребывания и проживания на российской территории. Сделано 55 млн просмотров реестровой информации.

Следует отметить, что Общий срок безвизового временного пребывания иностранца в РФ не может быть более 90 суток в течение календарного года.

Из мер контроля за деятельностью мигрантов в нашей стране предусмотрена административная ответственность за оказание услуг включенному в реестр иностранцу, в результате чего в 2025 г. было составлено 33,7 тыс. административных протоколов.

Помимо этого, были аннулированы:

- 60 тыс. патентов в связи с непредставлением копии трудового или гражданско-правового договора;
- 7,3 тыс. разрешений на работу из-за отсутствия необходимого уровня владения русским языком.

Также было привлечено к ответственности 246 тыс. уклоняющихся от выезда из нашей страны иностранцев.

В настоящее время в пунктах пропуска через государственную границу в московских аэропортах и Маштаковском автомобильном пункте в качестве эксперимента проводится сбор биометрических персональных данных иностранцев. В 2025–2029 годы в Москве и Московской области осуществляется эксперимент по регистрации прибывших без виз трудовых мигрантов. Контролируется их нахождение при помощи геолокации и специального мобильного приложения «Амина», которое иностранцы обязаны установить в свои телефоны.

Важно отметить, что создается государственный информационный ресурс «Цифровой профиль иностранного гражданина», содержащий информацию о прибытии, выезде, пребывании, проживании иностранных граждан и лиц без гражданства. Для миграционного учета используется Единый портал государственных и муниципальных услуг. В 2025 году им воспользовались 5,5 млн раз, 45 % всех постановок на миграционный учет [1].

Органы миграционного учета сообщают органам образования о регистрации детей мигрантов, постановке их на учет по месту пребывания, снятии с учета и прекращении регистрации. Органы образования информируют полицию о результатах тестирования детей мигрантов на знание русского языка, о приеме в школы и колледжи, об отчислении из них.

Федеральная служба судебных приставов выдворила 45 тыс. иностранцев, которые не соблюдали миграционное законодательство. Проводилась операция «Нелегал-2025», по результатам которой принято решение о выдворении и депортации из нашей страны 19 тыс. иностранцев.

Были выявлены 128 тыс. нарушений миграционного законодательства, в том числе 100 тыс. нарушений правил въезда, выезда, пребывания и 28 тыс. нарушений трудовой деятельности, а также возбуждено 4,8 тыс. уголовных дел по организации незаконной миграции, 1,5 тыс. — по другим преступлениям мигрантов.

Иностранцами совершено 41,1 тыс. преступлений. В первом квартале 2025 года были зафиксированы 69 изнасилований и 50 половых сношений мигрантов с детьми до 16 лет.

В 2024 году было возбуждено 918 уголовных дел о содействии нелегальной миграции, 2025-ом — 4,8 тыс., в начале 2026 года — 1,5 тыс. уголовных дел по другим преступлениям, совершенным иностранцами [1]. В 2024 году на 82 % увеличилось число особо тяжких посягательств со стороны подростков-мигрантов; было направлено в суд 2865 дел [9].

В этом же году 58 уголовных дел о нарушении чиновниками миграционного законодательства были направлены в суд, а в первой половине 2025 года — уже 97 уголовных дел. Были привлечены к ответственности 120 человек, в том числе 81 сотрудник миграционных подразделений [10].

В первой половине 2025 года были аннулированы 765 разрешений на временное проживание и 1545 видов на жительство в связи с фиктивными браками [11]. Во второй половине 2024 года приняты 198 решений о прекращении российского гражданства в связи с ложной информацией по постановке на воинский учет [12].

Рассматривается возможность депортации иностранцев за участие в массовых драках, в стрельбе из оружия в общественном месте, драках за право работать на стройках. В 2023–2024 годы на контроле находились 100 конфликтных ситуаций между иностранными гражданами, за нарушение общественного порядка привлечены 1,5 тыс. человек [13].

Предполагается запретить въезд в РФ судимых иностранцев. В 2025 году фигурантами уголовных дел были 13 тыс. человек. [14]. Предлагается ограничить срок пребывания иностранного работника и его семьи сроком трудового договора. Мигрант для того, чтобы остаться в нашей стране, должен доказать, что содержит себя и семью на установленном уровне в регионе. Дети мигрантов должны покинуть страну в течение 30 дней по достижении совершеннолетия либо подать заявление на получение патента.

Предусматривается прохождение мигрантами, прибывшими в нашу страну более чем на три месяца, обязательного медицинского осмотра в уполномоченных медицинских организациях за счет мигрантов. Проверять будут на наличие опасных инфекционных заболеваний, ВИЧ, употребление наркотиков.

Заключение.

Проведенный анализ дает возможность утверждать, что благодаря эффективному контролю за мигрантами могут быть достигнуты ожидаемые результаты реализации государственной миграционной политики.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Фалалеев М. Кому это выгодно // Российская газета. 2026. 23 марта.
2. Социально-экономическое положение России 2026 № 1. URL : <https://rosstat.gov.ru>
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2025 года № 1920 «Об определении потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, и утверждении квот на 2026 год». URL : <https://ivo.garant.ru>
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2025 года № 1995 «Об установлении на 2026 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности». URL : <https://ivo.garant.ru>
5. Указ Президента Российской Федерации от 2 декабря 2025 года № 883 «О поддержке переселения в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, представляющих интерес для Российской Федерации, и об особенностях их правового положения в Российской Федерации». URL : <https://ivo.garant.ru>
6. Выжutowич В. Приглашение к возвращению // Российская газета. 2025. 4 апреля.
7. Егоров И. Нелегалов вычислит «Амина» // Российская газета. 2025. 26 ноября.

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Томазов М.А.

8. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 324-Ф «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». URL : <https://ivo.garant.ru>
9. Козлова Н. Не детские шалости // Российская газета. 2025. 6 июня.
10. Козлова Н. Проблема роста // Российская газета. 2025. 9 июля.
11. Куликов В. Срочно женюсь! // Российская газета. 2025. 16 октября.
12. Куликов В. Услышат призыв // Российская газета. 2025. 23 сентября.
13. Куликов В. Сигнал дебоширам // Российская газета. 2026. 17 марта.
14. Чепрунова Н. Нежелательные гости // Российская газета. 2026. 5 февраля.

References:

1. Falaleev M. Who Benefits from This // Rossiyskaya Gazeta. 2026. March 23.
2. The Socioeconomic Situation in Russia 2026 № 1. URL : <https://rosstat.gov.ru>
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated November 28, 2025 № 1920 «On Determining the need to attract foreign workers Arriving in the Russian Federation on the basis of a visa, including for priority Professional qualification Groups, and approving Quotas for 2026». URL : <https://ivo.garant.ru>
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 5 № 1995 of 2025 «On the Establishment for 2026 of the Permissible Proportion of Foreign Workers Employed by Business Entities Engaged in Certain Types of Economic Activities on the Territory of the Russian Federation». URL : <https://ivo.garant.ru>
5. Decree of the President of the Russian Federation № 883 dated December 2, 2025 «On Supporting the Resettlement of Foreign Citizens and Stateless Persons of Interest to the Russian Federation in the Russian Federation and on the Peculiarities of Their Legal Status in the Russian Federation». URL : <https://ivo.garant.ru>
6. Vyzhutovich V. Invitation to Return // Rossiyskaya Gazeta. 2025. April 4.
7. Egorov I. Nelegals will Calculate Amin // Rossiyskaya Gazeta. 2025. November 26.
8. Federal Law № 324-F dated November 21, 2011, «On Free Legal Assistance in the Russian Federation». URL : <https://ivo.garant.ru>
9. Kozlova N. Not Children's Pranks // Rossiyskaya Gazeta. 2025. June 6.
10. Kozlova N. The Problem of Growth // Rossiyskaya Gazeta. 2025. July 9.
11. Kulikov V. I'm Getting Married Right Now! // Rossiyskaya Gazeta. 2025. October 16.
12. Kulikov V. They Will Hear the Call // Rossiyskaya Gazeta. 2025. 23 September.
13. Kulikov V. Signal to the brawlers // Rossiyskaya Gazeta. 2026. 17 March.
14. Cheprunova N. Unwelcome Guests // Rossiyskaya Gazeta. 2026. February 5.

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ORCID iD: 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
ORCID iD: 0009-0009-0579-8545
anaverin1947@mail.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Alexander V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences,
Professor,
South-Russian Institute of Management,
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
lab-gmu-uriu@ranepa.ru

Томазов Михаил Александрович

студент 4 курса факультета мировой политики,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
ksto@yandex.ru

Mikhail A. Tomazov

4th-year Student of the Faculty of World Politics,
Lomonosov Moscow State University
ksto@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-20>

УДК 316

Attribution

cc by

ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ СОСТОЯНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ АНОМИИ В СРЕДЕ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ

Бояджан Г.Г.¹, Плотников В.В.², Таганова А.А.³

^{1, 2}*Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,*

³*Краснодарский университет МВД России*

Аннотация. В современном обществе одной из острых проблем является вынужденное переселение большого количества людей в силу влияния природных катастроф, климатических изменений, политических конфликтов, и ряда иных факторов, определяющих невозможность сохранения прежнего места жительства. По оценкам ООН, численность вынужденных мигрантов составляет более 117.8 миллионов человек, что характеризует колоссальный масштаб проблемы. При этом, вынужденное переселение определяет состояние неопределенности и повышенной уязвимости для людей, утративших устойчивую социальную включенность. В настоящей статье проблема вынужденной миграции рассматривается в контексте теорий социальной аномии, первичной маргинальности мигрантов, а также лиминальности. Рассматриваются основные социальные факторы и механизмы, определяющие уязвимость, неопределенность и дезадаптацию вынужденных переселенцев. Ставится вопрос о том, почему положение вынужденных мигрантов нередко приводит к формированию в их среде зоны повышенного социального риска, а сами они нередко не вписываются в нормативную структуру принимающего сообщества. Производится анализ управленческих перспектив преодоления состояния социальной аномии в среде вынужденных мигрантов.

Ключевые слова: миграция, вынужденная миграция, социальная аномия, социальный капитал, первоначальная маргинальность, лиминальность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE PROBLEM OF OVERCOMING THE STATE OF INITIAL ANOMIE AMONG FORCED MIGRANTS

Grigory G. Boyajan¹, Vladimir V. Plotnikov², Anna A. Taganova³

^{1, 2}*Plekhanov Russian University of Economics,*

³*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

Abstract. In contemporary society, one of the most acute problems is the forced displacement of large numbers of people as a result of natural disasters, climate change, political conflicts, and a number of other factors that make it impossible for them to remain in their previous place of residence. According to United Nations estimates, the number of forcibly displaced persons exceeds 117.8 million, which demonstrates the enormous scale of the problem. At the same time, forced displacement creates a state of uncertainty and heightened vulnerability for people who have lost stable forms of social integration. This article examines forced migration in the context of theories of social anomie, the initial marginality of migrants, and liminality. It considers the main social factors and mechanisms that contribute to the vulnerability, uncertainty, and maladaptation of forcibly displaced persons. The article raises the question of why the situation of forced migrants often leads to the emergence of zones of increased social risk within their communities and why they frequently fail to fit into the normative structure of the host society. It also analyzes the prospects for managerial and policy-based measures aimed at overcoming the state of social anomie among forced migrants.

Keywords: migration, forced migration, social anomie, social capital, initial marginality, liminality.

Funding: Independent work.

Введение. Ежегодно в мире происходит множество событий, приводящих к тому, что люди, проживающие на определенной территории, оказываются вынуждены покинуть ее. Это явление, определяемое как вынужденная миграция, возникает в силу ряда причин: стихийные бедствия, долгосрочные климатические изменения, политические кризисы и конфликты (революции, войны, преследование определенных групп населения и т.д.), мощные инфраструктурные изменения, охватывающие жилые районы (например, необходимость выселения при строительстве автодорог, железных дорог и осуществлении иных масштабных инфраструктурных проектов). Общим для всех перечисленных случаев является то, что имеет место обстоятельство, принудительно определяющее мобильность отдельных людей или групп. И масштабы этого явления крайне высоки. По данным ООН на 2025 год в статусе вынужденных переселенцев оказалось свыше 117,8 миллионов человек [5], иными словами – примерно каждый семидесятый житель Земли является вынужденным мигрантом. И проблема здесь не только в высоких количественных показателях, но и в том, какие качественные изменения в жизни людей происходят в условиях вынужденного изменения места жительства.

Накопленный в исследовательской среде опыт изучения миграционных процессов свидетельствует в пользу того, что изменение места жительства, помимо возможных открывающихся перспектив, сопряжено с многочисленными издержками, связанными с затратами на перемещение, отсутствием сформированного социального и, в ряде случаев, культурного капитала, необходимостью интеграции в профессиональную среду и т.д. В совокупности это порождает то, что Р. Парк выражал через категорию маргинальности мигрантов – полупериферийное положение приезжих, еще не успевших устроиться на новом месте, адаптироваться к принятым на его уровне нормам, обзавестись устойчивыми социальными связями и возможностями [8]. Однако, если общий спектр миграционных процессов предполагает возможность первоначального планирования, накопления ресурсов, разведывания условий на уровне принимающего региона, формирования первоначальных связей (например, обеспечение трудоустройства), то процессы вынужденного переселения, как правило, реализуются по более экстремальному сценарию в силу ограниченности времени на принятие решения и ресурсов на его благоприятную реализацию. С учетом этого, закономерно предположение о том, что вынужденные переселенцы сталкиваются с куда более острыми проявлениями первичной маргинальности и дезадаптации, что влечет за собой возникновение серьезных социальных рисков, вплоть до развития аномичных состояний. В рамках настоящей статьи именно эта проблема – аномии в условиях вынужденной миграции – будет подвергнута анализу в практическом разрезе, как социальный вызов и объект регулятивной деятельности. Такого рода теоретический ракурс характеризуется

актуальностью и значимостью, во-первых, в силу остроты изучаемой проблемы и, во-вторых, в силу практико-ориентированного характера исследования, обеспечивающего теоретическую научную базу для выработки мер по преодолению деструктивных состояний, вызванных процессами вынужденной миграции.

Материалы и методы. Выбранная методология определяется, прежде всего, характеристиками исследуемого предмета и кругом промежуточных задач, решение которых необходимо для осмысления поставленной проблемы. В процессе исследования применяются такие общенаучные методы, как анализ, сравнение, абстрагирование, обобщение, а также системный подход. Также в ходе работы производится применение отдельных методологических установок структурного функционализма.

Теоретическую основу исследования составили:

- теория социальной аномии, получившая развитие в работах Э. Дюркгейма [6] и Р. Мертон [7];
- теория первичной маргинальности приезжих, сформированная в исследованиях Р. Парка [8];
- теория лиминальности, получившая отражение в исследовании таких авторов, как В. Хартонен, Л. Карлссон, С. Полланен, П. Вайсанен [2];
- современные исследования социальных нарушений, связанных с процессами вынужденной миграции, а также мер их преодоления. В их число входят работы таких исследователей, как Дж. Филлимор [3], М. Симмлен, И. Плассарди, Н. Шэр, М. Шустер [4], А. Агер и А. Стрэнг [1].

В совокупности представленные материалы позволили сформировать разностороннее понимание поставленной проблемы.

Результаты. В контексте поставленной проблемы целесообразно осуществить движение от общего определения специфики вынужденного переселения к теоретическим основам понимания положения, в котором оказываются вынужденные мигранты и, затем, определить основные закономерности, характерные для их положения и поведения. Это позволяет точно оценить, как исходную ситуацию, так и перспективы воздействия на нее.

Базовым аспектом понимания в данном случае является то, что к вынужденным мигрантам применимы все те теоретические положения, которые характеризуют их уязвимость и первичную дезадаптацию, которые были сформированы в рамках общего анализа миграционных процессов, но с той поправкой, что вынужденный характер миграционных процессов, как правило, определяет обострение проблем и противоречий, связанных с ограниченными возможностями планирования и низким уровнем личных ресурсов в связи с обстоятельствами исхода.

Обращаясь к классическим положениям Чикагской школы социологии и, в частности, теоретическим положениям, сформулированным Р. Парком, отметим, что смена социальной среды, сопутствующая переезду, создает специфическое состояние первоначальной эксклюзии, в рамках которого приезжие уже существуют в социальном пространстве принимающей территории, но еще не интегрированы в него. Именно это переходное состояние описывается Р. Парком в рамках концепции маргинальности приезжих [8]. Причем в данном случае важно уточнить, что под маргинальностью понимается не совокупность личностных качеств конкретных людей, взятых отдельно, а то полупериферийное положение еще не интегрированных в социальную среду людей, не имеющих достаточного количества знаний, статуса и социальных связей для благополучного обустройства на новом месте.

Причины этого полупериферийного, маргинального положения были хорошо отражены в более поздних исследованиях, в рамках которых было сформировано понятие лиминальности – переходного состояния, при котором субъект уже утратил прежний статус, но еще не обрел нового, что порождает радикальную неопределенность и приводит к истощению личных ресурсов при условии продолжительного пребывания в таком неопределенном положении. При этом исследователи отмечают, что лиминальность важно рассматривать в контексте временности: чем более длительным является переходное состояние, тем более деструктивны его последствия для того, кто в нем оказался. При этом, неопределенность может проявляться в различных измерениях, от мер поддержки и юридического статуса на новом месте, до возможностей поддержания отдельных социальных связей (например, с членами семьи).

Если рассматривать механику процессов, с которыми сталкиваются вынужденные мигранты, можно констатировать каскадный характер воздействия негативных факторов:

– первичный удар по социальному благополучию связан с воздействием исходного фактора, определяющего неизбежность исхода из первоначального места проживания (стихийные бедствия, война, политическое преследование и т.д.). Если сравнить человека, совершающего добровольное переселение и вынужденного мигранта, ключевое различие пролегает в глубине планирования и объемах, закладываемых на процесс переселения ресурсов: люди, для которых переезд носит вынужденный характер, с большей вероятностью имеют недостаточный уровень ресурсов и возможностей для обеспечения благоприятного положения на новом месте;

– вторичный удар по социальному благополучию вынужденных переселенцев связан с издержками переходного состояния (причем сюда входят как материальные издержки, так и утрата

привычных социальных связей и возможностей, которые только предстоит воссоздавать на новом месте).

Описанная ситуация, в целом, хорошо ложится в теоретическую рамку исследования причин и оснований социальной аномии в работах Э. Дюркгейма и Р. Мертон: по сути, речь идет о ситуации, когда старый социальный статус и прежние нормы, социальные практики, формы поведения уже не работают, а новые еще не сформировались, что, в условиях непрерывного проявления ряда базовых витальных потребностей порождает мощный разрыв. Такого рода разрыв становится причиной ряда серьезных аномичных состояний: самоубийств, эскапизма (включая алкоголизм и наркоманию), а также преступных моделей реализации личных потребностей (проституция, экономические преступления и т.д.). Что немаловажно, уязвимое положение вынужденных переселенцев становится одной из серьезных причин значительных злоупотреблений в их отношении, связанных с их включением в теневые экономические сферы, эксплуатацией в качестве дешевой рабочей силы и т.д. Все это в совокупности свидетельствует о том, что речь идет не о локальных неблагоприятных траекториях, но о системном влиянии социальных факторов на социальное положение, уровень интеграции в социальное пространство и характер поведения вынужденных мигрантов. И это определяет, прежде всего, значимость системной политики по регулированию социального положения вынужденных мигрантов, противостоящей основным факторам их первичной дезадаптации. Сюда входит:

– обеспечение высоких темпов преодоления переходного состояния (как минимум, на юридическом уровне и в области социальной поддержки);

– осуществление комплексной социальной поддержки, направленной на обеспечение базовых потребностей вынужденных мигрантов на стадии их первичной адаптации на новом месте;

– комплексное сопровождение процесса социальной интеграции в принимающее сообщество, способствующее выходу вынужденных переселенцев на уровень возможностей, обеспечивающий самостоятельное обеспечение основного спектра потребностей.

В совокупности представленные меры могут в значительной степени снизить деструктивное влияние процессов и механизмов, возникающих в следствие вынужденной миграции членов общества.

Обсуждение. В контексте заявленной проблематики дискуссионный характер имеет вопрос о том, насколько правомерно обобщение различных миграционных процессов (международная мобильность беженцев, вынужденное переселе-

ние внутри одной страны, проактивное и реактивное переселение, миграция в силу инфраструктурных изменений, природных факторов, политического преследования и т.д.) в рамках единой теоретической рамки. Действительно, несмотря на яркий и, на первый взгляд, самоочевидный характер концепта вынужденной миграции, на деле, существует широкий диапазон явлений, различающихся, прежде всего, по тому комплексу условий для субъектов миграции, которые определяют их социальное положение, возможности и барьеры интеграции, с которыми они сталкиваются на новом месте. Вместе с тем, хотелось бы обратить внимание на важный момент, связанный с социологическим рассмотрением процесса с точки зрения проблематики регулирования условий размещения вынужденных переселенцев. Фактически, сформированная теоретическая рамка отражает комплекс проблем, с которыми сталкиваются вынужденные мигранты, и которые повышают вероятность их перехода в состояние социальной аномии. Представленные моменты вариативности связаны с факторами и обстоятельствами, смягчающими действие рассмотренных социальных принципов, компенсирующими, но не отменяющими его. И в этом контексте достигнутые результаты не опровергаются, а лишь дополняются конкретными кейсами, в рамках которых действие деструктивных социальных факторов было уравновешено индивидуальным планированием, сравнительно небольшим перемещением или универсальным характером накопленного соци-

ального капитала (что может иметь место у элитных специалистов в различных областях).

Заключение. Подводя итоги проведенному анализу, отметим, что проблематика социальной аномии вынужденных мигрантов имеет особенно острый характер в контексте социально-политических кризисов последних лет и их последствий. Сам по себе процесс перехода вынужденных мигрантов в аномичное состояние связан как с ущербом от факторов исхода, определяющих ограниченность личных ресурсов и возможностей, так и с издержками переходного состояния, в рамках которого социальные субъекты уже утратили прежнюю включенность, но еще не обрели новую. И в данном контексте большое значение приобретает институционализация социальной интеграции вынужденных переселенцев, предполагающая осуществление комплексных мер их поддержки со стороны государства. Ключевым моментом в данном случае является преодоление исходной эксклюзии приезжих, их первоначальная поддержка, сопровождение и интеграция в принимающее сообщество. В свою очередь, в условиях, когда интеграция в принимающее сообщество становится проблемой самих приезжих, ограниченность легальных ресурсов и возможностей на фоне острого проявления дефицитного состояния по линии ряда базовых потребностей приводит к тому классическому состоянию социальной аномии, которое и влечет за собой вовлечение вынужденных переселенцев в деструктивную деятельность (преступность, асоциальное поведение и т.д.).

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Ager A. Understanding Integration: A Conceptual Framework / A.Ager, A. Strang // *Journal of Refugee Studies*. 2008. Vol. 21. № 2. P. 166–191. DOI: 10.1093/jrs/fen016
2. Hartonen V.R. A Stage of Limbo: A Meta-Synthesis of Refugees' Liminality / V.R. Hartonen, P. Väisänen, L. Karlsson, S. Pöllänen // *Applied Psychology*. 2022. Vol. 71. № 3. P. 1132–1167. DOI: 10.1111/apps.12349 EDN: DTQFXM
3. Phillimore J. Refugees, Acculturation Strategies, Stress and Integration / J. Phillimore // *Journal of Social Policy*. 2011. Vol. 40. № 3. P. 575–593. DOI: 10.1017/S0047279410000929
4. Simmler M. Understanding Pathways to Crime: Can Anomie Theory Explain Higher Crime Rates Among Refugees? Current Findings from a Swiss Survey / M. Simmler, I. Plassard, N. Schär, M. Schuster // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2017. Vol. 23. № 4. P. 539–558. DOI: 10.1007/s10610-017-9351-4 EDN: ASHBED
5. United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). Global Trends 2025: Forced Displacement in 2025. 2026. URL : <https://www.unhcr.org/media/global-trends-2025-report> (дата обращения 20.08.2026).
6. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм; Пер. с фр. А.Н. Ильинского; Под ред. В.А. Базарова. М. : Мысль, 1994. 399 с.
7. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // *Социология преступности: современные буржуазные теории: Сборник статей* / Р.К. Мертон; Пер. с англ. М. : Прогресс, 1966. С. 299–313.
8. Парк Р.Э. Человеческая миграция и маргинальный человек / Р.Э. Парк Сост. и Пер. с англ. В.Г. Нико-

лаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко // Избранные очерки: сборник переводов. М. : ИНИОН РАН, 2011. С. 223–235. EDN: OHJVPN

References:

1. Ager A. Understanding Integration: A Conceptual Framework / A. Ager, A. Strang // Journal of Refugee Studies. 2008. Vol. 21. № 2. P. 166–191. DOI: 10.1093/jrs/fen016
2. Hartonen V.R. A Stage of Limbo: A Meta-Synthesis of Refugees' Liminality / V.R. Hartonen, P. Väisänen, L. Karlsson, S. Pöllänen // Applied Psychology. 2022. Vol. 71. № 3. P. 1132–1167. DOI: 10.1111/apps.12349 EDN: DTQFXM
3. Phillimore J. Refugees, Acculturation Strategies, Stress and Integration // Journal of Social Policy. 2011. Vol. 40. № 3. P. 575–593. DOI: 10.1017/S0047279410000929
4. Simmler M. Understanding Pathways to Crime: Can Anomie Theory Explain Higher Crime Rates Among Refugees? Current Findings from a Swiss Survey / M. Simmler, I. Plassard, N. Schär, M. Schuster // European Journal on Criminal Policy and Research. 2017. Vol. 23. № 4. P. 539–558. DOI: 10.1007/s10610-017-9351-4 EDN: ASHBED
5. United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). Global Trends 2025: Forced Displacement in 2025. 2026. URL : <https://www.unhcr.org/media/global-trends-2025-report> (date of application 08/20/2026).
6. Durkheim E. Suicide: a sociological study / E. Durkheim; Transl. from French by A.N. Ilyinsky; Edited by V.A. Bazarov. М. : Mysl, 1994. 399 p.
7. Merton R.K. Social structure and anomie / R.K. Merton; translated from English // Sociology of crime: modern bourgeois theories: Collection of articles. М. : Progress, 1966. P. 299–313.
8. Park R. E. Human migration and marginal man / R.E. Park; Comp. and Translated from English by V.G. Nikolaev; Edited by D.V. Efremenko // Selected essays: Collection of translations. М. : INION RAS, 2011. P. 223–235. EDN: OHJVPN

Информация об авторах

Бояджан Григорий Григорьевич

кандидат экономических наук,
кандидат медицинских наук,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
Boyajan@mail.ru

Плотников Владимир Валериевич

доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
Plotnikov@mail.ru

Таганова Анна Александровна

кандидат психологических наук,
доцент,
профессор кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
Taganova@mail.ru

Grigory G. Boyajan

Candidate of Economic Sciences,
Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor of the Department
of State and Municipal Management,
Plekhanov Russian University of Economics
Boyajan@mail.ru

Vladimir V. Plotnikov

Doctor of Sociology,
Associate Professor,
Professor of the Department
of State and Municipal Management,
Plekhanov Russian University of Economics
Plotnikov@mail.ru

Anna A. Taganova

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Social and Humanitarian Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Taganova@mail.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.08.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.09.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-4>

УДК 316.344.27:373.1:004

Attribution

cc by

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Даниелян С.Д.

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова*

Аннотация. В статье рассматривается профессиональная идентичность сельского учителя как социологическая категория в условиях масштабной цифровой трансформации российского школьного образования. На основе анализа отечественных и зарубежных теоретических концепций (Э. Эриксон, Дж. Марсиа, Г. Тэшфел, В.А. Ядов, Е.А. Климов) предложена авторская операционализация понятия профессиональной идентичности педагога применительно к условиям сельской школы. Выявлены и систематизированы специфические факторы, определяющие уязвимость профессиональной идентичности сельского учителя перед вызовами цифровизации: профессиональная изоляция, поли-ролевой характер деятельности, ресурсный дефицит, особая социальная миссия. Обосновывается необходимость социологического – в отличие от педагогического и психологического – подхода к изучению данного феномена. Результаты исследования вносят вклад в теорию социальных процессов и могут служить основой для разработки региональной политики поддержки педагогических кадров сельских школ.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, сельский учитель, цифровизация образования, социальная трансформация, профессиональный я-образ, российское общество, сельская школа, профессиональная изоляция, ресурсный дефицит, профессиональное самосознание.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROFESSIONAL IDENTITY OF A RURAL TEACHER IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF MODERN RUSSIAN EDUCATION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Samson D. Danielyan

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)

Abstract. This article explores the professional identity of a rural teacher as a sociological category, examined against the backdrop of large-scale digital transformation in Russian school education. Drawing on Russian and international theoretical frameworks (E. Erikson, J. Marcia, H. Tajfel, V.A. Yadov, E.A. Klimov), the author develops an original operationalization of teacher professional identity tailored to rural school conditions. Specific factors determining the vulnerability of rural teachers' professional identity to the challenges of digitalization are identified and systematized: professional isolation, a multi-subject teaching role, resource deficit, and a distinct social mission. The article argues that a sociological approach – rather than a purely pedagogical or psychological one – is needed to adequately study this phenomenon.

Keywords: professional identity, rural teacher, digitalization of education, social transformation, professional self-image, Russian society, rural school, professional isolation, resource deficit, professional self-awareness.

Funding: Independent work.

Введение.

В последнее десятилетие цифровая трансформация стала одним из ключевых векторов государственной образовательной политики Российской Федерации. Федеральный проект «Цифровая образовательная среда» задаёт быстрый темп внедрения цифровых технологий в учебный процесс – концептуальные основы проекта заложены в Стратегии научно-технологического развития РФ [1]. Вместе с тем, существенно расширились и требования к профессиональной деятельности учителя [2].

Современный педагог оказался в непростом положении, и это не преувеличение. Трансляции знаний и воспитательной работы уже недостаточно. Теперь от педагога ждут освоения цифрового инструментария и его встраивания в повседневную практику. Дается это не всем легко. Причина не в оборудовании – исследования показывают: успех зависит от субъективных убеждений самого учителя, а вовсе не от наличия технологий как таковых [3]. Ментальные установки педагога и оказываются тем барьером, который блокирует любые инновации. Ирония в том, что технологии есть – а вот желание ими пользоваться отсутствует. Попробуйте объяснить учителю математики, зачем ему электронный журнал.

Профессиональная идентичность учителя представляет собой не механический набор компетенций или пунктов должностной инструкции, а целостную систему смыслов, ценностей и самовосприятия. Именно на этом внутреннем фундаменте держится ощущение профессиональной состоятельности и принадлежности к профессиональному сообществу [4].

Когда институциональные изменения входят в противоречие с этой системой, возникает идентификационный кризис, негативно влияющий как на самого педагога, так и на качество образовательного процесса [5]. Для сельского учителя данный кризис приобретает особую остроту. Хронический ресурсный дефицит, профессиональная изоляция, высокая внеучебная нагрузка – всё это делает встречу с цифровой трансформацией для сельского педагога значительно более трудной, чем для городского коллеги.

Уровень профессиональной неопределённости в период реформ повышен повсеместно. Устойчивость к нему сохраняют, как правило, лишь педагоги с развитой личностной субъектностью [6]. И это не случайность – скорее закономерность, чем исключение. Социологические данные говорят: профессиональная изоляция ослабляет когнитивные фильтры педагога настолько, что тому становится трудно удерживать границы своей роли – особенно в моменты радикальных образовательных реформ [7]. А это, в свою очередь, обнажает более общую уязвимость традиционной учительской идентичности. Заметьте речь идёт не об отдельных случаях, а о системной проблеме.

Социологический ракурс этой проблемы до сих пор – на периферии внимания. Большая часть работ тяготеет к педагогике или психологии. Сельский учитель как самостоятельный субъект макросоциальных процессов в них почти не рассматривается [6]. А ведь социология могла бы объяснить многое – если бы кто-нибудь её к этому вопросу подключил.

Настоящая статья посвящена социологическому анализу данной проблемы. Задача – уточнить понятийный аппарат и систематизировать факторы уязвимости, специфичные для сельских педагогов. В работе использованы три подхода: диспозиционная концепция Ядова, теория групповой идентичности Тэшфела с Тёрнером и концепция профессионального самосознания Климова. Три взгляда – три разные плоскости анализа.

Что касается эмпирической базы, вторичный анализ строится на нормативно-правовых источниках (Федеральный закон «Об образовании в РФ», профильные указы Президента РФ) и данных Мониторинга экономики образования НИУ ВШЭ за 2023 год. Методологический каркас исследования образуют системный теоретико-социологический анализ, компаративный метод и концептуальное моделирование социальных процессов.

Обсуждение. Результаты.

1. Теоретические основания: концепции профессиональной идентичности.

Понятие «идентичность» в психологии и социологии имеет длительную историю; применительно к профессиональной деятельности учителя оно приобретает особое аналитическое содержание. Основополагающий вклад в его разработку внёс Э. Эриксон: его концепция опирается на внутреннее переживание непрерывности собственного «Я» на разных этапах психосоциального развития [4]. Профессия, по Эриксону, выполняет для взрослого человека роль главного стабилизатора личности – именно она обеспечивает устойчивое самовосприятие.

Дальнейшее развитие концепция идентичности получила в работах Дж. Марсиа. Он выделил четыре статусных состояния: диффузии, предпринятости, моратория и достижения [8]. Как раз статус моратория представляет наибольший интерес для нашей проблемы. Мораторий – состояние экзистенциального поиска. Человек ищет себя, но пока не нашёл. Значительная часть учительского корпуса находится в нём сегодня – и это не случайно. Цифровая реформа уже подорвала привычные маркеры идентичности, а новые ориентиры пока не институционализировались. Получается замкнутый круг: старое разрушено, а новое ещё не построено.

Г. Тэшфел и Дж. Тёрнер доказали ещё одну важную вещь – и это ключевой момент: Я-концепция производна не только от персо-

нальных свойств личности, но и от групповой принадлежности [9]. Применительно к учительской среде это означает, что самосознание педагога во многом определяется чувством принадлежности к профессиональному сообществу. А цифровизация как раз и нарушает эту целостность. Она поляризует консервативную и технологически ориентированную части школьного коллектива и разрушает привычные механизмы группового сплочения. Фактически школа раскалывается на два лагеря – и это видно.

Одним из главных методологических ориентиров настоящего исследования служит диспозиционная концепция В.А. Ядова. В её основе лежит понимание ценностных ориентаций как устойчивой иерархической структуры, способной сопротивляться внешнему давлению [10]. Из этого тезиса вытекает важное следствие – и оно неутешительное: базовые педагогические ценности, на которых держится профессиональное самосознание, перестроить административным путём практически невозможно. Они устойчивы по своей природе, формируются десятилетиями и слабо реагируют на навязанный сверху темп преобразований. Попробуйте заставить человека изменить свои ценности приказом – ничего не выйдет.

Существенный вклад в понимание профессиональной идентичности внёс Е.А. Климов, введя понятие «профессиональное самосознание» – осознанный и эмоционально окрашенный образ себя как субъекта профессиональной деятельности [11]. Климов выделял три его слагаемых: когнитивное (знание о собственных профессиональных качествах), аффективное (отношение к себе как профессионалу) и конативное (готовность действовать). В условиях масштабной технологической трансформации все три компонента оказываются нестабильными одновременно, что подтверждается широким кругом исследований по психологии личности и профессиональной социализации [12].

Итак, профессиональная идентичность сельского учителя – это:

- а) устойчивый профессиональный я-образ («кто я как учитель»);
- б) система профессиональных ценностей («что важно в моей работе»);
- в) ощущение профессиональной компетентности («я справляюсь со своей работой»);
- г) чувство принадлежности к профессиональному сообществу («я – часть педагогического сообщества»);
- д) нарратив профессионального развития («куда я движусь как профессионал») [13].

2. Специфика сельского учителя как субъекта цифровой трансформации.

Профессиональное положение сельского учителя принципиально отличается от положения городского коллеги – и это различие носит не гео-

графический, а качественный характер. У учителей крупных российских городов дестабилизация социально-трудовых отношений проявляется прежде всего в росте административной нагрузки и снижении престижа профессии [7]. Для сельского педагога к этим процессам добавляются специфические факторы, не имеющие аналогов в урбанизированной среде.

Первым специфическим фактором выступает хронический дефицит профессионального общения. В локальном сельском социуме школьный учитель, как правило, остаётся носителем значительного культурного капитала – нередко он единственный человек с высшим образованием в населённом пункте, что обеспечивает ему высокий социальный статус. Однако у этого статуса есть оборотная сторона: горизонтальные профессиональные связи здесь практически отсутствуют. В отличие от городской среды с её развитой сетью методических объединений и неформального профессионального взаимодействия, сельский педагог лишён возможности регулярно обмениваться опытом. Вынужденная изоляция, в свою очередь, закрепляет устаревшие практики и препятствует освоению актуальных образовательных подходов [14].

Существенное воздействие на структуру идентичности оказывает и поли-ролевой характер повседневной практики сельского учителя. Острая нехватка кадров вынуждает педагогов вести смежные, а порой и далёкие друг от друга дисциплины: по данным Мониторинга экономики образования НИУ ВШЭ, преподавание нескольких дисциплин одновременно характерно для 67 % сельских педагогов, тогда как в городской среде этот показатель составляет лишь 23 % [15]. Следствием становится размытый профессиональный я-образ: учитель идентифицирует себя не через предметную экспертизу, а через институциональную принадлежность – «я учитель этой школы». Подобная модель отличается определённой гибкостью, однако оказывается крайне уязвимой перед масштабными системными трансформациями [6].

Расти профессионально здесь крайне сложно – возможностей почти нет. Инфраструктурная отсталость школ, перебои со связью, географическая удалённость от ведущих образовательных хабов [16]; всё это – объективные ограничения. Ситуацию усложняет оторванность федеральных программ от нужд глубинки. Курсы цифровой грамотности зачастую идут только онлайн. И получается почти парадокс: от учителей требуют цифровых компетенций через каналы связи, которых в их населённых пунктах физически нет [17]. Цифры подтверждают: разрыв между городом и селом остаётся устойчивым [18].

Отдельная тема – социокультурная миссия сельской школы. И она не менее важна. Депопуляция территорий, миграционный отток молодёжи, разрушение местной инфраструктуры – на фоне всего этого образовательное учреждение нередко остаётся едва ли не последним живым

институтом, вокруг которого держится локальное сообщество. Учителю приходится выходить за рамки педагогических функций. Он становится медиатором, хранителем культурной памяти и организатором внеучебной жизни села. Эта расширенная нагрузка одновременно и осложняет жизнь педагога, и наполняет его идентичность дополнительным экзистенциальным смыслом. Как раз включённость в жизнь местного сообщества становится чуть ли не главным ресурсом, который удерживает его в профессии [5].

Цифровизация школьного образования – это далеко не обновление материально-технической базы классов (хотя чиновники об этом, в первую очередь, и думают). По сути, речь идёт о радикальной перестройке профессиональных практик, ролевых ожиданий и институциональных требований. Этот процесс затрагивает само ядро профессионального самосознания педагога [5]. Деформация разворачивается как минимум по нескольким направлениям.

Первый механизм – переопределение профессиональной роли. Десятилетиями учитель занимал в классе позицию практически монопольного «носителя знания» и легитимного «транслятора культуры». Сегодня эта конструкция рушится – и не только в России. Поисковые системы и платформы делают информацию общедоступной. Индивидуальные траектории обучения можно выстраивать почти без участия человека. И это уже реальность, а не футурология. Переосмыслить своё место в этой новой архитектуре школы педагогам удаётся, как правило, не без труда. Тяжелее всего кризис даётся тем, чьё профессиональное «Я» изначально строилось вокруг статуса эксперта-информатора [19].

Не менее значимым механизмом выступает конкуренция компетентностей. Цифровая среда нередко переворачивает привычные роли. Ученики оказываются технологически подкованнее своих учителей. Такая инверсия ощутимо влияет на самооценку педагога и его авторитет в глазах класса. Исследования подтверждают: убеждения учителей насчёт собственной технологической состоятельности блокируют внедрение инноваций [3].

В сельской школе данная проблема приобретает особую остроту: педагогический состав здесь традиционно старше, и значительная часть учителей вошла в профессию задолго до массового распространения цифровых технологий.

Существенное воздействие оказывает и возросшая административная нагрузка. Обязательные цифровые платформы – «Сферум», МЭШ, РЭШ – переход на электронный документооборот, онлайн-дневники и журналы заметно увеличивают реальные трудозатраты учителя [4]. Время на освоение каждого нового инструмента педагог вынужден высвобождать за счёт подготовки к

урокам, индивидуальной работы с учениками и собственного профессионального развития.

Дополнительным фактором давления выступает нормативная база. Действующее образовательное законодательство [20] и Профессиональный стандарт педагога в редакции 2023 года закрепляют владение цифровыми технологиями как обязательную профессиональную компетенцию. Учитель, не освоивший современные инструменты, формально перестаёт соответствовать квалификационным требованиям, что создаёт прямую угрозу его официальному статусу и профессиональной легитимности [5].

Заключение.

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов.

Прежде всего, профессиональная идентичность сельского учителя представляет собой сложную многомерную систему, а не линейный параметр. Субъективный я-образ, устойчивые ценностные ориентации, самооценка компетентности, чувство групповой принадлежности, нарратив профессионального развития – всё это взаимосвязанные элементы единой конструкции. Именно системный характер идентичности объясняет глубину её трансформации: дестабилизация одного элемента неизбежно влечёт за собой нарушение устойчивости всей системы.

Сельский учитель в эпоху реформ оказывается в принципиально ином положении, чем городской коллега. Изоляция, множественные роли, нехватка ресурсов и особая миссия в местном сообществе – все эти факторы действуют сообща. Их совокупный эффект накопительный – как снежный ком. Триггеры резко сужают пространство для адаптации и превращают устойчивую профессиональную идентичность едва ли не в единственную опору для личности педагога.

Социологический подход к изучению данного феномена представляется не факультативным, а методологически необходимым. Учительская идентичность живёт в реальных условиях. Она ежедневно воспроизводится в конкретных трудовых практиках и зависит от местного уклада, решений региональных чиновников и микросоциума самой школы. Педагогика фокусируется на технологических компетенциях, психология – на структуре личности, а социология смотрит шире: на педагога как агента в реальной системе властных и производственных отношений. На этом уровне стоит искать ответ: почему одни учителя справляются с переменами, а другие переживают профессиональную деструкцию?

Дальнейшие исследования могли бы быть посвящены разработке эмпирической методологии для верификации параметров идентичности сельских учителей – с обязательной интеграцией современных цифровых инструментов сбора и анализа первичных социологических данных.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». М., 2016. 32 с.
2. Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). М., 2018. 18 с.
3. Understanding the relationship between teachers' pedagogical beliefs and technology use in education: a systematic review of qualitative evidence / J. Tondeur [et al.] // Educational Technology Research and Development. 2017. № 65(3). P. 555–575. DOI: 10.1007/s11423-016-9481-2 EDN: PEMMLN
4. Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. New York : Norton, 1968. 336 p.
5. Lasky S. A sociocultural approach to understanding teacher identity, agency and professional vulnerability in a context of secondary school reform // Teaching and Teacher Education. 2005. Vol. 21(8). P. 899–916. DOI: 10.1016/j.tate.2005.06.003
6. Гасинец М.В. Агентность учителей в формировании учебного успеха школьников: роли и убеждения / Гасинец М.В., А.В. Капуза, М.С. Добрякова // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 75–97. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-1-75-97 EDN: AXWBHW
7. Клименко Л.В. Профессиональная идентичность школьных учителей в условиях прекариатизации социально-трудовых отношений в крупных городах России / Л.В. Клименко, О.Ю. Посухова // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 36–67. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-3-36-67 EDN: XZOEQP
8. Marcia J.E. Identity in Adolescence // Handbook of Adolescent Psychology / J.E. Marcia; Ed. by J. Adelson. New-York : Wiley, 1980. P. 159–187.
9. Tajfel H. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior / H. Tajfel, J.C. Turner; Ed. by S. Worchel, W. Austin // Psychology of Intergroup Relations. Chicago : Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
10. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расш. изд. М. : ЦСПиМ, 2013. 376 с. ISBN: 978-5-906001-04-7 EDN: SWYNQU
11. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. М. : Академия, 2010. 304 с. ISBN: 978-5-7695-5690-6 EDN: QXYWQX
12. Реан А.А. Психология личности. Социализация, поведение, общение. СПб. : прайм-Евроникс, 2021. 407 с.
13. Сорокин П.С. Образование как источник действия, совершенствующего структуры: теоретические подходы и практические задачи / П.С. Сорокин, И.Д. Фрумин // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 116–137. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-1-116-137 EDN: WVROXL
14. Самоукина Н.В. Психология профессиональной деятельности. СПб. : Питер, 2003. 224 с.
15. Мониторинг экономики образования. Информационный бюллетень / Н.В. Бондаренко [и др.]. М. : НИУ ВШЭ, 2023. № 3(97). 48 с.
16. Индикаторы образования: 2023: Стат. сб. / Л.М. Гохберг [и др.]. М. : НИУ ВШЭ, 2023. 432 с.
17. Уваров А.Ю. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / А.Ю. Уваров, И.Д. Фрумин (ред.). М. : Изд. дом ВШЭ, 2019. 342 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1990-5 ISBN: 978-5-7598-1990-5 EDN: ANYGHO
18. Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2023. 132 с.
19. The personal and professional selves of teachers: stable and unstable identities / C. Day [et al.] // British Educational Research Journal. 2006. Vol. 32(4). P. 601–616. DOI: 10.1080/01411920600775316
20. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения 10.06.2026).

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated December 1, 2016, № 642 «On the Strategy for the Scientific and Technological Development of the Russian Federation». M., 2016. 32 p.
2. Passport of the national project «Education» (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, minutes dated December 24, 2018, № 16). M., 2018. 18 p.
3. Understanding the relationship between teachers' pedagogical beliefs and technology use in education: a systematic review of qualitative evidence / J. Tondeur [et al.] // Educational Technology Research and Development. 2017. № 65(3). P. 555–575. DOI: 10.1007/s11423-016-9481-2 EDN: PEMMLN
4. Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. New-York : Norton, 1968. 336 p.

5. Lasky S. A sociocultural approach to understanding teacher identity, agency and professional vulnerability in a context of secondary school reform // *Teaching and Teacher Education*. 2005. Vol. 21(8). P. 899–916. DOI: 10.1016/j.tate.2005.06.003
6. Gasinets M.V. Teachers' agency in shaping students' academic success: roles and beliefs / M.V. Gasinets, A.V. Kapuza, M.S. Dobryakova // *Educational issues*. 2022. № 1. P. 75–97. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-1-75-97 EDN: AXWBHW
7. Klimenko L.V. Professional identity of school teachers in the context of precariatization of social and labor relations in large cities of Russia / L.V. Klimenko, O.Y. Posukhova // *Educational issues*. 2018. № 3. P. 36–67. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-3-36-67 EDN: XZOEQP
8. Marcia J.E. Identity in Adolescence // *Handbook of Adolescent Psychology* / J.E. Marcia; Ed. by J. Adelson. New-York : Wiley, 1980. P. 159–187.
9. Tajfel H. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior / H. Tajfel, J.C. Turner; Ed. by S. Worchel, W. Austin // *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago : Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
10. Yadov V.A. Self-Regulation and Prediction of an Individual's Social Behavior: The Dispositional Concept. 2nd expanded edition. M. : TsSPiM, 2013. 376 p. ISBN: 978-5-906001-04-7 EDN: SWYNQU
11. Klimov E.A. Psychology of Professional Self-Determination. M. : Academy, 2010. 304 p. ISBN: 978-5-7695-5690-6 EDN: QXYWQX
12. Rean A.A. Psychology of Personality. Socialization, Behavior, Communication. SPb. : Prime-Euroznak, 2021. 407 p.
13. Sorokin P.S. Education as a source of action that improves structures: theoretical approaches and practical tasks / P.S. Sorokin, I.D. Frumin // *Voprosy Obrazovaniya*. 2022. № 1. P. 116–137. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-1-116-137 EDN: WVROXL
14. Samoukina N.V. Psychology of Professional Activity. SPb. : Piter, 2003. 224 p.
15. Monitoring of the Education Economy. Information Bulletin / N.V. Bondarenko [et al.]. M. : HSE University, 2023. № 3(97). 48 p.
16. Education Indicators: 2023: statistical collection / L.M. Gokhberg [et al.]. M. : HSE University, 2023. 432 p.
17. Uvarov A.Yu. Difficulties and Prospects of the Digital Transformation of Education / A.Yu. Uvarov, I.D. Frumin (eds.). M. : HSE Publishing House, 2019. 342 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-1990-5 ISBN: 978-5-7598-1990-5 EDN: ANYGHO
18. Education in Figures: 2023: a brief statistical collection. M. : HSE University, 2023. 132 p.
19. The personal and professional selves of teachers: stable and unstable identities / C. Day [et al.] // *British Educational Research Journal*. 2006. Vol. 32(4). P. 601–616. DOI: 10.1080/01411920600775316
20. Federal Law № 273-FZ dated December 29, 2012, «On Education in the Russian Federation» (as amended on December 25, 2023). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (date of application 10.06.2026).

Информация об авторе

Даниелян Самсон Давидович

аспирант кафедры социальных и гуманитарных наук,
Институт гуманитарного
и социально-экономического образования,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова
ORCID iD: 0009-0009-9546-277X
danielyansamson3@gmail.com

Samson D. Danielyan

Postgraduate Student at the Department
of Social and Humanitarian Sciences,
Institute of Humanitarian
and Socio-Economic Education,
South Russian State Polytechnic University (NPI)
named After M.I. Platov
ORCID iD: 0009-0009-9546-277X
danielyansamson3@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.06.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 06.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-6>

УДК 316.334.2:004.9:351

Attribution

cc by

ОТ АВТОМАТИЗАЦИИ К АНАЛИТИКЕ: РАЗВИТИЕ ПОДСИСТЕМЫ ВЕДОМСТВЕННЫХ ПРОЕКТОВ

Евсеева С.П.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации;*

Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС

Аннотация. Статья посвящена анализу пользовательского опыта в подсистеме управления ведомственными проектами информационно-аналитической системы «Ситуационный центр Главы Республики Саха (Якутия)» сквозь призму концепции клиентоцентричного государства. Результаты проведённого исследования характеризуют, что подсистема управления ведомственными проектами информационно-аналитической системы «Ситуационный центр Главы Республики Саха (Якутия)» успешно выполняет базовую функцию автоматизации рутинных процессов по введению ведомственных процессов, однако, в то же время, демонстрирует существенный нереализованный потенциал с точки зрения эффективности и удовлетворённости внутренних клиентов. Было выявлено, что развитие аналитического функционала должно предусматривать расширение возможностей прогнозирования и аналитики, включая разработку удобных дашбордов для управленческого уровня (руководителей). Кроме того, по полученным данным масштабирование внедрения целесообразно строить на тиражировании успешных практик из подразделений с высокой пользовательской активностью и целенаправленном повышении информированности сотрудников о возможностях подсистемы. Реализация сформулированных рекомендаций в рамках исследования необходимы для повышения вовлечённости внутренних клиентов, снижению дополнительной нагрузки и усилению роли подсистемы в поддержке принятия управленческих решений.

Ключевые слова: пользовательский опыт, информационно-аналитическая система, клиентоцентричное государство, ведомственные проекты, внутренние клиенты, обратная связь, социологическое исследование, модернизация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FROM AUTOMATION TO ANALYTICS: DEVELOPMENT OF THE SUBSYSTEM OF DEPARTMENTAL PROJECTS

Svetlana P. Evseeva

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
Far Eastern Institute of Management, RANEPA branch*

Abstract. The article is devoted to the analysis of user experience in the Departmental Project management Subsystem of the information and analytical system «Situation Center of the Head of the Republic of Sakha Yakutia» through the prism of the concept of a client-centered state. The results of the study indicate that the Departmental project management subsystem of the information and analytical system «Situation Center of the Head of the Republic of Sakha Yakutia» successfully performs the basic function of automating routine processes for the introduction of departmental processes, but at the same time demonstrates significant unrealized potential in terms of efficiency and satisfaction of internal clients. It was revealed that the development of analytical functionality should include the expansion of forecasting and analytics capabilities, including the development of user-friendly dashboards for the managerial level (managers). In addition, according to the data obtained, it is advisable to scale the implementation by replicating successful practices from departments with high user activity and purposefully increasing employee awareness of the subsystem's capabilities. The implementation of the formulated recommendations in the framework of the study is necessary to increase the involvement of internal clients, reduce additional workload and strengthen the role of the subsystem in supporting management decision-making.

Keywords: user experience, information and analytical system, client-centered government, departmental projects, internal clients, feedback, sociological research, modernization.

Funding: Independent work.

Введение.

Распоряжение Правительства РФ от 01 октября 2021 года № 2765-р «Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года»¹ определяет стратегические направления развития, включая внедрение клиентоцентричного подхода.

Декларация ценностей клиентоцентричного государства, утверждённая в 2022 году в рамках федерального проекта «Клиентоцентричность», закрепляет концептуальные основы трансформации системы государственного управления на принципах ориентации на потребности и опыт граждан. Документ формулирует миссию государства как обеспечение эффективного и комфортного взаимодействия человека с государственными институтами посредством постоянного анализа актуальных потребностей и клиентского опыта [1; 2]. Практическим инструментом реализации её положений в отношении внутренних клиентов разработан стандарт для внутреннего клиента, который представляет собой нормативный документ, регламентирующий внедрение клиентоцентричного подхода во внутриведомственное и межведомственное взаимодействие государственных и муниципальных органов.

Под внутренним клиентом понимаются государственные и муниципальные служащие, а также работники организаций, уполномоченных взаимодействовать с внешними клиентами от лица государства [3; 4]. Стандарт нацелен на оптимизацию внутренних процессов управления посредством применения современных технологий организации работы, совершенствования кадровой политики и формирования корпоративной культуры, ориентированной на взаимную поддержку и результативность. Реализация стандарта способствует повышению удовлетворённости и вовлечённости сотрудников, снижению административных барьеров и росту общей эффективности деятельности госорганов, что в конечном счёте отражается и на качестве услуг для внешних клиентов [5].

Пользовательский опыт (user experience), в контексте государственного управления, в данной работе интерпретируется как совокупность восприятий, убеждений и поведенческих реакций внутренних клиентов при взаимодействии с под-

системы управления ведомственных проектов информационно-аналитической системы «Ситуационный центр Главы Республики Саха Якутия» (далее – подсистема управления ведомственными проектами). Он включает в себя не только технические аспекты (скорость, удобство интерфейса), но и когнитивные (понимание функционала) и организационные (культура использования).

Обсуждение.

Теория рациональной бюрократии Макса Вебера и современные междисциплинарные концепции как основа анализа информационных систем государственного управления. Среди классических социологов, чьи идеи могут быть связаны с удовлетворённостью пользователей информационно-аналитическими системами государственного управления, можно выделить Макса Вебера. Он известен своей теорией рациональной бюрократии, которая стала основой для понимания организационных структур, включая государственные учреждения. Вебер описывал бюрократию как систему с чёткой иерархией, формальными правилами и компетенциями, что обеспечивает эффективность и предсказуемость управления [6]. Но, вместе с тем, применение только такого подхода является недостаточным для понимания пользовательского опыта в цифровой среде. Исходя из этого, стоит обратиться к современным концепциям организационного поведения, технологического принятия (теория TAM) и цифрового взаимодействия, которые позволяют анализировать не только структуру, но и субъективные аспекты взаимодействия сотрудника с системой (мотивацию, уровень цифровой грамотности, воспринимаемую полезность и т.п.) [7; 8].

В данной работе теория М. Вебера о бюрократии позволяет анализировать, как формализация и стандартизация процессов в цифровых системах могут как улучшать, так и ограничивать удовлетворённость пользователей. а современные подходы к изучению пользовательского опыта становятся методологической основой для интерпретации эмпирических данных. Это позволяет рассматривать цифровую систему не только как инструмент, а как социотехническую систему, где технология и поведение индивидов взаимосвязаны.

Роль подсистем в организации эффективного госуправления. В контексте информационных систем, особенно в государственном секторе, подсистемы играют ключевую роль в организации эффективного управления. Подсистемы – логически и функционально выделенные части более крупной системы, обеспечивающие выполнение определённого набора задач. В связи

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.10.2021 № 2816-р «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397326 (дата обращения 20.03.2026.).

с этим подсистемы современной информационной системы должны отвечать ряду ключевых требований, обеспечивающих их эффективность, надёжность и удобство использования [9; 10].

Согласно регламенту по подготовке, инициации и разработке ведомственных проектов РС(Я), ведомственный проект – проект, обеспечивающий достижение и (или) вклад в достижение показателей государственной программы РС(Я) (в случае, если ведомственный проект является структурным элементом государственной программы РС(Я)), а также достижение иных показателей и (или) решение иных задач соответствующего органа государственной власти РС(Я) и (или) организации [11; 12].

Формирование, согласование (одобрение), утверждение и представление информации и документов, разрабатываемых при осуществлении проектной деятельности¹, за исключением информации и документов, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, осуществляются в информационно-аналитической системе «Ситуационный центр Главы Республики Саха Якутия».

Исходя из этого, пользовательский опыт внутреннего клиента является значимым индикатором оценки эффективности и удобства пользования подсистемой управления ведомственными проектами, а также введению проектной деятельности в целом. В связи этим, формируется потребность в выявлении уровня пользовательского опыта и удобства пользования подсистемой управления ведомственными проектами [13;14].

Методология и методика исследования. Полевой этап исследования был проведен в первом квартале 2025 года в соответствии с основной целью исследования – оценка пользователями (внутренними клиентами) работы подсистемы управления ведомственными проектами.

Для достижения данной цели были сформулированы задачи:

- оценить уровень вовлечённости пользователей в работу с подсистемой;
- изучить степень удовлетворённости пользователей качеством работы подсистемы;
- проанализировать профиль и активность пользователей по категориям;
- исследовать спектр решаемых с помощью подсистемы задач;

– оценить восприятие пользовательского интерфейса;

– исследовать эффективность инструментов поиска и фильтрации данных;

– оценить производительность подсистемы;

– проанализировать качество сопроводительной документации.

Методом сбора первичной социологической информации был выбран анкетный опрос с использованием Яндекс Формы. Исследование организовано и проведено автором статьи. Метод анализа социологической информации: анализ линейных распределений, корреляционный анализ. Выборка исследования – сплошная, n = 227.

Результаты.

Проведённое исследование пользовательского опыта работы с подсистемой управления ведомственными проектами выявило умеренно высокую вовлечённость аудитории, 60 % респондентов обращаются к системе регулярно (еженедельно), что свидетельствует о её встраивании в рабочие процессы значительной части сотрудников. При этом 33 % опрошенных указали, что заходят в подсистему раз в месяц, а 7 % не используют её вовсе. Это свидетельствует о наличии проектов с риском искажений данных, а также наличием эпизодических пользователей, которые указывают на сезонность и/или вынужденность в взаимодействии. Данный факт указывает на потенциал роста вовлечённости за счёт групп периодических и не использующих подсистему пользователей так как наличие таких групп снижает ценность подсистемы как инструмента непрерывного управления.

Оценки удовлетворённости качеством работы подсистемы управления ведомственными проектами преимущественно позитивны. Около 65 % респондентов выражают ту или иную степень удовлетворённости, что подтверждает соответствие базового функционала подсистемы ожиданиям большинства опрошенных. Вместе с тем, 22 % респондентов оценивают работу системы как «Скорее не удовлетворены», а 2 % «Полностью не удовлетворены», несмотря на общий позитивный фон ответов, почти 15 % опрошенных также испытывает затруднение в ответе на поставленных вопрос. Это может свидетельствовать о низком уровне вовлечённости, отсутствии понимания функционала, а также о наличии страха высказывании критики. Полученные данные характеризуют о наличии проблемных зон и необходимости их дальнейшей проработки.

Анализ профиля активных пользователей по полученным данным показал, что основную группу составляют специалисты и обеспечивающие сотрудники (47 %), далее следуют аналитики (27 %), тогда как руководители вовлечены в наименьшей степени (13 %). Низкая активность

¹ Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 (ред. от 06.11.2025) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» (вместе с «Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151 (дата обращения 21.03.2026).

управленческого сектора может быть связана с недостаточной адаптацией интерфейса под задачи стратегического управления по потребности руководителей, в частности в отсутствии удобных дашбордов и инструментов визуализации для принятия управленческих решений. А также свидетельствовать о том, что руководители принимают решения вне системы, что снижает прозрачность и согласованность управления проектами.

Результаты исследования показали, что подсистема управления ведомственными проектами наиболее активно используется для решения базовых проектных задач, такие как планирование, мониторинг и отчётность. Данный фактор связан с тем, что активными пользователя являются специалисты, обеспечивающие специалисты и аналитики. В то же время итоги исследования показывают, что потенциал подсистемы для углублённой аналитики и прогнозирования реализован слабо. Соответствующие задачи получили лишь 8 % и 3 % от общего числа ответов, что может указывать на недостаточную развитость функционала либо использование альтернативных систем параллельно вне данной подсистемы. Функциональное использование системы сконцентрировано на фиксации данных (планирование, отчётность), а не как инструмент для принятия управленческих решений.

Согласно данным внедрения подсистемы управления ведомственными проектами в структурных подразделениях, они носят фрагментарный характер. Только 40 % респондентов отмечают её использование лишь в отдельных структурных подразделениях, около 20 % в большинстве, а суммарно 18 % ответов указывают на низкое или отсутствующее внедрение в организации в целом. Значительная доля респондентов затруднившихся ответить (24 %) свидетельствует о слабой информированности сотрудников о масштабах применения системы в проектной деятельности в регионе. Полученные данные отображают о необходимости и важности проведения работы по данному направлению.

Более половины респондентов (61 %) считают функциональность подсистемы эффективной для введения проектной деятельности, однако, 39 % внутренних клиентов отмечают её ограниченность. Среди возможных причин могут быть включены такие критерии, как нехватка специализированных инструментов, неудобство интерфейса, необходимость интеграции с другими системами и отсутствие гибких настроек под специфику подразделений.

По полученным данным было выявлено, что восприятие пользователями интерфейса неоднозначно. Около 45 % респондентов оценивают его как интуитивно понятным, но, в то же время, 40 % признают, что есть затруднения и для освоения требуется дополнительное время, а 9 % считают интерфейс полностью непонятным. Аналогичная ситуация наблюдается в оценке

поиска информации в подсистеме управления ведомственными проектами. Около половины опрошенных (49 %) находят нужную информацию достаточно легко, тогда как 37 % респондентов сталкиваются с трудностями в поиске нужной им информации. Это говорит о том, что «интуитивность» как результат привычки, а не качества UX. Внутренние клиенты научились обходить недостатки, соответственно не используют систему эффективно. Данная проблема может быть связана из-за неэффективной формы фильтрации, отсутствия продвинутых инструментов поиска или не интуитивной структуры разделов.

Скорость работы подсистемы управления ведомственными проектами большинство внутренних клиентов (60 %) оценивают, как среднюю. В то же время, 20 % опрошенных отмечают низкую скорость, что может снижать продуктивность и вызывать негативную оценку среди внутренних клиентов, и лишь 12 % считают скорость высокой.

Влияние подсистемы ведомственных проектов на управление рабочим временем по данным исследования также неоднозначно. Около 30 % респондентов отмечают положительный эффект на упрощение управлением рабочим временем и загруженностью команды благодаря подсистеме управления, 17 % опрошенных сообщили что не видят изменений, а 33 % воспринимают систему как источник дополнительной нагрузки. Полученный процент ответов может быть связан с избыточной сложностью интерфейса или дублированием действий в нескольких системах. Без устранения этих барьеров цифровизация не достигнет ожидаемого эффекта и может привести к снижению мотивации внутренних клиентов.

Руководство пользователя подсистемой управления ведомственными проектами положительно оценили около 70 % респондентов, но, тем не менее, 32 % опрошенных указали на то, что руководство недостаточно понятно для них. Это фактор может снижать эффективность самостоятельного освоения системы, увеличивая тем самым нагрузку на регионального проектного менеджера (координатора по ведомственным проектам), а также может приводить к затруднениям у пользователей и как следствие к возможным ошибкам в работе по внесению данных в подсистему.

Исходя из этого, по полученным данным формируются рекомендации по совершенствованию подсистемы управления ведомственными. Прежде всего, необходимо внедрить в деятельность руководителей работу в подсистеме. Следует разработать специализированные дашборды и инструменты визуализации данных, адаптированные под задачи стратегического управления руководством. Данный инструмент позволит усилить роль подсистемы в поддержке принятия управленческих решений и как итог повысит её ценность в работе руководства.

В целях устранения неравномерности внедрения в структурные подразделения подсистемы ведомственных проектов, необходимо провести дополнительные анализы причин низкой вовлечённости у отдельных групп сотрудников. После выявления проблемных зон, следует тиражировать успешные практики из структурных подразделений с активной пользовательской работой. Кроме того, следует параллельно ввести работу по информационной кампании, которая будет направлена на повышение осведомлённости сотрудников и руководителей о возможностях подсистемы в работе.

По вопросу оптимизации интерфейса необходимо также провести дополнительное исследование в целях выявления проблемных зон в навигации внутри сайта и в целом логики взаимодействия пользователей с подсистемой. После получения данных исследования, следует обратить внимание на вопрос упрощения блоков (разделов) подсистемы: а именно, сделать их расположение более интуитивно понятным, а также для удобства внедрить интерактивные подсказки или встроенную краткую инструкцию. Кроме того, для практичности, следует разработать краткую инструкцию для быстрого старта работы новых пользователей подсистемы.

В ход исследования также было выявлено, что требуется усовершенствовать механизмы поиска и фильтрации данных. Для этого рекомендуется учесть в функционал подсистемы полнотекстовую поисковую систему. Также для повышения производительности подсистемы управления ведомственными проектами следует провести техническую модернизацию. Модернизация должна быть направлена на ускорение загрузки страниц и сокращения времени отклика подсистемы для пользователей.

Кроме того, необходимо расширить аналитический функционал подсистемы управления, уделяя особое внимание инструментам более углублённой аналитики и прогнозирования. Развитие этих возможностей позволит задействовать потенциал подсистемы управления ведомственными проектами для решения более сложных задач и снизит потребность в использовании сторонних инструментов.

По полученным итогам исследования следует также актуализировать руководство пользователя дополнив его пошаговыми инструкциями по работе с продвинутыми функциями, снабдить материал иллюстрациями и сценариями решения типовых задач, упростить язык изложения и обеспечить удобную навигацию внутри документа (гиперссылки, оглавление, поиск). Добавить в подсистему функционал по сбору обратной связи от пользователей, тем самым открывая возможность оперативного выявления наиболее проблемных вопросов, формирующихся у пользователей.

Реализация указанных мер позволит повысить удовлетворённость внутренних клиентов всех

категорий, расширить спектр решаемых задач, усилить роль подсистемы управления ведомственными проектами в обеспечении результативности проектной деятельности и достичь более полного использования её потенциала для принятия управленческих решений.

Заключение.

В стране закреплён последовательный курс на внедрение клиентоцентричного подхода в системе государственного управления.

Распоряжение Правительства РФ от 01 октября 2021 года № 2765-р задаёт стратегические ориентиры развития до 2030 года, включая трансформацию взаимодействия государства с гражданами и организациями.

Декларация ценностей клиентоцентричного государства конкретизирует концептуальные основы такой трансформации, формулируя миссию государства как обеспечение эффективного и комфортного взаимодействия с институтами власти на основе анализа потребностей и клиентского опыта.

Дополняет эту рамку Стандарт для внутреннего клиента, распространяющий принципы клиентоцентричности на внутриведомственное и межведомственное взаимодействие, рассматривающий при этом государственных и муниципальных служащих в роли внутренних клиентов. В республике ведомственные проекты служат инструментом достижения целевых значений показателей государственных программ, а также направлены на достижение иных задач. Работа в регионе по проектной деятельности осуществляется в информационно-аналитической системе «Ситуационный центр Главы РС(Я)», делая тем самым пользовательский опыт внутреннего клиента значимым индикатором эффективности и удобства подсистемы как инструмента по реализации проектной деятельности.

Концепция бюрократии Макса Вебера, рассмотренная в рамках статьи, позволила осмыслить процессы цифровизации госуправления сквозь призму бюрократического подхода. Формализация и стандартизация процедур, чёткое распределение полномочий и ориентация на эффективность, являются ключевыми элементами Веберовской модели и находят отражение в архитектуре информационных систем, в том числе в структуре проектного управления по ведомственным проектам. Однако исключительно Веберовский подход недостаточен для понимания пользовательского опыта в цифровой среде. Синтез классической теории и современных подходов (концепции организационного поведения, технологического принятия и цифрового взаимодействия) переводит анализ системы из плоскости чистой автоматизации в пространство социально-технической взаимосвязи.

Таким образом, анализ нормативно-правовых документов, стандартов и теоретической базы, в

рамках статьи, подтверждает необходимость комплексного изучения пользовательского опыта в информационно-аналитических системах государственного управления. Выявленный уровень удобства пользования подсистемой управления ведомственными проектами в рамках исследования, позволил автору статьи определить точки роста в целях оптимизации и улучшения функционала для комфортной работы внутренних клиентов.

Итоги проведенного социологического исследования позволили оценить текущее состояние пользовательского опыта. Было установлено, что подсистема управления ведомственными проектами обладает устойчивой базой активных пользователей. Анализ профиля пользователей в рамках статьи выявил неравномерность вовлечённости различных категорий сотрудников. Но тем не менее, оценка функциональности и качества работы подсистемы пользователями носят преимущественно позитивный характер. Подсистема управления ведомственными проектами активно задействована в решении базовых проектных задач, таких как планирование, мониторинг, формирование отчётности, что подтверждает её значимость в рамках реализации проектной деятельности. Было также определено, что более половины пользователей считают функционал достаточным для проектной деятельности. Вместе с тем, был выявлен суще-

ственный не примененный потенциал в области аналитики и прогнозирования, доля которых в общем объёме задач составляет лишь 8 % и 3 % соответственно.

Таким образом, подсистема управления ведомственными проектами демонстрирует значительный потенциал как инструмент автоматизации и поддержки проектной деятельности. С учетом вышеописанного формулируется вывод, что подсистема управления ведомственными проектами выполняет свою основную функцию автоматизации рутинных процессов и в целом востребована среди значительной части пользователей, прежде всего специалистов и аналитиков. Однако её потенциал реализован не в полной мере из-за фрагментарным внедрением, недостаточного уровня проработанности интерфейса, ограниченной функциональности для углублённой аналитики, низкой вовлечённости руководителей как пользователей подсистемы.

Оптимизация интерфейса, расширение аналитических возможностей, повышение скорости работы, актуализация сопроводительной документации и тиражирование успешных практик использования позволят повысить удовлетворённость внутренних клиентов, снизить дополнительную нагрузку и усилить роль подсистемы в поддержке принятия управленческих решений.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Декларация ценностей клиентоцентричного государства. URL : <https://xn-80aebecah6apa1adyldqm2sra.xn-p1ai/library> (дата обращения 18.03.2026.).
2. Калинин А.Н. Использование принципа клиентоцентричности в государственном управлении: повестка внедрения. Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 7–25. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-3-7-25 EDN: MTASKL
3. Мартынова Н.А. Внутренний клиент: актуальные вопросы развития. Вестник экспертного совета. 2025. № 2(41). С. 10–18. EDN: SHMQDK
4. Болдина М.Ю. Клиентоориентированность и клиентоцентричность при предоставлении государственных и муниципальных услуг. Социология. 2023. № 5. С. 168–174. EDN: HRYVAN
5. Стандарт «Для внутреннего клиента». 2021. URL : <https://xn-80aebecah6apa1adyldqm2sra.xn-p1ai/library> (дата обращения 17.03.2026.).
6. Альпидовская М.Л. Концепция рациональной бюрократии индустриального общества М. Вебера // Вестник финансовой академии. 2007. № 2(42). С. 82–89. EDN: IBVJGJ
7. Пузанова Ж.В. Эволюция концепций организационного поведения / Ж.В. Пузанова, В.В. Хуртина // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 83–87. EDN: RWUEVP
8. Кобыляцкий М.К. Принятие технологии как ключевой фактор цифрового развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 4(142). С. 1–5. DOI: 10.23670/IRJ.2024.142.4 EDN: CEOSXZ
9. Туронок С.Г. Информационные системы в государственном управлении. Вопросы методологии Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. № 3. С. 75–93. EDN: KWOCIN
10. Амелин Р.В. Правовой режим государственных информационных систем. Чаннов С.Е. ГроссМедиа. М., 2016. 338 с. ISBN: 978-5-4230-0505-4 EDN: WZBKZL

11. Андреева Р.Н. Особенности внедрения проектного управления в органах государственной власти Республики Саха (Якутия) / Р.Н. Андреева, О.Ю. Синяева // Вестник университета. 2018. № 7. С. 42–48. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-7-42-48 EDN: LYIFJR
12. Положение об организации проектной деятельности в Республике Саха (Якутия). 2019. URL : <https://docs.cntd.ru/document/561544880/titles/1MFO3B9> (дата обращения 14.03.2026).
13. Компаниец В.С. Возможности и перспективы применения инструментальных методов исследования пользовательского опыта / В.С. Компаниец, А.Е. Лызь // Информатизация и связь. 2018. № 4. С. 7–11. EDN: PHOIHX
14. Шобей Л.Г. О некоторых проблемах использования государственных информационных систем / Л.Г. Шобей, П.А. Чернова // Образование и право. 2022. № 7. С. 170–172. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-7-170-172 EDN: TPSMEC

References:

1. Declaration of the values of a client-centric state. URL : <https://xn-80aebecah6apa1adyldqm2sra.xn-p1ai/library> (date of application 03/18/2026.)
2. Kalinin A.N. Using the principle of client-centricity in public administration: the implementation agenda. Issues of state and municipal management. 2023. № 3. P. 7–25. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-3-7-25 EDN: MTASKL
3. Martynova N.A. Internal client: current development issues // Bulletin of the Expert Council. 2025. № 2(41). P. 10–18. EDN: SHMQDK
4. Boldina M.Y. Customer orientation and customer-centricity in the provision of public and municipal services. Sociology. 2023. № 5. P. 168–174. EDN: HRYVAN
5. The standard «For the internal client». 2021. URL : <https://xn-80aebecah6apa1adyldqm2sra.xn-p1ai/library> (date of application 03/17/2026.).
6. Alpidovskaya M.L. The concept of rational bureaucracy of an industrial society by M. Weber. Bulletin of the Financial Academy. 2007. № 2(42). P. 82–89. EDN: IBVJGJ
7. Puzanova Zh.V. Evolution of concepts of organizational behavior / Zh.V. Puzanova, V.V. Khurtina // Theory and practice of social development. 2014. № 2. P. 83–87. EDN: RWUEVP
8. Kobylatskiy M.K. Technology adoption as a key factor of digital development // International Scientific Research Journal. 2024. № 4(142). P. 1–5. DOI: 10.23670/IRJ.2024.142.4 EDN: CEOSXZ
9. Turonok S.G. Information systems in public administration. Issues of methodology: Problem analysis and public management design. 2009. № 3. P. 75–93. EDN: KWOCIN
10. Amelin R.V. The legal regime of state information systems. Channov S.E. GrossMedia. M., 2016. 338 p. ISBN: 978-5-4230-0505-4 EDN: WZBKZL
11. Andreeva R.N. The specifics of the implementation of project management in the public authorities of the Republic of Sakha (Yakutia) / R.N. Andreeva, O.Yu. Sinyayeva // Bulletin of the University. 2018. № 7. P. 42–48. DOI: 10.26425/1816-4277-2018-7-42-48 EDN: LYIFJR
12. Regulations on the organization of project activities in the Republic of Sakha (Yakutia). 2019. URL : <https://docs.cntd.ru/document/561544880/titles/1MFO3B9> (date of application 03/14/2026.).
13. Companiets V.S. Possibilities and prospects of using instrumental methods of user experience research / V.S. Companiets, A.E. Lyz // Informatization and Communication. 2018. № 4. P. 7–11. EDN: PHOIHX
14. Shobey L.G. About some problems of using government information systems / L.G. Shobey, P.A. Chernova // Education and law. 2022. № 7. P. 170–172. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-7-170-172 EDN: TPSMEC

Информация об авторе

Евсеева Светлана Петровна
аспирантка Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Дальневосточного института управления –
филиала РАНХиГС, г. Хабаровск
ORCID iD: 0009-0008-8373-1162
Arylychokur@mail.ru

Svetlana P. Evseeva
Postgraduate Student
at the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Far Eastern Institute of Management,
RANEPA branch, Khabarovsk
ORCID iD: 0009-0008-8373-1162
Arylychokur@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.07.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-7>

УДК 316

Attribution

cc by

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИИ ПЕРЕВОДЧИКА В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Кайзер Б.А.

Кубанский государственный университет

Аннотация. На современном этапе происходит ряд процессов, влияющих на условия профессиональной деятельности переводчиков, от изменения доступного им инструментария до изменения требований к профессии и ее востребованности. При этом развитие информационных технологий ведет к фактическому вытеснению профессиональных переводчиков в ряде направлений. Все это свидетельствует о значительных изменениях в условиях профессиональной деятельности переводчиков. В статье анализируется влияние технологических и институциональных изменений на условия профессиональной деятельности переводчиков и требования к ним. Рассматривается тенденция формирования специфических профессиональных ниш, основанных на совмещении навыков перевода с дополнительными специальными компетенциями.

Ключевые слова: профессия переводчика, технологическое развитие, политические трансформации, экономические трансформации, профессиональные ниши, машинный перевод.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

TRANSFORMATION OF THE TRANSLATION PROFESSION IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL AND INSTITUTIONAL CHANGE

Beata A. Kaiser

Kuban State University

Abstract. At the present stage, a number of processes are affecting the conditions of translators' professional activity, ranging from changes in the tools available to them to shifts in professional requirements and demand for translation services. At the same time, the development of information technologies is leading to the actual displacement of professional translators in a number of areas. All these processes indicate significant changes in the conditions under which translators perform their professional activities. The article analyzes the impact of technological and institutional changes on translators' working conditions and the requirements imposed on them. Particular attention is paid to the emerging trend toward the formation of specific professional niches based on the combination of translation skills with additional specialized competencies.

Keywords: translation profession, technological development, political transformations, economic transformations, professional niches, machine translation.

Funding: Independent work.

Введение.

Профессия переводчика с давних времен имеет большое значение для общества, поскольку обеспечивает возможность осуществления как функциональных социальных связей (например, в политической или экономической сфере при ведении переговоров), так и взаимодействие в области науки и культуры: переводу подвергаются научные публикации, литературные произведения и т.д. По мере развития процессов глобализации, на первый взгляд, данная профессия приобрела особую востребованность с учетом

того, что произошла интенсификация международного взаимодействия на практически всех уровнях. Однако помимо влияния фактора глобализации в последние годы актуализировался ряд других факторов, к числу которых относится изменение характера политических отношений, трансформация экономических процессов, а также интенсивный рывок в развитии информационных технологий, породивший такое явление, как автоматический машинный перевод.

В текущих условиях пока рано говорить о том, что профессия переводчика ушла в прошлое, как

© Кайзер Б.А.

десятки других профессий до нее, не прошедших проверку временем и инновациями. Однако в текущих условиях отчетливо прослеживается трансформация условий профессиональной деятельности переводчиков, что необходимо учитывать, как на стадии профессиональной ориентации будущих представителей профессии, так и в рамках их профессиональной подготовки. Все это свидетельствует о целесообразности и актуальности исследования динамики изменения условий деятельности переводчиков в русле социологического знания.

Материалы и методы. В рамках работы, с учетом сложности и масштабов затронутой тематической сферы, производится обращение к обширному набору методологических подходов, которые включают в себя как общенаучные, так и специальные методы. К числу общенаучных методов, используемых в статье, относятся анализ, синтез, абстрагирование, сравнение и дедукция, а также исторический подход. Среди специальных методов, задействованных в статье, структурно-функционалистский и институциональный подходы.

В процессе подготовки статьи была произведена опора на несколько групп научных источников, отражающих отдельные аспекты поставленной научной проблемы:

- общие аспекты изменения профессии переводчика под влиянием внешних факторов были рассмотрены с опорой на труды таких исследователей, как А. Пим, Ф. Грин, К. Сфреддо, А. Чен [12], Д. Кэйтан [5], Х. Дам, К. Зетсен [2];
- влияние политического фактора на выбор языковой ниши было рассмотрено в опоре на исследования таких авторов как Дж. Хейлброн [3], А. Квирикашвили [8], Д. Ким, Дж. Чой [6];
- влияние экономических факторов на востребованность переводчиков были рассмотрены с учетом работ М. Олохана [11], Дж. Мелитц, Ф. Тубала [9];
- влияние технологических факторов на востребованность переводчиков (проблема вытеснения живых переводчиков механизмами машинного перевода) проанализировано с опорой на работы таких авторов, как Л. Визйра [13], М. Копонен [7], Дж. Муркенс [10];
- переход современных переводчиков к специализированному переводу, требующему расширенных компетенций (технических, научных, литературных) рассмотрен с опорой на исследования таких авторов, как Дж. Бирн [1], К. Кэроли [4].

Результаты.

За минувшие десятилетия произошел ряд изменений, коренным образом изменивших условия деятельности переводчиков. По сути, речь идет о влиянии встречных тенденций, повышающих востребованность профессии в одних сферах и

снижающих ее востребованность в других. Интенсификация межкультурного диалога определила высокий спрос на осуществление профессионального перевода в литературной и медийной сферах. В свою очередь, процессы глобализации, определившие востребованность профессии, одновременно задали тренд на развитие языковых компетенций у специалистов, стремящихся к осуществлению международной деятельности, что способствовало частичному снижению востребованности услуг профессиональных переводчиков.

Происходящие изменения можно подразделить на количественные и качественные. В количественном плане можно говорить о перераспределении приоритетов в профессии, проявляющемся в изменении уровня востребованности специалистов различного профиля (синхронный перевод, литературный перевод, перевод технической документации, научных текстов и т.д.). Одновременно с этим меняются и качественные требования, что проявляется, прежде всего, в изменении востребованности конкретных языковых компетенций под влиянием политических и экономических факторов (что особенно явно прослеживается в последние годы в контексте переориентации ряда экономических связей России в направлении стран, входящих в БРИКС). Однако наиболее серьезным фактором трансформации профессии становится развитие современных технологий, обеспечивающих возможность осуществления машинного перевода с использованием технологий искусственного интеллекта. Фактически, в настоящее время происходит радикальное снижение востребованности базового дословного перевода, поскольку реализация может быть осуществлена бесплатно и с высокой скоростью посредством применения машинных средств. И это определяет постепенное преобразование профессии, связанное с сохранением востребованности тех услуг по переводу, которые требуют специальных компетенций, пока недоступных для автоматизированных систем. Все это позволяет судить о значительном изменении профессии, определяющем востребованность дополнительных нишевых компетенций для специалистов по переводу (навыки литературной обработки текста, навыки работы с научными текстами и т. д.).

Обсуждение.

В контексте затронутой темы, дискуссионный характер сохраняет вопрос о перспективах представителей профессии даже при условии ориентации на специфические ниши (литературный перевод, перевод в научной сфере) с учетом того, что технологии искусственного интеллекта непрерывно совершенствуются. Авторская позиция в данном вопросе состоит в том, что в текущей перспективе востребованность переводчиков, обладающих дополнительными знаниями и компетенциями, сохранится ввиду высокой сложности перевода в отдельных областях. При этом, если ранее, как отмечают исследователи,

существуют «две широкие категории подходов к переводу слов из словарного запаса. Один из подходов состоит в том, чтобы просто скопировать редкие слова из источника (поскольку наиболее редкие слова — это имена или числа, где правильный перевод — просто копия), либо на основе модели внимания, с использованием модели внешнего выравнивания, или даже используя более сложную специализированную сеть. Другая широкая категория подходов заключается в использовании единиц подслов, например, символов, смешанных слов/символов. Модели машинного перевода основаны на моделях от последовательности к последовательности, в которых у нас есть кодер, который изучает исходный язык, и декодер, который изучает целевой язык и декодирует закодированное исходное предложение» [14]. На данный момент, языковые модели проходят этапы активного совершенствования.

Вместе с тем, переводчик-специалист существенно превосходит в понимании контекстов и глубинных смыслов.

Заключение.

В целом, подводя итоги проведенному исследованию, следует отметить, что профессия переводчика обнаруживает крайне высокую степень зависимости от внешних социальных факторов, детерминирующих востребованность услуг по переводу. В этом контексте, происходящие масштабные сдвиги актуализируют востребованность языковых компетенций, ранее менее актуальных (языки новых экономических и политических партнеров), а также целесообразность комплексной подготовки специалистов, обеспечивающей возможность осуществления деятельности по переводу в специфических профессиональных нишах.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Byrne J. Scientific and Technical Translation Explained: A Nuts and Bolts Guide for Beginners. London; New-York : Routledge, 2012. 246 p. DOI: 10.4324/9781315760391
2. Dam H.V. Translator Status: Helpers and Opponents in the Ongoing Battle of an Emerging Profession / H.V. Dam, K.K. Zethsen // Target. 2010. Vol. 22. № 2. P. 194–211. DOI: 10.1075/target.22.2.02dam
3. Heilbron J. Towards a Sociology of Translation: Book Translations as a Cultural World-System // European Journal of Social Theory. 1999. Vol. 2. № 4. P. 429–444. DOI: 10.1177/136843199902004002 EDN: JRXICF
4. Karoly K. Toward a Conceptual Model of Academic Translation Competence // International Journal of Applied Linguistics. 2026. Vol. 36. № 1 P. 175–195. DOI: 10.1111/ijal.12644 EDN: XFDKHD
5. Katan D. Occupation or Profession: A Survey of the Translators' World // Translation and Interpreting Studies. 2009. Vol. 4. № 2. P. 187–209. DOI: 10.1075/tis.4.2.04kat
6. Kim D.K. A Comparative Study on the Employment of Interpretation Assets in the South Korean Armed Forces: In Comparison with the U.S. and Germany Armed Forces / D.K. Kim, J.Y. Choi // The Journal of Translation Studies. 2022. Vol. 23. № 4. P. 147–174. DOI: 10.15749/jts.2022.23.4.006
7. Koponen M. Is Machine Translation Post-editing Worth the Effort? A Survey of Research into Post-editing and Effort // The Journal of Specialised Translation. 2016. № 25. P. 131–148. DOI: 10.26034/cm.jostrans.2016.303
8. Kvirikashvili A. State Cultural Policies in Georgia's Small Book Market. Case of the Translation Grant Programme «Georgian Literature in Translation» (2010–2018) // Knygotyra. 2020. Vol. 75. P. 92–113. DOI: 10.15388/Knygotyra.2020.75.61 EDN: LCDLRR
9. Melitz J. Native Language, Spoken Language, Translation and Trade / J. Melitz, F. Toubal // Journal of International Economics. 2014. Vol. 93. № 2. P. 351–363. DOI: 10.1016/j.jinteco.2014.04.004 EDN: URSEYV
10. Moorkens J. «A Tiny Cog in a Large Machine»: Digital Taylorism in the Translation Industry // Translation Spaces. 2020. Vol. 9 № 1. P. 12–34. DOI: 10.1075/ts.00019.moo EDN: AUYTPO
11. Olohan M. Economic Trends and Developments in the Translation Industry: What Relevance for Translator Training? // The Interpreter and Translator Trainer. 2007. Vol. 1. № 1. P. 37–63. DOI: 10.1080/1750399X.2007.10798749
12. The Status of the Translation Profession in the European Union / A. Pym [et al.]. London : Anthem Press, 2013. 190 p. DOI: 10.2782/64819
13. Vieira L.N. Automation Anxiety and Translators // Translation Studies. 2020. Vol. 13. № 1. P. 1–21. DOI: 10.1080/14781700.2018.1543613
14. Раренко М.Б. Машинный перевод: от перевода «по правилам» к нейронному переводу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. 2021. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnyy-perevod-ot-perevoda-po-pravilam-k-neyronnomu-perevodu> (дата обращения 03.07.2026).

References:

1. Byrne J. Scientific and Technical Translation Explained: A Nuts and Bolts Guide for Beginners. London; New-York : Routledge, 2012. 246 p. DOI: 10.4324/9781315760391
2. Dam H.V. Translator Status: Helpers and Opponents in the Ongoing Battle of an Emerging Profession / H.V. Dam, K.K. Zethsen // Target. 2010. Vol. 22. № 2. P. 194–211. DOI: 10.1075/target.22.2.02dam
3. Heilbron J. Towards a Sociology of Translation: Book Translations as a Cultural World-System // European Journal of Social Theory. 1999. Vol. 2. № 4. P. 429–444. DOI: 10.1177/136843199002004002 EDN: JRXICF
4. Karoly K. Toward a Conceptual Model of Academic Translation Competence // International Journal of Applied Linguistics. 2026. Vol. 36. № 1 P. 175–195. DOI: 10.1111/ijal.12644 EDN: XFDKHD
5. Katan D. Occupation or Profession: A Survey of the Translators' World // Translation and Interpreting Studies. 2009. Vol. 4. № 2. P. 187–209. DOI: 10.1075/tis.4.2.04kat
6. Kim D.K. A Comparative Study on the Employment of Interpretation Assets in the South Korean Armed Forces: In Comparison with the U.S. and Germany Armed Forces / D.K. Kim, J.Y. Choi // The Journal of Translation Studies. 2022. Vol. 23. № 4. P. 147–174. DOI: 10.15749/jts.2022.23.4.006
7. Koponen M. Is Machine Translation Post-editing Worth the Effort? A Survey of Research into Post-editing and Effort // The Journal of Specialised Translation. 2016. № 25. P. 131–148. DOI: 10.26034/cm.jostrans.2016.303
8. Kvirikashvili A. State Cultural Policies in Georgia's Small Book Market. Case of the Translation Grant Programme «Georgian Literature in Translation» (2010–2018) // Knygotyra. 2020. Vol. 75. P. 92–113. DOI: 10.15388/Knygotyra.2020.75.61 EDN: LCDLRR
9. Melitz J. Native Language, Spoken Language, Translation and Trade / J. Melitz, F. Toubal // Journal of International Economics. 2014. Vol. 93. № 2. P. 351–363. DOI: 10.1016/j.jinteco.2014.04.004 EDN: URSEYV
10. Moorkens J. «A Tiny Cog in a Large Machine»: Digital Taylorism in the Translation Industry // Translation Spaces. 2020. Vol. 9 № 1. P. 12–34. DOI: 10.1075/ts.00019.moo EDN: AUYTPO
11. Olohan M. Economic Trends and Developments in the Translation Industry: What Relevance for Translator Training? // The Interpreter and Translator Trainer. 2007. Vol. 1. № 1. P. 37–63. DOI: 10.1080/1750399X.2007.10798749
12. The Status of the Translation Profession in the European Union / A. Pym [et al.]. London : Anthem Press, 2013. 190 p. DOI: 10.2782/64819
13. Vieira L.N. Automation Anxiety and Translators // Translation Studies. 2020. Vol. 13. № 1. P. 1–21. DOI: 10.1080/14781700.2018.1543613
14. Rarenko M.B. Machine Translation: From «Rule-Based» Translation to Neural Translation // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics. 2021. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnyy-perevod-ot-perevoda-po-pravilam-k-neyronnomu-perevodu> (date of application 03.07.2026).

Информация об авторе

Кайзер Беата Андреевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
в профессиональной сфере,
Кубанский государственный университет
milena.555@mail.ru

Beata A. Kaiser

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of English in the Professional Sphere,
Kuban State University
milena.555@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-8>

УДК 316

Attribution

cc by

СОДЕЙСТВИЕ ТРУДОУСТРОЙСТВУ МОЛОДЫХ ГРАЖДАН ПОСРЕДСТВОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКИХ ОТРЯДОВ КАК НАПРАВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Касьянов В.В.¹, Манучарян А.К.², Самыгин П.С.³

^{1, 2}Кубанский государственный университет,

³Ростовский государственный экономический университет

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности, связанной с содействием трудоустройству молодых граждан посредством работы, студенческих отрядов, выступающей в настоящее время в качестве важного направления молодежной политики в Российской Федерации. В работе отмечается, что российские студенческие отряды представляют собой уникальный социально-педагогический феномен, в рамках которого органично соединяются традиции советских отрядов и современные подходы к организации профессионального образования и трудовой деятельности молодежи. Значение студенческих отрядов и других молодежных трудовых объединений состоит в том, что в их рамках создаются благоприятные условия, ориентирующие задействованных в них обучающихся на самореализацию в избранных видах деятельности, что способствует их профессиональному становлению и самоопределению. Деятельность студенческих отрядов способствует решению ряда важных задач социально-экономического развития страны, к числу которых относятся временное трудоустройство студентов и повышение их материального благосостояния, а также трудовое воспитание обучающихся и формирование кадрового резерва для национальной экономики. Делается вывод, в соответствии с которым работа студенческих отрядов осуществляется в полном соответствии с основными целями и задачами государственной молодежной политики в части касающейся профессионального образования и обучения молодых людей, направленных на повышение уровня их профессиональной компетентности и конкурентоспособности на рынке труда.

Ключевые слова: молодежь, учащаяся молодежь, молодежная политика, студенческие отряды, социальный институт, воспитание, социализация, трудовое воспитание, профессиональное становление, профессиональное самоопределение, депрофессионализация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

PROMOTING THE EMPLOYMENT OF YOUNG CITIZENS THROUGH THE ACTIVITIES OF STUDENT GROUPS AS A DIRECTION OF YOUTH POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Valery V. Kasyanov¹, Artur K. Manucharyan², Peter S. Samygin³

^{1, 2}Kuban State University,

³Rostov State University of Economics

Abstract. The article is devoted to the analysis of activities related to the promotion of employment of young citizens through work, student groups, currently acting as an important area of youth policy in the Russian Federation. The paper notes that Russian student groups represent a unique socio-pedagogical phenomenon, which organically combines the traditions of Soviet groups and modern approaches to the organization of vocational education and work activities of young people. The importance of student groups and other youth labor associations lies in the fact that they create favorable conditions that orient the students involved in them towards self-realization in their chosen activities, which contributes to their professional development and self-determination. The activities of student groups contribute to solving a number of important tasks of the socio-economic development of the country, including temporary employment of students and improving their material well-being, as well as labor education of students and the formation of a personnel reserve for the national economy.

© Касьянов В.В., Манучарян А.К., Самыгин П.С.

It is concluded that the work of student groups is carried out in full compliance with the main goals and objectives of the state youth policy in terms of vocational education and training of young people aimed at improving their professional competence and competitiveness in the labor market.

Keywords: youth, students, youth policy, student groups, social institution, upbringing, socialization, labor education, professional development, professional self-determination, deprofessionalization.

Funding: Independent work.

Введение. В качестве одного из значимых направлений молодежной политики в Российской Федерации выступает содействие трудоустройству молодых граждан, в том числе посредством деятельности студенческих отрядов [1]. Как отмечается в «Долгосрочной программе содействия занятости молодежи на период до 2030 года», в настоящее время в области трудоустройства молодежи имеется ряд проблем, включающих:

- ограниченное количество возможностей для совмещения молодыми людьми обучения и работы;
- относительно высокий, по экспертным оценкам, уровень вовлеченности молодежи в отношения в сфере труда без надлежащего оформления;
- отсутствие баланса между спросом и предложением в молодежном сегменте рынка труда;
- наличие среди молодежи категории незанятых лиц, не имеющих профессионального образования или подготовки;
- низкую конкурентоспособность молодежи в сегменте квалифицированного труда;
- отсутствие опыта работы у части молодежи при выходе на рынок труда;
- неудовлетворенность качеством рабочей силы молодежи со стороны работодателей;
- несформированность профессиональных ориентаций для построения профессиональной и трудовой карьеры [2].

В сложившейся ситуации важную роль призвано играть трудовое воспитание молодежи, основополагающей целью которого является закрепление в сознании молодых людей ценности труда и формирование у неё навыков совместной работы в комплексе с содействием профессиональному самоопределению представителей молодежи, приобщению последних к осуществлению созидательного труда. Важным социальным институтом, реализующим ряд значимых для общества и молодежи функций, являются студенческие отряды, представляющие собой уникальный социально-экономический феномен, в рамках которого органично соединяются молодежная инициатива, трудовая деятельность, а также образовательные практики [3, с. 3].

Одним из приоритетных направлений молодежной политики в области трудового воспитания выступает целенаправленная деятельность государственных и общественных институтов, направленная на формирование позитивных трудовых ценностей и так называемой трудовой этики, формируемой в процессе осуществления соответствующей воспитательной деятельности. Как справедливо отмечает Я.В. Зубаченко, именно трудовая этика студенческих отрядов могла бы стать той «планетой морали», в которой находит отражение социально значимая ценностно-нормативная система общества [4, с. 10].

В условиях нарастания различных кризисных явлений в российской экономике, включающих кадровый дефицит для многих отраслей народного хозяйства страны, а также другие социальные проблемы, связанные с социализацией молодежи и формированием гражданской ответственности у ее представителей, деятельность студенческих отрядов как особой формы организации студентов образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования различных форм обучения, изъявивших желание в свободное от учебы время трудиться в различных отраслях хозяйства, выполняющих общую производственную задачу и одновременно реализующих общественно полезную программу, приобретает важное значение для функционирования страны, обеспечения ее устойчивого и поступательного развития.

Результаты. Обсуждение.

Студенческие отряды выступают в современном российском обществе в качестве значимого социального института, реализующего функции по социализации и воспитанию представителей различных категорий детей и молодежи. В настоящее время Молодежная общероссийская общественная организация «Российские Студенческие Отряды» (МООО «РСО») является крупнейшей в стране молодежной организацией, ежегодно обеспечивающей временной трудовой занятостью более четырехсот тысяч молодых россиян из восьмидесяти пяти субъектов РФ; деятельность студенческих отрядов способствует реализации интеллектуального и творческого потенциала молодежи в различных привлекательных для молодых людей направлениях трудовой деятельности. Российские студенческие отряды представляют собой уникальный социально-педагогический феномен, в рамках которого органично соединяются традиции советских

отрядов и современные подходы к организации профессионального образования и трудовой деятельности молодежи. В специальных исследованиях, посвященных деятельности студенческих отрядов, отмечается, что значение последних, в первую очередь, состоит в вовлечении молодежи в различные направления трудовой активности, в деятельность профессионального и социально-ориентированного характера [5, с. 32]. Значение студенческих отрядов и других молодежных трудовых объединений состоит в том, что в их рамках создаются благоприятные условия, ориентирующие задействованных в них обучающихся на самореализацию в избранных видах деятельности, что способствует их профессиональному самоопределению.

Молодежные трудовые объединения, в этом плане, способствуют эффективной реализации основополагающих целей и задач молодежной политики, связанных с социально-профессиональным самоопределением будущих выпускников, развитием важнейших личностных качеств и свойств [6, с. 35]. Значение деятельности студенческих отрядов, с одной стороны, определяется объективной потребностью национальной экономики в квалифицированных молодых работниках как специалистах, способных осуществлять профессиональную деятельность с высокой результативностью, что является особенно актуальным для тех отраслей экономики, в которых наблюдается острый кадровый дефицит, а, с другой стороны, диктуется потребностью общества в усилении эффективности процесса социализации молодежи посредством активного осуществления представителями рассматриваемой социально-демографической группы деятельности практического характера и активного взаимодействия с другими людьми в рамках трудового коллектива, что способствует формированию гражданской ответственности, лидерских качеств и других устойчивых ценностных установок и ориентаций.

В современных отечественных нормативно-правовых актах, регламентирующих функционирование сферы образования, закрепляется право лиц, обучающихся в образовательных учреждениях среднего профессионального и высшего профессионального образования по очной форме обучения создавать студенческие отряды как общественные учреждения или общественные организации, основополагающей целью деятельности которых является организация временной занятости таких обучающихся, изъявивших желание в свободное от учебы время работать в различных отраслях экономики [7]. Деятельность студенческих отрядов, представляющих собой эффективную форму организации обучающихся в учебных заведениях различного уровня, направлена не только на осуществление производственных задач, но и на реализацию различных общественно полезных программ и проектов. В настоящее время в Российской Федерации, как подчеркивается в Стратегии национальной безопасности, проводится курс на мо-

дернизацию экономики и развитие промышленного потенциала, что, в свою очередь, направлено на укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления [8].

Решение указанных задач требует мобилизации всех имеющихся в стране сил и ресурсов, что необходимо для стабильного и поступательного социально-экономического развития, обеспечения национальной безопасности и суверенитета. Эффективное развитие студенческих движений и организаций, в том числе, МООО «РСО», призвано способствовать решению указанных задач, что включает в качестве неотъемлемого компонента деятельности данной организации формирование гражданских и патриотических ценностей представителей молодого поколения россиян, воспитание молодежи в духе приверженности традиционным ценностям и культурным нормам, ориентирующим на общественно полезную деятельность и созидательный труд. Важное значение имеет изучение опыта организации студенческих объединений, накопленный за десятилетия развития студенческих отрядов, сформированных в советский период для решения ряда воспитательных, производственных и иных задач [9, с. 25].

К числу конкретных задач, реализуемых МООО «РСО», следует прежде всего отнести:

- содействие временному и постоянному трудоустройству студентов и выпускников учебных заведений;
- привлечение учащейся молодежи к участию в трудовой деятельности;
- патриотическое воспитание молодежи, поддержка и развитие традиций движения студенческих отрядов, культурная и социально-значимая работа среди населения;
- содействие в формировании кадрового резерва для различных отраслей экономики Российской Федерации.

Деятельность студенческих отрядов способствует решению ряда важных задач социально-экономического развития страны, к числу которых относятся временное трудоустройство студентов и повышение их материального благосостояния, а также трудовое воспитание обучающихся и формирование кадрового резерва для национальной экономики. В данном контексте, следует акцентировать особое внимание на тех возможностях, которые приобретают молодые люди, задействованные в деятельности студенческих отрядов: речь идет о приобретении навыков и умений командной работы, взаимодействия с коллегами в рамках различных трудовых коллективов, опыте общения со сверстниками и старшими по возрасту в процессе осуществления трудовой деятельности. Наряду с этим, бой-

цы студенческих отрядов учатся выстраивать эффективные взаимоотношения с работодателями, приобретают лидерские и другие важные качества, необходимые для успешной реализации профессиональной деятельности и построения карьеры после окончания соответствующих учебных заведений. Молодые люди, вовлеченные в работу МООО «РСО», также имеют возможность получить дополнительную рабочую профессию перед трудоустройством. В целом участники рассматриваемого молодежного объединения объективно являются более конкурентоспособными по сравнению с другими представителями молодежи, не являющимися бойцами РСО, в первую очередь, благодаря приобретенным в процессе работы в составе конкретных отрядов профессиональным и личностным качествам [10].

Одной из характерных для современного российского общества социально-экономических проблем, связанных с молодежью, является де-профессионализация представителей рассматриваемой социально-демографической группы: речь идет об утрате значительной частью молодежи профессиональных качеств и навыков, снижении уровня ее профессиональной подготовки и мастерства, являющихся закономерными следствиями неуспешной самореализации молодых людей в определенных сферах трудовой деятельности. Депрофессионализация обусловлена факторами внутреннего и внешнего характера: если первые связаны с неготовностью представителей молодежи к эффективной реализации конкретной разновидности профессиональной деятельности, нежеланием совершенствоваться в избранной области, то вторые, в свою очередь, связаны с неблагоприятной ситуацией на рынке труда, сложностями с устройством на работу для молодых людей, низкой оплатой труда в определенной профессиональной сфере или общей кризисной ситуацией в национальной экономике в целом. Депрофессионализация на практике проявляется в «разрушении профессионального я, профессиональной субъектности и, соответственно, профессиональной культуры индивида» [11, с. 82–83].

Не вызывает сомнений тот факт, что современная Россия объективно нуждается в предпринимательских и креативных молодых специалистах, готовых к эффективному осуществлению трудовой деятельности в условиях постоянных изменений и трансформаций, связанных, в том числе с новыми цифровыми и информационными технологиями. Молодежь представляет собой группу лиц, характеризующихся ярко выраженной ориентацией на инновации в различных сферах общественной жизни, вследствие чего с молодым поколением общество и государство совершенно закономерно связывают имеющиеся у них надежды на инновационный прорыв, решение задач, связанных с обеспечением технологического суверенитета страны и т.д. Однако в реальной действительности, как уже отмечалось ранее, далеко не все выпускники средних специ-

альных и высших учебных заведений, выходящие на отечественный рынок труда, характеризуются готовностью к эффективной профессиональной деятельности в условиях постоянно меняющейся социальной среды. Представителей молодежи, напротив, нередко отличает неопределенность профессиональных ориентаций в комплексе с низким уровнем профессиональной компетентности. Помимо этого, молодым работникам свойственно неадекватно оценивать ситуацию на рынке труда и в сфере занятости в целом: данные представления нередко не соответствуют складывающейся социально-экономической конъюнктуре, что может сопровождаться характерными для молодых людей заблуждениями относительно собственных способностей и возможностью достичь успеха в избранной сфере профессиональной деятельности.

Необходимо отметить, что специалисты обычно выделяют в качестве одной из главных причин, обуславливающих низкую конкурентоспособность значительной части молодежи на рынке труда, отсутствие у данных лиц опыта работы и специальных навыков, необходимых для осуществления профессиональной деятельности с высокой степенью эффективности. Отсутствие опыта работы в конкретной сфере нередко становится препятствием на пути трудоустройства молодых людей по полученной ими в вузе специальности (работодатели, в ряде случаев, предпочитают молодым специалистам более опытных работников, даже несмотря на то обстоятельство, что первые имеют определенные преимущества перед вторыми в части, касающейся умений адаптироваться к различным технологическим и иным инновациям, более высокой трудовой мобильности и обучаемости, способности успешно осваивать новые информационно-коммуникационные и другие технологии).

Ряд экспертов, иллюстрирующих положение молодежи на современном российском рынке труда, указывают на те изъяны, которые характеризуют отечественную систему профессионального образования: речь здесь идет о том, что данная система отличается значительной оторванностью от запросов и потребностей конкретных работодателей, что имеет закономерным следствием неспособность значительной части молодых выпускников к трудоустройству и последующей работе по приобретенной в соответствующем образовательном учреждении специальности [12, с. 32–33].

Проблема здесь состоит в том, что у молодых людей, как правило, отсутствует трудовой опыт и профессиональные компетенции до поступления в высшие учебные заведения, после окончания которых молодые специалисты выходят на рынок труда без опыта работы, что, в свою очередь, нередко имеет следствием возникновение такой ситуации, когда выпускники вынуждены работать не по специальности, полученной в

процессе обучения в вузе. Статистические материалы, в частности, свидетельствуют о том, что не по специальности в нашей стране работают не менее трети выпускников; при этом среди выпускников среднего специального образования (СПО) по программам подготовки специалистов среднего звена не по своей профессии заняты почти 40 % выпускников, среди квалифицированных рабочих и служащих – 44 %, а среди выпускников вузов – 25 % [13].

Одним из перспективных способов решения данной проблемы является вовлечение представителей учащейся молодежи в работу студенческих отрядов, посредством которой молодые люди могут приобрести важный для них опыт трудовой деятельности в комплексе с соответствующими профессиональными компетенциями. Преимущество студенческих отрядов здесь заключается в том, что участие в их деятельности позволяет обучающимся реализовать свой потенциал в интересных для них видах трудовой активности, что, в свою очередь, благоприятствует эффективному профессиональному самоопределению и становлению данных молодых людей. Для бойцов студенческих отрядов последние выступают в качестве, своего рода, моделей трудового коллектива, членство в котором позволяет участникам приобрести навыки взаимодействия с коллегами, умения адаптироваться к условиям труда, присущим определенным организациям, разрешать возникающие трудовые споры или конфликты наиболее эффективными и оптимальными способами.

Выше уже отмечалось, что работа студенческих отрядов направлена на реализацию целей, связанных с временным трудоустройством молодых людей, приобщением студентов к общественно полезному и созидательному труду, получением ими умений и навыков, позволяющим в будущем после окончания соответствующего учебного заведения осуществлять профессиональную деятельность с высокой степенью эффективности. Как специфическая форма молодежных трудовых объединений студенческие отряды значительно расширяют возможности системы высшего образования в части, касающейся приобретения обучающимися молодыми людьми разнопланового социального опыта, который, в свою очередь, способствует профессиональному самоопределению и становлению. Одно из основных достоинств студенческих отрядов состоит в том, что они не просто информируют участников о конкретных способах и направлениях профессиональной подготовки, но и предоставляют им возможности реализовать себя в привлекательных для молодых людей сферах профессиональной деятельности. Для самих бойцов основными мотивами участия в работе различных студенческих отрядов являются возможность получения дополнительных доходов в свободное от учебной деятельности время, стремление к приобретению новых друзей и расширению круга знакомств, а также практического опыта реали-

зации конкретной профессиональной деятельности [5, с. 32–33].

Эмпирические данные, полученные специалистами, представляющими «Государственный университет управления», показывают, что работа в студенческих отрядах имеет для их участников ряд преимуществ, к числу которых относятся грамотно выстроенная профориентационная работа, помощь и поддержка в профессиональном самоопределении и становлении, связанными с выбором конкретной специальности, предоставляемые студентам возможности заработать деньги в свободное от основной учебной деятельности время, популяризация ценности созидательного труда в молодежной среде, возможность работать на различных проектах в разных регионах и предприятиях страны, привлечение молодежи к общественно полезной трудовой деятельности, а также широкий набор возможностей для раскрытия многогранного потенциала бойцов студенческих отрядов.

В настоящее время многие высшие и средние специальные образовательные учреждения имеют партнерские отношения с МООО «РСО», осуществляющей профориентацию среди разных категорий обучающихся с последующим трудоустройством. Представители отечественных университетов и колледжей считают основным достоинством студенческих отрядов предоставление ими временной оплачиваемой работы для студентов и постоянной занятости для выпускников средних специальных и высших учебных заведений [3, с. 35–36].

Как свидетельствуют результаты экспертного опроса, участие в котором приняли лица, представляющие органы государственной власти, сотрудничающие с МООО «РСО», а также преподаватели и работодатели, студенческие отряды в настоящее время вносят значительный вклад в социально-экономическое развитие страны в целом: РСО является не просто общественным молодежным объединением, осуществляющим организацию временной трудовой занятости обучающихся, но выступает в качестве «инфраструктурного партнера» для целого ряда госкорпораций. Что касается непосредственно работодателей, то они выделяют в качестве преимуществ сотрудничества с РСО высокую производительность труда их участников, характерные для них исполнительность, высокое качество реализуемых работ, энтузиазм, креативность, трудолюбие, дисциплину, стремление к профессионализму, наличие корпоративной этики, коллективной работы и ряд других. Наряду с этим, экспертами были выделены уникальные технологии, присущие только студенческим отрядам, благодаря которым удается достичь высокой степени эффективности, осуществляемой ими деятельности. К этим технологиям были отнесены:

— мобильность, связанная с возможностью концентрации бойцов на важнейших участках работы за короткий промежуток времени в ком-

плексе со способностью участников быстро овладевать умениями и навыками, характерными для определенной профессии;

— грамотный подбор участников и эффективная кадровая политика, связанная со способностью удовлетворять запросы различных работодателей по трудоустройству и формировать кадровый резерв для компаний, осуществлять подготовку компетентных специалистов для рынка труда;

— воспитание трудолюбия бойцов, в комплексе с формированием высокого уровня их работоспособности и т.д. [3, с. 45–46].

В качестве преимуществ работы в студенческих отрядах для самих молодых людей экспертами были выделены, в первую очередь, возможности, связанные с получением первого трудового опыта, работой с безопасными условиями труда в организациях, расположенных в различных регионах страны, приобретением и развитием профессиональных компетенций, получением опыта командной работы, деятельности в составе трудовых коллективов, выбором интересных профессий и личной профессиональной самореализации и социально-профессиональным самоопределением, приобретением к деятельности общественного полезного и социально значимого характера. МООО «РСО» концентрируется на подготовке трудовых резервов для отечественной экономики, что является особо актуальным ввиду характерного для нашей страны кадрового дефицита. Несмотря на, что деятельность МООО «РСО» как массовой организации, объединяющей сотни тысяч студентов, в настоящее время концентрируется, преимущественно, на организации временной трудовой занятости представителей учащейся молодежи в каникулярный период (подобная рода деятельность характеризуется особой востребованностью в сельском хозяйстве, строительстве, детском оздоровительном отдыхе), вклад студенческих отрядов не ограничивается краткосрочным восполнением трудовых ресурсов.

Как уже отмечалось выше, студенческие отряды формируют кадровый резерв для различных предприятий и организаций страны, осуществляя целенаправленную деятельность по профессиональной адаптации студентов. Последние работают в реальных производственных условиях, а их деятельность нередко координируется и направляется опытными наставниками, что в совокупности способствует росту конкурентоспособности данных лиц на рынке труда и стимулирует их к дальнейшему трудоустройству на предприятия тех отраслей, где был получен первый трудовой опыт. Закреплению молодых специалистов, прошедших школу студенческих отрядов, в приоритетных для России отраслях экономики, способствуют реализующиеся в рамках МООО «РСО» программы целевого обучения бойцов, грантовая поддержка, а также договоры о партнерстве с рядом ключевых отечественных предприятий и организаций (подобные соглаше-

ния, заключенные с крупнейшими агрохолдингами и строительными компаниями, в частности, предусматривают гарантированное трудоустройство в них наиболее активных участников РСО после окончания обучения в образовательных учреждениях среднего специального или высшего образования).

Само движение студенческих отрядов постоянно развивается и совершенствуется, о чем свидетельствует, к примеру, создание на базе МООО «РСО» Корпоративного университета, осуществляющего систематизацию обучающих практик, реализуемых студенческими отрядами, и создание эффективной образовательной системы развития компетенций их участников. Посредством Корпоративного университета будет осуществляться подготовка обучающихся к профессиональной деятельности и активному участию в общественной жизни страны в целом. Обучение в Корпоративном университете является бесплатным и проводится по восемнадцати модулям, посвященным развитию лидерских навыков, охране труда, работе по урегулированию конфликтов и споров, менеджменту, креативности, обучению публичным выступлениям и др.

Деятельность МООО «РСО» в настоящее время способствует получению задействованными в ее активностях молодыми людьми опыта осуществления профессиональной деятельности, благоприятствует их становлению в качестве квалифицированных специалистов, являющихся конкурентоспособными на рынке труда. Мы уже писали о том, что одной из актуальных для нашей страны социально-экономических проблем является проблема трудоустройства молодых людей в контексте существующего в нашей стране кадрового дефицита. Учреждения среднего специального и высшего образования нуждается в связующем звене, в качестве которого могут выступать и уже успешно выступают студенческие отряды.

В данной ситуации важное значение имеет то обстоятельство, что МООО «РСО» имеет структуру, являющуюся практически идентичной структуре трудового коллектива, в рамках которой каждый боец выполняет определенную функцию и решает конкретные задачи. Координация деятельности участников студенческих отрядов осуществляется на местном, окружном, региональном и федеральном уровнях. Одним из несомненных достоинств РСО является принцип демократии, который закрепляется в документах, регламентирующих работу данной организации: данный принцип на практике предусматривает возможность продвижения участников по карьерной лестнице за особые заслуги перед движением. В рамках различных проектов, реализуемых МООО «РСО», молодые люди получают возможность применять на практике те знания, которые были приобретены ими в процессе обучения в средних специальных или высших учебных заведениях. Все это позволяет рассматривать современное движение студен-

ческих отрядов в качестве важного инструмента профессионального самоопределения и становления российской учащейся молодежи.

Если сравнивать современные студенческие отряды с аналогичными структурами, действовавшими в советское время, то можно выделить ряд преимуществ РСО, которые не только осуществляют помощь студентам в трудоустройстве, но также активно реализует многочисленные профориентационные компании, способствуют профессиональному развитию молодых людей, благоприятствуют реализации их творческого и иного потенциала [14, с. 45]. Открытие Корпоративного университета, в данном контексте, можно рассматривать как новый этап в развитии студенческих отрядов, сопровождающийся активизацией деятельности, направленной на помощь молодым людям в их профессиональном становлении и самореализации. В качестве несомненного достоинства системы профессионального образования, организованного на базе МООО «РСО», можно рассматривать то, что учебный процесс здесь осуществляется таким образом, что на всех этапах обучения бойцы получают поддержку со стороны опытных наставников, которые координируют деятельность обучающихся и помогают им реализовать собственные проекты. Кроме того, данная система выстроена так, что бойцы имеют возможность бесплатно повысить уровень своей профессиональной компетентности и получить новые умения и навыки, способные помочь в дальнейшем трудоустройстве.

Студенческий возраст, как подчеркивается в Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года, играет определяющую роль для социализации молодого гражданина, поскольку на данном этапе формируется готовность к активной социальной деятельности, включающая получение профессионального образования и подготовку к началу трудовой деятельности. На этой стадии жизнедеятельности происходит закрепление навыков просоциального поведения, саморазвития, гражданского участия, ведения активного образа жизни, которые сохраняются на протяжении всей жизни человека и определяют его жизненный уровень, адаптивность к изменениям, продуктивность как члена общества. В то же время, в тексте данного документа подчеркивается недостаточная эффективность системы профориентации, что оказывает влияние на выбор молодыми людьми специальности, их профессиональное становление. К числу основных направлений реализации Стратегии молодежной политики относится профессиональное развитие молодежи, содействие ее занятости и трудоустройству [15].

В настоящее время деятельность МООО «РСО» осуществляется в полном соответствии с основными целями и задачами государственной молодежной политики в части касающейся профессионального образования и обучения молодых

людей, направленных на повышение уровня их профессиональной компетентности и конкурентоспособности на рынке труда. В рамках движения студенческих отрядов, в частности, реализуется ряд проектов, направленных на повышение уровня профессионализма участников. Так, к примеру, бойцам РСО предоставляются возможности повышения квалификации или прохождения переквалификации по ряду направлений профессиональной подготовки, включающих строительство, медицину, педагогическое мастерство и другие, а также реализуются многочисленные мероприятия, направленные на повышение общего уровня обучения молодых людей за счет мониторинга успеваемости бойцов студенческих отрядов. Наряду с этим, проводятся ознакомительные экскурсии по производственным объектам и научным центрам, организуются трудовые семестры, научно-исследовательская деятельность бойцов по защите выпускных квалификационных работ совместно с действующими организациями. МООО «РСО» стремится активно развивать бойцов в профессиональном плане в процессе обучения, чему способствуют различные проекты, направленные на личностное и профессиональное развитие молодых людей, их обучение по ведущим профильным направлениям.

В системе профессионального обучения, организованного на базе МООО «РСО» особо выделяется проект «Лидер студенческих отрядов», который направлен на повышение профессионализма и лидерских качеств участников. В рамках данной программы происходит обучение документообороту, изучение должностных обязанностей, проводятся такие тренинги как «Успешный руководитель», «Организация рекламной кампании», «Организация собственного проекта». Во время трудовых семестров также реализуется проект Всероссийских школ руководителей, который направлен на формирование личностных качеств командиров отрядов и повышение их квалификации в управленческой деятельности.

Как показывает практика, молодые люди, прошедшие школу студенческих отрядов, зачастую становятся руководителями, поскольку большой опыт трудовой деятельности, нацеленность на достижение результата в комплексе с навыками командной работы способствуют становлению данных лиц в качестве успешных управленцев. Трудовые семестры в целом благоприятствуют развитию умений работать в команде, формированию лидерских и деловых качеств, ответственности, организационно-управленческих навыков, необходимых в настоящее время для специалистов высокой квалификации. Наряду с этим, МООО «РСО» проводит школы вожатых, форумы, круглые столы, направленные на повышение профессиональной компетентности бойцов. Различные проекты, реализуемые движением российских студенческих отрядов, направлены на реализацию личностного, твор-

ческого и профессионального потенциала представителей учащейся молодежи.

Таким образом, РСО генерируют уникальную образовательную среду, в рамках которой молодые люди учатся решению сложных творческих задач, применению на практике знаний, умений и навыков, приобретенных в период трудовых мест в студенческих отрядах. Здесь необходимо отметить, что в системе студенческих отрядов постоянно совершенствуется профессиональное образование, что проявляется во внедрении новых практик и программ обучения, позволяющих развивать личностные, профессиональные и лидерские качества участников.

Реализуемые бойцами РСО трудовые практики являются для них не только ценным опытом и средством формирования профессиональных знаний и умений, но и служат инструментом психологической подготовки, посредством которой возрастает эффективность процессов трудовой адаптации будущих специалистов, включающих интеграцию в рабочий коллектив, приспособление к существующим в нем правилам. Участники студенческих отрядов также получают информацию, касающуюся организационной структуры предприятий и их разновидностей, прав и обязанностей работников и работодателей и т.д. Важное значение имеет то обстоятельство, что штабы МООО «РСО» ведут активную исследовательскую деятельность по вопросам трудоустройства молодых людей и анализируют рынок профессий с целью выявления наиболее востребованных. В этом вопросе студенческие отряды действуют совместно с учебными заведениями, которые также осуществляют сбор статистических данных, касающихся трудоустройства выпускников: речь здесь идет о партнерстве МООО «РСО» и учебных заведений в деле анализа состояния рынка труда и прогнозирования его дальнейшего развития.

Заключение.

На основании вышеизложенного материала можно сделать вывод, в соответствии с которым движение студенческих отрядов в настоящее время вносит значительный вклад в профессиональное становление молодежи посредством её привлечения к профессиональному образованию и трудовой деятельности на различных объектах. Деятельность МООО «РСО» способствует формированию профессиональных компетенций бойцов, необходимых для последующего трудоустройства и облегчающих адаптацию молодых работников к условиям работы в коллективе.

Благодаря эффективному сотрудничеству с государственными и коммерческими структурами участники студенческих отрядов получают возможность выбора приоритетного направления деятельности, пройти специальную подготовку или переквалификацию, позволяющую в дальнейшем за счет приобретенных, благодаря студенческим отрядам, трудового опыта и навыков претендовать на руководящие должности.

МООО «РСО» в настоящее время выступает в качестве значимого инструмента реализации молодежной политики: формируя особую социальную среду, движение студенческих отрядов благоприятствует эффективному профессиональному становлению и развитию молодых людей. Студенческие отряды содействуют раскрытию потенциала участников как специалистов определенного профиля благодаря предоставлению им трудовых практик и бесплатных образовательных программ для бойцов, которые являются актуальными в различных отраслях отечественной экономики. В рамках студенческих отрядов молодые люди не только получают ценный опыт трудовой деятельности, но и приобретают навыки командной работы, взаимодействуют с сотрудниками крупнейших российских коммерческих компаний и государственных корпораций.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения 17.07.2026).
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2021 г. № 3581-р «Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года». URL : <http://government.ru/docs/all/138196> (дата обращения 18.07.2026).
3. Чуев С.В. Вклад Российских студенческих отрядов в социально-экономическое развитие страны : монография / С.В. Чуев, А.А. Анферов, Г.А. Гуров. М. : ИНФРА-М, 2026.

4. Зубашенко Я.В. Феномен трудовой этики современной молодежи (на примере деятельности студенческих отрядов) : автореф. дис. ... кандидата философских наук. Иваново, 2019. EDN: VFGVJA
5. Гнатюк М.А. Российские студенческие трудовые отряды как ресурс для социально-профессионального самоопределения молодежи / М.А. Гнатюк, Д.В. Кротов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки». 2017. № 11. EDN: ZWDZSB
6. Касьянов В.В. Региональная молодежная политика в современной России: основные проблемы и перспективы реализации / В.В. Касьянов, П.С. Самыгин, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. С. 32–38. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-7-28 EDN: LHYEXA
7. Федеральный закон «Об образовании» от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск № 303 от 31 декабря 2012 года.
8. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения 18.07.2026).
9. Касьянов В.В. Государственная молодежная политика Российской Федерации конца XX – начала XXI в.: исторический опыт разработки и реализации. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2022. 446 с.
10. Завада Г.В. Формирование номенклатуры личностных и профессионально важных качеств участников студенческих трудовых отрядов / Г.В. Завада, М.В. Реймер, Ш.Н. Якупов // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 11(137). URL : <https://research-journal.org> (дата обращения: 19.07.2026). DOI: 10.23670/IRJ.2023.137.65 EDN: JNMCIA
11. Верещагина А.В. Методологические параметры исследования профессионализация и депрофессионализации российской молодежи на рынке труда / А.В. Верещагина, К.С. Мухина // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 6. С. 80–94. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.6.5 EDN: JAWBVU
12. Мухина К.С. Профессиональное становление российской молодежи в фокусе социологического дискурса // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 2. № 4. С. 29–35. EDN: JRIWCV
13. Майер А. Почти 40 % выпускников колледжей пока не работают по специальности // Ведомости от 9 февраля 2026 г.
14. Кротов Д.В. Студенческие отряды как система трудового и патриотического воспитания и самореализации молодежи : монография / Д.В. Кротов, М.С. Киселев, М.А. Гнатюк. Ростов-н/Д.; Таганрог : Изд-во Южного федерального ун-та, 2024.
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года». URL : <http://static.government.ru/media/files> (дата обращения 20.07.2026).

References:

1. Federal Law № 489-FZ dated December 30, 2020, «On Youth Policy in the Russian Federation». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (date of application 17.07.2026).
2. Order of the Government of the Russian Federation dated December 14, 2021, № 3581-r «Long-term programme to promote youth employment until 2030». URL : <http://government.ru/docs/all/138196> (date of application 18.07.2026).
3. Chuev S.V. The Contribution of Russian Student Detachments to the Socio-Economic Development of the Country : monograph / S.V. Chuev, A.A. Anferov, G.A. Gurov. M. : INFRA-M, 2026.
4. Zubashchenko Ya.V. The Phenomenon of Work Ethic Among Modern Youth (A Case Study of Student Brigades) : abstract of Dis. for Degree of Candidate of Philosophical Sciences. Ivanovo, 2019. EDN: VFGVJA
5. Gnatyuk M.A. Russian student labor detachments as a resource for the socio-professional self-determination of young people / M.A. Gnatyuk, D.V. Krotov, S.I. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. № 11. EDN: ZWDZSB
6. Kasyanov V.V. Regional Youth Policy in Modern Russia: Main Problems and Prospects for Implementation / V.V. Kasyanov, P.S. Samygin, S.I. Samygin // Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2025. P. 32–38. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-7-28 EDN: LHYEXA
7. Federal Law «On Education» dated December 29, 2012, № 273-FZ // Rossiyskaya Gazeta. Federal issue № 303 dated December 31, 2012.
8. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021, № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation». URL : <http://kremlin.ru/acts/bank/47046> (date of application 18.07.2026).
9. Kasyanov V.V. State Youth Policy of the Russian Federation in the Late 20th – Early 21st Century: Historical Experience in Development and Implementation. Krasnodar: Kuban State University, 2022. 446 p.
10. Zavada G.V. Formation of a Nomenclature of Personal and Professionally Important Qualities of Participants in Student Labor Detachments / G.V. Zavada, M.V. Reimer, Sh.N. Yakupov // International Research Journal. 2023. № 11(137). URL: <https://research-journal.org> (date of application 19.07.2026). DOI: 10.23670/IRJ.2023.137.65 EDN: JNMCIA
11. Vereshchagina A.V. Methodological parameters of the study of professionalization and de-professionalization of Russian youth in the labor market / A.V. Vereshchagina, K.S. Mukhina // The Humanitarian of the South of Russia. 2020. Vol. 9. № 6. P. 80–94. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.6.5 EDN: JAWBVU
12. Mukhina K.S. Professional Development of Russian Youth in the Focus of Sociological Discourse // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 2. № 4. P. 29–35. EDN: JRIWCV

13. Mayer A. Almost 40 % of college graduates are not yet working in their field of study // Vedomosti, February 9, 2026.
14. Krotov D.V. Student detachments as a system of labour and patriotic upbringing and self-realization of young people : monograph / D.V. Krotov, M.S. Kiselev, M.A. Gnatyuk. Rostov-on/D.; Taganrog : Publishing House of the Southern Federal University, 2024.
15. Order of the Government of the Russian Federation dated August 17, 2024, № 2233-r «Strategy for Implementing Youth Policy in the Russian Federation for the Period up to 2030». URL : <http://static.government.ru/media/files> (date of application 20.07.2026).

Информация об авторах

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
декан факультета журналистики,
заведующий кафедрой истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Манучарян Артур Константинович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
antrop@mail.ru

Самыгин Петр Сергеевич

доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78@yandex.ru

Valery V. Kasyanov

Doctor of Sociology,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Journalism,
Head of the Department of Russian History
Faculty of History,
Sociology and International Relations,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Artur K. Manucharyan

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Russian History
Faculty of History, Sociology,
and International Relations,
Kuban State University
antrop@mail.ru

Peter S. Samygin

Doctor of Sociology,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Rostov State University of Economics
samygin78@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.07.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.08.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-9>

УДК 316.621 (378.18)

Attribution

cc by

ФАКТОРЫ ВЫБОРА ОБУЧЕНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

Коморникова О.М.

Шадринский государственный педагогический университет

Аннотация. В статье анализируются факторы образовательного выбора современной молодежи. Теоретической основой работы стал социокультурный подход. Учитывалась специфика трансформации образования в российском обществе, статуса молодых людей, которые ещё только интегрируются в социальную систему и интериоризируют нормы и ценности. Выделены противоречия образовательного выбора, которые представляют трудность для его научного исследования (слабая рефлексия, многофакторность). В статье представлены результаты опроса первокурсников Шадринского государственного педагогического университета, направленного на выявление влияния различных факторов на образовательный выбор современной молодёжи. К факторам, которые оказали существенное влияние, отнесены наличие интересующего направления подготовки, возможности обучения на бюджете, влияние ближайшего окружения (оно является одним из главных источников информации о вузе). Инструментальную ценность педагогическое образование имеет для части студентов.

Ключевые слова: образование, ценности, образовательный выбор, социокультурная трансформация, интересы, рефлексия, педагогический вуз.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям деятельности вузов партнеров ЮУрГГПУ и ШГПУ в 2026 году по теме «Факторы профессионально-образовательного выбора студентов педагогического вуза» (№ 06.26.10-6Д/16-412 от 2 июня 2026 г.)

Original article

FACTORS INFLUENCING THE CHOICE OF STUDYING AT A PEDAGOGICAL UNIVERSITY BY MODERN YOUTH

Olga M. Komornikova

Shadrinsk State Pedagogical University

Abstract. The article analyzes the factors influencing the educational choices of modern youth. The theoretical basis of the work is the sociocultural approach. The specifics of the transformation of education in Russian society, as well as the status of young people who are still integrating into the social system and internalizing norms and values, were taken into account. Contradictions in educational choice that pose difficulties for its scientific study (weak reflection, multifactorial nature) are identified. The article presents the results of a survey of first year students at Shadrinsk State Pedagogical University, aimed at identifying the influence of various factors on the educational choices of modern youth. The factors that had a significant impact include the availability of a field of study of interest, the opportunity to study on a budget funded basis, and the influence of the immediate environment (which is one of the main sources of information about the university). Pedagogical education has instrumental value for some students.

Keywords: education, values, educational choice, sociocultural transformation, interests, reflection, pedagogical university.

Funding: The study was carried out with the financial support of scientific research on priority areas of activity of SUSGPU and SHGPU partner universities in 2026 on the topic «Factors of professional and educational choice of students of a pedagogical university» (№ 06.26.10-6D/16-412 dated June 2, 2026).

Введение.

Факторы, влияющие на образовательный выбор современной молодёжи, довольно часто попадают в поле зрения исследователей, но при изучении данного вопроса может возникнуть ряд сложностей, вызванных объективными трудностями социального познания, а также трансформационными процессами в современном обществе. Как пишет П. Сорокин: «В своей неистощимой полноте вся действительность недоступна для конечного человеческого ума. Однако главные аспекты действительности приблизительно могут быть поняты нами, поскольку мы тоже являемся частью реальности» [11, с. 134].

Кроме того, сама мотивационная система человека включает в себя множество компонентов. По мнению П. Сорокина, человек представляет собой интегральное существо, для которого характерны и рациональные рассуждения, и эмпирическое познание, и участие в сверхчувственных творческих процессах [11]. То есть в основе образовательного выбора лежат ценностные ориентиры, социальные эмоции, личностные особенности и выявление их влияния довольно сложная исследовательская задача.

Если рассматривать образовательный выбор как реализуемый в рамках социокультурной системы российского общества, то на него оказывает воздействие комплекс факторов, определяющий особенности и направленность трансформации ценностной, коммуникативной и других подсистем общества.

Тем самым принятие решения происходит на стыке действия множества факторов, которые молодые люди могут недостаточно рефлексировать в силу особенностей статуса и социального опыта – они ещё только начинают интегрироваться в социальные структуры и интериоризировать социальные нормы. Соответственно, молодёжь более чутко реагирует на изменение ценностных ориентиров, социальных отношений и становится обладателем опыта, отличного от старших поколений, социализировавшихся в иных условиях.

Прежде всего, отметим, что происходит социокультурная трансформация восприятия высшего образования молодёжью 18–23 лет. В отличие от старших поколений, в их представлении диплом в первую очередь нужен для успешного трудоустройства (46 %) и построения карьеры (28 %), и в меньшей степени для них значима подготовка в рамках выбранной профессии [2]. Переосмысление социокультурной значимости высшего образования происходит на фоне роста его доступности в постсоветский период. Как отмечает Д.Л. Константиновский, десятилетиями, вплоть до 1995 г., приём в высшие учебные заведения был значительно меньше, чем выпуск из школ. Только в 2000-е годы ситуация кардинально изменилась [5, с. 21].

Ряд исследователей, занимающихся данной проблематикой, отмечают, что перед современ-

ным молодым человеком стоит «двуединая задача» [16, с. 35]; ему нужно сделать образовательного выбор так, чтобы иметь гарантии получения высокого социального статуса, материального благосостояния и реализации интеллектуального потенциала [6, с. 155; 13, с. 122]. То есть одно из ключевых противоречий выбора современной молодёжи – между её стремлением к высокому статусу и качеству жизни и потребностью в личностной самореализации, в том числе и в профессиональной деятельности.

Трансформация структуры занятости населения и наиболее прибыльных сфер экономики, появление новых профессий с высоким уровнем доходов, но не требующих при этом длительной профессиональной подготовки, создали ситуацию, когда образование, в отличие от предшествующих эпох, уже не является безусловным фактором материального благополучия. То есть современная молодёжь встала перед выбором между получением быстрых доходов или более глубокой подготовкой для профессиональной (одновременно и личностной) самореализации.

Эти процессы усиливают инструментальную составляющую ценности образования или же могут обнулять её значимость для части населения и вовсе. Однако, заметим, даже профессии, не требующие длительной подготовки, часто предполагают наличие определенных социокультурных качеств личности в сфере коммуникации и знаний об обществе и со временем поставят вопрос о необходимости получения образования.

В этой ситуации факторы и приоритеты образовательного выбора могут отличаться у различных групп молодёжи. Часть ориентируется, прежде всего, на получение высшего образования, и только затем – на выбор трудовой сферы [6, с. 155; 9, с. 71]. Для других получение образования может выступать как гарантия значительного расширения возможностей будущего трудоустройства [10, с. 59] в условиях, когда нужно быть более гибким на рынке труда. Профессиональные знания могут иметь значимость и сами по себе.

Нужно учитывать, что процесс формирования образовательного плана старшеклассников основывается на учёте своих способностей, интересов, показателей успеваемости, мнения «значимых других», но при этом происходит не всегда осознанно, выбор учреждения и профессии часто корректируется [9, с. 63–71]. Причем такие изменения могут носить случайно-ситуативный характер. Например, это может быть освободившееся бюджетное место или получение мотивирующей информации.

Что касается образовательного выбора педагогических вузов, то по данным Минпросвещения на июль 2026 года число поданных заявлений выросло на 26 % по сравнению с предыдущим годом. Мониторинговое исследование ВЦИОМ фиксируют колебания престижности профессии

учителя в современном обществе [3]. В научных работах и повседневной практике можно встретить более категоричное утверждение о ее непривлекательности [14, с. 410]. Кроме того, многие педагогические вузы, особенно региональные, не могут похвастаться топовыми местами в рейтингах и наличием широко разрекламированного и легко узнаваемого бренда. В итоге в сознании общества складывается очень противоречивая картина.

Поскольку в современном обществе ключевыми становятся отношения «субъект-среда», а одним из важнейших инструментов развития выступает влияние на среду и совершенствование системных связей, в число которых входит создание сетевых структур [7; 1], то фактором, положительно влияющим на ситуацию для педагогических вузов, является расширение сетевых форм активности. Тем самым они чаще попадают в поле зрения потенциальных абитуриентов и создаются предпосылки для более глубокого знакомства с преимуществами профессии учителя.

В существующих работах есть данные, что у поступающих в педагогический вуз даже после принятия решения остаются сомнения по поводу правильности своего выбора, конкурентоспособности вуза и востребованности профессии на рынке труда [8, с. 27]. Это, на наш взгляд, характерно не только для данного типа вузов, но является следствием особенностей и противоречий описанных выше социокультурных условий, в которых осуществляется образовательный выбор.

Цель исследования. Многофакторность и противоречивость обуславливает целесообразность применения и качественных, и количественных методов исследования для расширения представлений о процессе профессионально-образовательного выбора в современном обществе и его более глубокого понимания.

Этапы и методы исследования. Автором в 2025 году было проведено исследование факторов образовательного выбора студентов 1 курса Шадринского государственного педагогического университета.

Первый этап исследования включал глубинные интервью (№ = 24) и был направлен на расширение представлений о многообразии мотивов, о логике и смысловом содержании образовательного выбора молодых людей. Выборка строилась на основе гендерного признака, региона постоянного проживания, уровня образования. Второй этап включал сплошной анкетный опрос студентов 1 курса, в котором приняло участие 288 человек.

Объект исследования. В существующих исследованиях изучаются планы и ориентиры школьников, абитуриентов, студентов вузов и колледжей. Мы выбрали как целевую группу студентов 1 курса, которые уже поступили в вуз, поскольку опрос старшеклассников, абитуриентов добавил

бы в выборку людей, которые в итоге могут поступить в другие учебные заведения. Также только приступившие к обучению студенты достаточно детально помнят свой процесс поступления, а по мере отдаления событий, утраты их актуальности многие детали могут забываться, так как акцент смещается на новые социальные задачи. При низком уровне рефлексии, небольшим багаже социального опыта для решения задач исследования каждая деталь имела значение.

Результаты исследования.

Источниками информации о ШГПУ для будущих первокурсников выступали в равной мере друзья, знакомые и родственники – эти варианты ответа выбирал практически каждый второй опрошенный, на втором месте – учителя (35,4 %), что может быть связано со спецификой направлений подготовки, предлагаемых вузом. Например, когда выпускники ШГПУ становятся источником информации для своих учеников. Также указываются студенты вуза (29,5 %), представители вуза (28,5 %), в том числе посещающие различные образовательные организации с профориентационными мероприятиями. Социальные сети как источник информации указывает каждый четвертый, а сайт вуза каждый пятый опрошенный. То есть, можно сделать вывод, что важными источниками информации выступает неформальная коммуникация со значимыми друзьями. Ряд таких взаимодействий носит сетевой характер.

При этом некоторыми информантами ставилась под сомнение достоверность информации из Интернета и СМИ: «Мало ли что там покажут в Интернете» (студентка ГИ). Содержание страниц в соцсетях скорее подкрепляет уверенность в правильности и обоснованности принимаемого решения.

Также в анкете содержался вопрос о том, из каких источников удобнее получать информацию об образовательных организациях. К числу таковых 65,3 % отнесли сайт учебного заведения, 49,3 % социальные сети, 48,6 % день открытых дверей. Фактически же поступившие в ШГПУ получали информацию из них в 2–3 раза реже. Как показывают данные интервью, те же социальные сети привлекают внимание, когда информация о вузе уже получена из других источников, по крайней мере, в случае с небольшими региональными вузами.

Достаточно высоко оценивается значение информации, получаемой от сотрудников колледжей и вузов 38,2 %, что косвенно можно рассматривать как доверие к данному источнику. 24,7 % говорят об учителях как потенциальном и удобном источнике информации. И здесь мы также можем наблюдать ситуацию, когда фактически первокурсники получали нужные им сведения о ШГПУ из источников, которые они воспринимают как менее «удобные». Например, чаще упоминаются знакомые и друзья, учителя

как реальный источник информации и реже сайт вуза и социальные сети.

Интересна в этом контексте оценка роли СМИ как источника информации. В существующих исследованиях отмечается, что традиционные СМИ практически перестали быть источником информации для молодежи [8, с. 26]. Однако, если вопрос задать с точки зрения удобства данного источника, то 14,9 % первокурсников относят его к таковым. То есть, для части молодых людей СМИ продолжают оставаться значимым источником информации.

При выборе вуза для поступления главными мотивами стало представление о педагогическом вузе как дающем качественное образование, об этом говорит 70 % опрошенных. Такие же результаты были получены в схожих исследованиях [8, с. 25], что говорит о высокой оценке качества подготовки в педагогических вузах.

Важный фактор выбора – ориентация на личные интересы, мотивирующая на поиск подходящих направлений подготовки – 63,9 % (в 2014 году так ответил 71% тудентов ШГПУ) [4]. Этот же мотив стал ведущим для выбора АлтГПУ для получения высшего образования (73 % опрошенных абитуриентов) [8, с. 25].

Далее идет фактор материального характера – возможность обучаться за счет средств бюджета (52,8%). В интервью информанты говорили, как о материальных возможностях семьи при поступлении, так и демонстрировали ориентацию именно на бесплатное обучение, обусловленную практиками российского общества многих десятилетий, чувством ответственности перед родителями, желанием не подвести их: «Только бюджет. Мне было бы стыдно перед родителями, если бы я не прошла» (студентка ИПиП).

Отношение сотрудников приемной комиссии имело значимость для 35,8 % студентов. Это достаточно высокий показатель, который актуализируется в состоянии стресса и неопределенности поступающих, смены привычной среды и необходимости интегрироваться в новую общность. 26% опрошенных также отмечают хорошее отношение преподавателей на вступительных экзаменах. Значимость этого фактора подчеркивается и другими исследователями, которые обращают внимание на необходимость выстраивания взаимодействия с будущими абитуриентами на уровне школы, а также в момент подачи документов [8, с. 25].

Коммуникация между преподавателями, сотрудниками и студентами в небольшом вузе имеет специфику – она более тесная и студенты получают больше внимания. В нашем исследовании некоторые информанты отмечали это обстоятельство. Причем данное представление основано как на личном опыте, так и на опыте студентов, обучающихся в крупных вузах: «Там большой поток людей, так говорят студенты. Студент не имеет ценности – легко поступить, легко отчис-

лят. Преподавателям не важно – не хочешь, не делай» (студентка ГИ). Подчеркнем, что далеко не все абитуриенты, студенты это осознают, но для части из них данный фактор выбора срывается скорее на подсознательном уровне.

Почти каждый пятый опрошенный отмечает значимость для себя возможности получить два и более образования, что может свидетельствовать о понимании гибкости построения профессиональной карьеры в современном мире, когда нужно быть готовым реагировать на потребности рынка труда, на изменившиеся жизненные обстоятельства.

Каждый четвертый опрошенный хочет работать в сфере образования, а 28,5 % говорят о востребованности получаемой специальности (по этому показателю можно отметить рост по сравнению с 15,5 % в 2014 году) [4], что может свидетельствовать о достаточно осознанном профессиональном выборе. Однако, эти результаты сложно интерпретировать в условиях размытости представлений о будущей профессии, а порой и их смешении. Например, когда студенты педагогических профилей соотносят себя с другими сферами деятельности (юристами, лингвистами, журналистами).

Набирающая силу тенденция инструментализации значимости образования, когда молодой человек поступает ради диплома, поддерживается каждым четвертым из опрошенных. Соответственно, мы не можем говорить о таких настроениях у всех первокурсников педагогического ВУЗа, но все же эта группа достаточно многочисленна.

Наше исследование показало, что не всегда абитуриенты пользуются возможностью выбора из нескольких образовательных организаций при поступлении. Так 43,1 % опрошенных студентов подавали документы только в ШГПУ. Одновременно, нужно заметить, что очень небольшое число респондентов говорят, что их выбор был обусловлен не поступлением в другое учебное заведение (5 %).

Переходя к вопросу выбора профиля для поступления, еще раз отметим, что для многих первокурсников характерно весьма размытое представление о своем профессиональном будущем, о конкретном содержании получаемой профессии. При выборе профилей обучения документы могли подаваться на различные направления, на первый взгляд имеющие мало общего, например, лингвист и судебный пристав. В интервью информанты говорили о том, что перед ними стоял выбор из нескольких направлений. Это может свидетельствовать о проблеме профессионального самоопределения, ее слабой рефлексии, с другой стороны, вступающий в жизнь молодой человек может потенциально реализоваться в нескольких сферах, поэтому его колебания и метания вполне естественны.

Среди опрошенных первокурсников почти половина (53,1 %) подавали документы в ШГПУ на несколько профилей, а 42,4 % поступали на один. Это говорит об ориентированности значительной части абитуриентов на продумывание различных вариантов действий, поскольку окончательное решение о поступлении не всегда зависит только от личных предпочтений.

Заключение.

Образовательный выбор студентов педагогического вуза формируется под влиянием множества факторов социокультурной среды, которые могут присутствовать в различных сочетаниях – это способности, личностные предпочтения и интересы, ценностные ориентиры, представления о смысле жизни, материальные ресурсы молодого человека и его семьи и др. Нет оснований говорить об их кардинальном отличии от мотивирующих факторов поступающих в другие учебные заведения.

На выбор педагогического вуза влияет социокультурная трансформация образования в последние десятилетия. Оно становится более инструментальной ценностью для части молодого поколения. При этом образование также вы-

ступает как институт, авторитет и значимость которого в целом в последние десятилетия возрастает. Работа в системе образования имеет социальную значимость и творческий характер, в этой сфере можно найти вакансии с достойной оплатой труда. То есть потенциально занятость в образовании может удовлетворить потребности современной молодежи, как в профессиональном развитии, так и достойном доходе. Проблема в том, что не все регионы имеют ресурсы для создания таких условий.

На основании проведенного анализа можно заключить, что выбор, а педагогических вузов для поступления – многофакторный и не всегда осознанный процесс, подверженный влиянию как индивидуальных характеристик (способности, интересы, ценностные ориентиры), так и макро-социальных тенденций (трансформация ценности образования, изменение структуры рынка труда, требований к современному образованию). Но это не отменяет того факта, что студенты выбирают качественное образование и интересующую их специальность, пусть даже и ориентируются на бюджетное обучение. Подчеркнем, что в педагогические вузы поступает молодежь, представляющая образование в них как качественное.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Ахромеева Т.С. Новый взгляд на самоорганизацию в некоторых социальных системах / Т.С. Ахромеева, Г.Г. Малинецкий, С.А. Посашков // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 3–15. EDN: SEJ MVP
2. ВЦИОМ. Высшее образование в России: мониторинг. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-v-rossii-monitoring> (дата обращения 23.06.2026).
3. ВЦИОМ. День учителя – 2025. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-uchitelja-2025?ysclid=mt4c4xwer5441588430> (дата обращения 23.06.2026).
4. Коморникова О.М. Социальные факторы формирования профессиональных ориентаций студентов педагогического вуза // Психолого-педагогические инновационные технологии в развитии личности на разных возрастных этапах: материалы научно-практической конференции с Международным участием : в 2 ч. Каргопольский филиал : Шадринский дом печати, 2015. Ч. 1. С. 64–68. EDN: XRDJNJ
5. Константиновский Д.Л. Формирование ориентаций молодежи в сфере образования // Вестник Института социологии. 2016. № 19. С. 13–27. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.427 EDN: XWETKL
6. Кох И.А. Ценности и профессиональное самоопределение студенческой молодежи / И.А. Кох, В.А. Орлов // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 2. С. 141–168. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-2-143-170 EDN: ZCAWVN
7. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М. : Когито-Центр, 2010. 336 с. ISBN: 978-5-89353-331-6 EDN: QYBLWP
8. Матвеева Н.А. Мотивационные установки абитуриентов педагогического университета / Н.А. Матвеева, Л.В. Рыжикова // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2017. № 3(32). С. 23–28. EDN: XDQCSY
9. Нагайцев В.В. Социальные факторы формирования образовательных планов старшеклассников (на материалах социологических исследований в г. Барнауле в 2018 г.) // Siberian Socium (Сибирский социум). 2018. Т. 2. № 3. С. 62–74. DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-3-62-74 EDN: ZCHAYX

10. Ретивина В.В. Трудовые ценности и установки современной студенческой молодёжи // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 1. С. 57–63. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63 EDN: YURZVB
11. Сорокин П. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 134–139.
12. Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодёжи (на материалах социологических исследований). М. : ЦСПиМ, 2014. 560 с. ISBN: 978-5-906001-29-0 EDN: VQNAWR
13. Шафранов-Куцев Г.Ф. Профориентационные практики вуза : монография / Г.Ф. Шафранов-Куцев, С.Н. Толстогузов. М. : Логос, 2014. 196 с.
14. Шевченко Н.Н. Мотивы выбора профессии будущими учителями как фактор становления их профессионально-субъектной позиции // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-2. С. 410–413. EDN: MMULXN

References:

1. Akhromeeva T.S. A New Perspective on Self-Organization in Some Social Systems / T.S. Akhromeeva, G.G. Malinetsky, S.A. Posashkov // Sociological Studies. 2014. № 5. P. 3–15. EDN: SEJ MVP
2. VTsIOM. Higher Education in Russia: monitoring. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-v-rossii-monitoring> (date of application 23.06.2026).
3. VTsIOM. Teacher's Day – 2025. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-uchitelja-2025?ysclid=mt4c4xwer5441588430> (date of application 22.06.2026).
4. Komornikova O.M. Social factors in the formation of professional orientations among students of a pedagogical university // Psychological and pedagogical innovative technologies in the development of personality at different age stages: materials of a scientific and practical conference with international participation: in 2 parts. Kargopol branch : Shadrinsky Printing House, 2015. Part 1. P. 64–68. EDN: XRDJNJ
5. Konstantinovskiy D.L. Formation of Youth Orientations in the Field of Education // Bulletin of the Institute of Sociology. 2016. № 19. P. 13–27. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.427 EDN: XWETKL
6. Kokh I.A. Values and Professional Self-Determination of Student Youth / I.A. Kokh, V.A. Orlov // Education and Science. 2020. Vol. 22. № 2. P. 141–168. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-2-143-170 EDN: ZCAWVH
7. Lepsky V.E. Reflexive-active environments for innovative development. M. : Kogito-Center, 2010. 336 p. ISBN: 978-5-89353-331-6 EDN: QYBLWP
8. Matveeva N.A. Motivational attitudes of applicants to a pedagogical university / N.A. Matveeva, L.V. Ryzhikova // Bulletin of the Altai State Pedagogical University. 2017. № 3(32). P. 23–28. EDN: XDQCSY
9. Nagaytsev V.V. Social factors in the formation of educational plans for high school students (based on the materials of sociological research in Barnaul in 2018) // Siberian Socium. 2018. Vol. 2. № 3. P. 62–74. DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-3-62-74 EDN: ZCHAYX
10. Retivina V.V. Work-related values and attitudes of modern student youth // Higher Education in Russia. 2019. Vol. 28. № 1. P. 57–63. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-1-57-63 EDN: YURZVB
11. Sorokin P. My Philosophy – Integralism // Sociological Studies. 1992. № 10. P. 134–139.
12. Cherednichenko G.A. Educational and Professional Trajectories of Russian Youth (Based on Materials from Sociological Studies). M. : TsSPiM, 2014. 560 p. ISBN: 978-5-906001-29-0 EDN: VQNAWR
13. Shafranov-Kutsev G.F. Career Guidance Practices at a University : monograph / G.F. Shafranov-Kutsev, S.N. Tolstoguzov. M. : Logos, 2014. 196 p.
14. Shevchenko N.N. Motives for Choosing a Profession by Future Teachers as a Factor in the Formation of Their Professional-Subject Position // Problems of Modern Pedagogical Education. 2022. № 77-2. P. 410–413. EDN: MMULXN

Информация об авторе

Коморникова Ольга Михайловна

кандидат социологических наук,
доцент,
кафедра истории и права,
Гуманитарный институт
Шадринского государственного
педагогического университета
olya.orexovo@yandex.ru

Olga M. Komornikova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Department of History and Law,
Institute of Humanities
Shadrinsk State Pedagogical University
olya.orexovo@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 31.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 13.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-11>

УДК 159.9:316.624

Attribution

cc by

РАЗРАБОТКА ОПРОСНИКА НЕЭТИЧНОЙ КРЕАТИВНОСТИ И ЕГО СВЯЗИ С ТЕМНЫМИ ЧЕРТАМИ ЛИЧНОСТИ И КОРРУПЦИОННЫМИ НАМЕРЕНИЯМИ

Максименко А.А.¹, Дейнека О.С.², Загладина А.Р.³

^{1, 3}Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

²Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. Цель исследования состояла в разработке и психометрической проверке опросника неэтичной креативности, а также в оценке его связей с темными чертами личности и коррупционными намерениями. Выборка составила 722 человека (средний возраст 38,5 лет, 56,1 % женщины), проживающих на территории России. Для проверки конвергентной валидности использовались методики диагностики макиавеллизма, субклинической психопатии, скрытого нарциссизма, психологического превосходства, ориентации на социальное доминирование и коррупционных намерений. Эксплораторный факторный анализ выявил 2-х факторную структуру опросника: «Рационализация нарушений» и «Когнитивная гибкость в оправдании нарушений». Шкала продемонстрировала высокую внутреннюю согласованность ($\alpha = 0,918$; $\omega = 0,918$). Оба фактора положительно коррелируют с темными чертами личности и коррупционными намерениями, наиболее сильно – с психологическим превосходством и интенцией коррупционного поведения. Разработанный опросник может быть использован в исследовательских и прикладных целях для диагностики когнитивных механизмов оправдания неэтичных поступков и профилактики коррупционного поведения.

Ключевые слова: аморальная креативность, неэтичная креативность, психология коррупции, коррупционные намерения, темная пятёрка, ориентация на социальное доминирование, разработка методики, психометрические свойства, факторный анализ, российская выборка.

Финансирование: Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 25-28-01362 «Исследование социально-психологических предикторов формирования склонности к коррупции и воспринимаемого наказания: роль и значение медиаторов».

Original article

WHERE DOES MENTAL FLEXIBILITY END AND FLEXIBILITY OF CONSCIENCE BEGIN? DEVELOPMENT OF THE AMORAL CREATIVITY QUESTIONNAIRE AND ITS RELATIONS WITH DARK PERSONALITY TRAITS AND CORRUPT INTENTIONS

Alexander A. Maksimenko¹, Olga S. Deyneka², Alexandra R. Zagladina³

^{1, 3}National Research University «Higher School of Economics»,

²St. Petersburg State University

Abstract. The aim of the study was to develop and psychometrically validate the Amoral Creativity Questionnaire and to assess its relationships with dark personality traits and corrupt intentions. The sample comprised 722 respondents (mean age 38.5 years, 56.1 % female) residing in Russia. To assess convergent validity, measures of machiavellianism, subclinical psychopathy, covert narcissism, psychological superiority, social dominance orientation, and corrupt intentions were administered. Exploratory factor analysis revealed a two-factor structure: Rationalization of Violations and Cognitive Flexibility in Justifying Violations. The scale demonstrated high internal consistency ($\alpha = 0,918$; $\omega = 0,918$). Both factors positively correlated with dark personality traits and corrupt intentions, with the strongest correlations observed for psychological superiority and behavioral intention. The developed questionnaire can be used for research and applied purposes to diagnose cognitive mechanisms of justifying unethical behavior and to prevent corrupt behavior.

Keywords: amoral creativity, unethical creativity, psychology of corruption, corrupt intentions, dark personality traits, social dominance orientation, scale development, psychometric properties, factor analysis, Russian sample.

Funding: The work was supported by Russian Science Foundation grant № 25-28-01362 «Study of socio-psychological predictors of the formation of propensity to corruption and perceived punishment: the role and significance of mediators».

Введение.

Креативность традиционно рассматривается как позитивная личностная черта, связанная с генерированием новых идей, нестандартным решением проблем и инновационным мышлением. Однако в последние десятилетия в психологической литературе все чаще обсуждается ее «темная сторона» – способность использовать творческие способности для оправдания неэтичных поступков, обхода правил и получения личной выгоды в ущерб моральным нормам [1]. Основопологающей в этом направлении стала работа К. Кларка и К. Джеймса [2], которые впервые ввели понятие «негативной креативности» (negative creativity), описывающей случаи, когда творческий процесс приводит к негативным последствиям даже при отсутствии злого умысла. Позднее этот феномен получил более широкое осмысление в рамках исследований «злонамеренной креативности» (malevolent creativity) – использования оригинального мышления для достижения эгоистичных, негативных или откровенно злых целей [3].

Важным теоретическим вкладом в понимание данного феномена стала модель аморальной темной креативности, предложенная Х. Капур и Дж.К. Кауфманом [4], которая описывает творчество как процесс, включающий предшествующие условия, когнитивные и поведенческие механизмы к реализации. Согласно этой модели, аморальная креативность предполагает использование оригинального мышления для достижения эгоистичных или неблагоприятных целей, причем не обязательно с намерением причинить вред. Авторы подчеркивают, что креативный процесс сам по себе внеморален по своей природе и лишь определенные условия: моральные убеждения, личностные ценности и культурные нормы придают ему этическую окраску [4].

Эмпирические исследования убедительно демонстрируют связь креативности с неэтичным поведением.

Так, в серии экспериментов Ф. Джини и Д. Ариели [5] было показано, что люди с творческими личностными чертами склонны к большему обману, чем менее креативные индивидуумы, причем диспозиционная креативность оказалась более сильным предиктором неэтичного поведения, чем интеллект. Исследователи объясняют этот эффект тем, что креативность повышает способность человека находить оправдания для своих действий, а именно: конструировать убедительные нарративы, позволяющие воспринимать нарушение правил как оправданное или даже необходимое действие. Последующие исследования подтвердили, что креативность одинаково связана с генерацией как этических, так и

неэтических оправданий, однако именно способность продуцировать убедительные обоснования для нарушения норм делает креативных людей более склонными к неэтичному поведению [6].

Механизмы, лежащие в основе этой связи, активно исследуются в рамках теории отчуждения моральной ответственности [7]. Согласно этой теории, люди используют когнитивные стратегии (моральное оправдание, эвфемистические ярлыки, смещение и рассеивание ответственности, искажение последствий, дегуманизацию и атрибуцию вины), чтобы временно «отключать» внутренние моральные запреты при совершении неэтичных поступков.

Ким с соавторами [8] предложили двойную модель неэтичного поведения, согласно которой моральное отчуждение и моральное воображение выступают как два параллельных механизма, причем активация того или иного механизма зависит от моральной идентичности личности.

Исследования показывают, что творческие личности с высокой моральной идентичностью реже используют моральное отчуждение и реже ведут себя неэтично [9].

В то же время, люди с выраженными темными чертами личности (макиавеллизмом, психопатией и нарциссизмом) демонстрируют более высокие показатели злонамеренной креативности [10].

Несмотря на растущий интерес к феномену аморальной или неэтичной креативности и наличие теоретических моделей, в русскоязычной психологической литературе отсутствуют инструменты, позволяющие диагностировать ее когнитивный аспект – способность к «гибкости совести», при которой моральные ограничения не исчезают, а творчески переосмысливаются, уступая место инструментальной логике достижения целей.

Разработка такого инструмента нам представляется актуальной не только для фундаментальных исследований психологических механизмов неэтичного поведения, но и для прикладных задач в области кадровой диагностики, антикоррупционного рекрутинга и профилактики неэтичного поведения в организациях [11].

Цель исследования.

Настоящее исследование было предпринято с целью разработать опросник неэтичной креативности и осуществить его психометрическую проверку, включая оценку его надежности (внутренней согласованности), факторной (конструктивной) и конвергентной валидности.

Материалы и методы.

Выборка и процедура исследования. В онлайн-опросе, проведенном 30 августа 2026 года с использованием онлайн-платформ «Анкетолог» и «Яндекс Задания», приняли участие 722 человека, соответствующих заранее заданным критериям: совершеннолетние, постоянно проживающие на территории России и достаточно владеющие русским языком для самостоятельного заполнения опросных методик. Сбор данных осуществлялся за условное вознаграждение. Средний возраст участников составил 38,5 лет ($SD = 11,8$; медиана = 38), при этом женщины составили 56,1 % ($n = 405$), мужчины – 43,9 % ($n = 317$). По уровню урбанизации места проживания распределение оказалось следующим: в районных центрах проживали 22,3 % респондентов ($n = 161$), в областных центрах – 29,8 % ($n = 215$), в мегаполисах (за исключением Москвы) – 32,8 % ($n = 237$), в Москве – 15,1 % ($n = 109$). Образовательный уровень участников варьировался: среднее образование имели 30,5 % ($n = 220$), неполное высшее – 16,1 % ($n = 116$), базовое высшее (бакалавриат) – 13,4 % ($n = 97$), полное высшее (специалитет) – 28,0 % ($n = 202$), полное высшее (магистратура) – 10,4 % ($n = 75$), аспирантуру или ученую степень – 1,7 % ($n = 12$). Степень религиозности распределилась следующим образом: 28,0 % ($n = 202$) сочли себя совсем не религиозными, 40,0 % ($n = 289$) – не очень религиозными, 27,8 % ($n = 201$) – довольно религиозными, 4,2 % ($n = 30$) – очень религиозными. Субъективная оценка дохода показала, что большинство участников относят себя к среднему уровню (58,3 %, $n = 421$), тогда как низкий доход указали 27,7 % ($n = 200$), сводящих концы с концами оказалось 9,8 % ($n = 71$), высокий доход – 3,3 % ($n = 24$), очень высокий – 0,8 % ($n = 6$).

Методы и материалы исследования.

Для диагностики когнитивных механизмов оправдания и рационализации неэтичных поступков нами был разработан Опросник неэтичной креативности. Конструирование пунктов опросника осуществлялось в русле теоретических представлений модели аморальной темной [4], что позволило перевести ее концептуальные положения на уровень эмпирических индикаторов. Опросник состоит из 9-ти утверждений, с которыми нужно было выразить степень согласия/несогласия по шкале Р. Лайкерта, и первоначально он включал 3 субшкалы по 3 утверждения на каждую: «Когнитивная гибкость в оправдании нарушений» – способность быстро находить аргументы, объясняющие, почему в конкретной ситуации правило можно не соблюдать; «Изобретательность в обходе правил и морально-этических ограничений» – умение находить нестандартные способы достижения целей, формально не нарушая букву закона, но подрывая его дух; «Рационализация неэтичных поступков» – склонность конструировать убедительные нарративы, превращающие нарушение

в «вынужденную меру» или «незначительную уступку».

Конструктная (или факторная) валидность опросника проверялась факторизацией данных. Для проверки конвергентной валидности шкалы неэтичной креативности использовался комплекс методик. Предполагалось, что неэтичная креативность вместе с макиавеллизмом, субклинической психопатией, скрытым нарциссизмом и психологическим превосходством образуют в эмпирической картине так называемую «темную пятерку» (темную пентаду, Dark Pentad). Для этого использовались следующие методики.

Короткий опросник Темной триады (Short Dark Triad, SD3) – методика, разработанная Д.Н. Джонсом и Д.Л. Полхусом [12] в адаптации М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой и О.В. Паршиковой [13]. Для настоящего исследования использовались 2 субшкалы: «макиавеллизм» и «психопатия».

Шкала сензитивного нарциссизма (Hypersensitive Narcissism Scale, HSNS) – разработанная Х.М. Хендином и Дж.М. Чиком [14] в адаптации Д.С. Корниенко и Е.В. Ничепорук [15]. Опросник включает 10 пунктов, оцениваемых по шкале Лайкерта, и измеряет два взаимосвязанных фактора: эгоцентризм (погруженность в собственные переживания, ощущение собственной уникальности и исключительности) и сверхчувствительность к оценкам (повышенная уязвимость к мнению окружающих, склонность воспринимать обратную связь как угрозу самооценке). Оба фактора отражают сензитивный, или скрытый, тип нарциссизма, характеризующийся внутренней неуверенностью, сочетающейся с грандиозными фантазиями.

Психологическое превосходство оценивалось посредством 9-пунктной шкалы В.К. Кэмпбелла [16] в адаптации А.А. Максименко с соавторами [17], которая оценивала склонность респондента к ощущению собственной исключительности и превосходства над окружающими.

Опросник ориентации на социальное доминирование (ОСД) – русскоязычная версия методики, разработанной Ф. Пратто и Дж. Сиданиусом [18] в адаптации А.А. Максименко и коллег [19]. Опросник состоит из 16 пунктов, оцениваемых по семибалльной шкале Лайкерта, и включает две субшкалы: «Антиэгалитаризм» – принятие групповой иерархии и неравенства; «Эгалитаризм» – ориентация на равенство групп; дополнительно выделяется фактор «Конкуренция».

Для оценки коррупционных намерений использовалась 12-пунктная **Шкала коррупционных намерений (ШКН) (Corrupt Intention Scale, CIS)**, разработанная К.Р. Понсе-Диасом с коллегами [20] в адаптации А.А. Максименко и О.С. Дейнека. Инструмент измеряет готовность личности к совершению коррупционных действий и состоит из 3-х взаимосвязанных компонентов: воспринимаемого поведенческого контроля (4 пункта),

© Максименко А.А., Дейнека О.С., Загладина А.Р.

интенции поведения (5 пунктов) и субъективных норм (3 пункта).

Кроме того, участники исследования заполнили анкету, включающую социально-демографическую информацию (возраст, пол, место проживания, субъективный уровень дохода, степень религиозности, уровень образования и сведения о семейном положении).

Данные обрабатывались при помощи программы jamovi 2.6.44. Осуществлялся анализ основных статистик, эксплораторный факторный анализ методом главных компонент с вращением варимакс и корреляционный анализ по Спирмену.

Результаты.

Проверка надежности и факторной валидности Шкалы неэтичной креативности оказалась успешной. Коэффициент альфа Кронбаха для всей шкалы из девяти пунктов составил 0,918 и коэффициент омега Макдональда 0,918 свидетельствуют о высокой степени однородности пунктов. Анализ влияния отдельных пунктов на надежность показал, что удаление любого из них практически не изменяет значения коэффициентов: α варьировалась от 0,906 до 0,911, ω — от 0,907 до 0,912, что подтверждает сопоставимый вклад в общий показатель данных по отдельным пунктам опросника.

Для проверки внутренней структуры методики был проведен эксплораторный факторный анализ. Пригодность данных для факторизации оценивалась с помощью меры адекватности выборки Кайзера – Мейера – Олкина (КМО = 0,932) и теста сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 3705$,

$df = 36$, $p < 0,001$), что подтверждает наличие корреляций между переменными, достаточных для выделения факторов. Индивидуальные показатели MSA для каждого пункта варьировались от 0,913 до 0,945, что указывает на высокую меру адекватности для всех утверждений шкалы. Анализ собственных значений и график каменной осыпи указывали на возможность выделения двух факторов, объясняющих 53,4 % совокупной дисперсии.

Факторный анализ позволил выделить два содержательно интерпретируемых фактора (табл. 1). Первый фактор, названный нами «*Рационализация нарушений*», с высокими нагрузками объединил пункты 5, 6, 7, 8 и 9. Наибольшие нагрузки зафиксированы по пункту 8 (0,771) и пункту 7 (0,768). Данный фактор отражает способность находить убедительные объяснения и оправдания для отступления от правил, интерпретировать нормативные ограничения в свою пользу и переопределять неэтичные действия как вынужденные или оправданные обстоятельства. Второй фактор, интерпретированный как «*Когнитивная гибкость в оправдании нарушений*», с высокими нагрузками объединил пункты 1, 2 и 3. Наибольшая нагрузка зафиксирована по пункту 2 (0,848). Данный фактор отражает способность быстро генерировать аргументы и обоснования для нестандартных действий в ситуациях, когда правила и инструкции создают препятствия. Пункт 4 («Я часто нахожу способы добиться цели, не нарушая прямых запретов, но обходя их дух») продемонстрировал перекрестную нагрузку на оба фактора (0,575 и 0,547 соответственно) и ввиду неоднозначной интерпретации выполняет буферную функцию, не принимая участия в расчетах.

Таблица 1

Факторная структура данных опросника неэтичной креативности.

Утверждения	Факторы		Уникальность
	Фактор 1	Фактор 2	
В сложных ситуациях я могу найти веские причины для отступления от общепринятых правил		0.687	0.383
Я способен убедительно обосновать действие, которое формально противоречит инструкции, если оно ведет к нужному результату		0.848	0.210
Для каждой нестандартной ситуации я могу предложить оправдание, которое не вызовет вопросов у окружающих		0.810	0.229
Я часто нахожу способы добиться цели, не нарушая прямых запретов, но обходя их дух	0.575	0.547	0.370
Мне несложно придумать, как интерпретировать правило так, чтобы оно перестало быть препятствием	0.635		0.380
В работе я предпочитаю находить нестандартные пути, даже если они формально находятся на грани допустимого	0.756		0.341
Если я вынужден нарушить правила, я всегда могу объяснить это объективными обстоятельствами	0.768		0.303
Иногда отступление от норм оправдано более важными целями, и я умею это доказать	0.771		0.292
Я склонен рассматривать свои нестандартные решения как вынужденные, а не как нарушение этики	0.768		0.327

Для проверки конвергентной валидности разработанной шкалы был проведен корреляционный анализ между двумя выделенными факторами опросника неэтичной креативности («Рациона-

лизация нарушений» и «Когнитивная гибкость в оправдании нарушений») и социально-демографическими, личностными и морально-психологическими переменными.

Ожидаемо сильные положительные корреляции обнаружены между обоими факторами неэтичной креативности и конструктами «темной» стороны личности. Оба фактора положительно коррелируют с макиавеллизмом ($r = 0,467, p < 0,001$; $r = 0,526, p < 0,001$), психопатией ($r = 0,276, p < 0,001$; $r = 0,203, p < 0,001$), эгоцентризмом как компонентом скрытого нарциссизма ($r = 0,303, p < 0,001$; $r = 0,318, p < 0,001$) и сверхчувствительностью к оценкам ($r = 0,212, p < 0,001$; $r = 0,229, p < 0,001$). Наиболее сильные связи обоих факторов методики были зафиксированы с психологическим превосходством: $r = 0,456, p < 0,001$; $r = 0,405, p < 0,001$. Все три субшкалы ориентации на социальное доминирование также положительно коррелируют с обоими факторами неэтичной креативности: антиэгалитаризм ($r = 0,185, p < 0,001$; $r = 0,260, p < 0,001$), эгалитаризм ($r = 0,268, p < 0,001$; $r = 0,239, p < 0,001$) и конкуренция ($r = 0,395, p < 0,001$; $r = 0,448, p < 0,001$).

Особый интерес представляют корреляции между факторами неэтичной креативности и коррупционными намерениями. Оба фактора демонстрируют положительные связи со всеми тремя компонентами Шкалы коррупционных намерений. Для фактора «Рационализация нарушений» наиболее сильная связь зафиксирована с интенцией поведения ($r = 0,500, p < 0,001$), с воспринимаемым поведенческим контролем ($r = 0,436, p < 0,001$) и субъективными нормами ($r = 0,392, p < 0,001$). Для фактора «Когнитивная гибкость в оправдании нарушений» наиболее сильная связь также с интенцией поведения ($r = 0,422, p < 0,001$), с субъективными нормами ($r = 0,395, p < 0,001$) и воспринимаемым поведенческим контролем ($r = 0,385, p < 0,001$). Таким образом, неэтичная креативность в обоих ее аспектах (когнитивная гибкость и рационализация) тесно связана с готовностью к коррупционным действиям, причем наиболее выраженная связь прослеживается с интенцией поведения – центральным компонентом коррупционных намерений согласно теории запланированного поведения.

Связи с социально-демографическими характеристиками показали, что оба фактора неэтичной креативности обнаруживают слабые, но статистически значимые положительные корреляции с количеством детей у респондентов ($r = 0,091, p < 0,05$; $r = 0,079, p < 0,05$), видимо, конкуренция между детьми за внимание родителей вынуждает последних проявлять такого рода креативность. Кроме того, второй фактор (когнитивная гибкость в оправдании нарушений) положительно коррелирует с возрастом ($r = 0,107, p < 0,01$), т.е. у людей более старшего возраста гибкость оказалась более выраженной, что может быть связано с большим жизненным опытом. Остальные социально-демографические параметры не обнаружили корреляций с неэтичной креативностью, подчеркивая ее личностный характер.

Обсуждение результатов проведенного исследования.

Выделенные в ходе факторного анализа два компонента неэтичной креативности – «Рационализация нарушений» и «Когнитивная гибкость в оправдании нарушений» – отражают два взаимосвязанных, но различных когнитивных механизма. Первый связан с глубиной и убедительностью конструируемых оправданий, тогда как второй – со скоростью и гибкостью генерации таких обоснований. Такое различие согласуется с классическими теоретическими представлениями о природе креативности как процесса, включающего как беглость и гибкость мышления, так и способность к детальной проработке альтернатив [21].

В контексте неэтичной креативности, эти два аспекта приобретают специфическое содержание: гибкость позволяет быстро находить обходные пути в условиях нормативных ограничений, а рационализация – превращать их в убедительные и социально приемлемые объяснения.

Полученная двухфакторная структура может быть осмыслена в рамках теории двойственного процесса мышления [22], согласно которой быстрые, интуитивные решения (когнитивная гибкость) и медленные, рефлексивные обоснования (рационализация) задействуют различные когнитивные системы. При этом оба механизма служат единой цели: снижению внутреннего морального конфликта при совершении неэтичных поступков, что согласуется с теорией отчуждения моральной ответственности [7].

Особого внимания заслуживают корреляции факторов неэтичной креативности с коррупционными намерениями. Оба фактора продемонстрировали устойчивые положительные связи со всеми тремя компонентами Шкалы коррупционных намерений: воспринимаемым поведенческим контролем, интенцией поведения и субъективными нормами. Наиболее сильные корреляции зафиксированы с интенцией поведения – центральным компонентом коррупционных намерений согласно теории запланированного поведения (Ajzen, 1991). Это указывает на то, что неэтичная креативность непосредственно связана с готовностью к коррупционным действиям, а не только с оправданием уже совершенных поступков.

Когнитивная гибкость, позволяющая быстро находить обходные пути и аргументы, и рационализация, превращающая нарушения в «вынужденные меры», выступают как два параллельных когнитивных механизма, облегчающих переход от темных личностных черт к реальным коррупционным намерениям. Можно предположить, что неэтичная креативность выполняет функцию «мостика» между диспозиционными факторами (макиавеллизмом, психопатией, нарциссизмом, психологическим превосход-

ством) и поведенческими интенциями, позволяя человеку конструировать убедительные оправдания для действий, которые в ином случае были бы заблокированы внутренними моральными запретами.

Оба фактора неэтичной креативности положительно связаны с макиавеллизмом, субклинической психопатией, скрытым нарциссизмом, психологическим превосходством и ориентацией на социальное доминирование. Наиболее сильные связи зафиксированы с психологическим превосходством, что указывает на ключевую роль чувства собственной исключительности в формировании готовности к использованию неэтичной креативности. Эти результаты согласуются с теорией морального лицензирования [23], согласно которой люди с завышенной самооценкой склонны воспринимать себя как исключение из общих норм, что облегчает оправдание нарушений.

Заключение.

Разработанный опросник неэтичной креативности продемонстрировал высокие психометрические характеристики, включая отличную внутреннюю согласованность и четкую двухфакторную структуру.

Выделенные факторы «Рационализация нарушений» и «Когнитивная гибкость в оправдании нарушений» отражают два взаимосвязанных когнитивных механизма, лежащих в основе способности личности к оправданию и рационализации неэтичных поступков.

Особую значимость представляют корреляции неэтичной креативности с коррупционными намерениями. Оба фактора показали устойчивые положительные связи со всеми тремя компонентами коррупционных намерений, причем наиболее сильные – с интенцией поведения. Это свидетельствует о том, что неэтичная креативность тесно сопряжена с готовностью к коррупционным действиям, а ее когнитивные механизмы (гибкость в оправдании нарушений и способность к рационализации) участвуют в формировании коррупционных намерений.

Разработанный опросник может быть использован в исследовательских целях для изучения психологических механизмов неэтичного поведения, а также в прикладных областях: кадровой диагностике, антикоррупционном рекрутинге и профилактике неэтичного поведения в организациях.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются проверка дискриминантной валидности опросника, его апробация на более разнообразных выборках, а также изучение медиационных моделей, в которых неэтичная креативность выступает в качестве связующего звена между темными чертами личности и реальным неэтичным поведением.

Приложение

Опросник неэтичной креативности

Инструкция. Ниже приведен ряд утверждений, касающихся различных аспектов коррупции. Пожалуйста, оцените, насколько Вы согласны или не согласны с каждым из них. Для этого используйте следующую шкалу, где 1 – полностью не согласен, а 5 – полностью согласен.

1. В сложных ситуациях я могу найти веские причины для отступления от общепринятых правил.
2. Я способен убедительно обосновать действие, которое формально противоречит инструкции, если оно ведет к нужному результату.
3. Для каждой нестандартной ситуации я могу предложить оправдание, которое не вызовет вопросов у окружающих.
4. Я часто нахожу способы добиться цели, не нарушая прямых запретов, но обходя их дух.
5. Мне несложно придумать, как интерпретировать правило так, чтобы оно перестало быть препятствием.
6. В работе я предпочитаю находить нестандартные пути, даже если они формально находятся на грани допустимого.
7. Если я вынужден нарушить правила, я всегда могу объяснить это объективными обстоятельствами.
8. Иногда отступление от норм оправдано более важными целями, и я умею это доказать.
9. Я склонен рассматривать свои нестандартные решения как вынужденные, а не как нарушение этики.

Ключ для подсчета результатов:

Рационализация нарушений (способность личности находить убедительные объяснения и оправдания для отступления от правил, интерпретировать нормативные ограничения в свою пользу и переопределять неэтичные действия как вынужденные или оправданные обстоятельствами) включает пункты: 5, 6, 7, 8, 9.

Когнитивная гибкость в оправдании нарушений (способность быстро генерировать аргументы и обоснования для нестандартных действий в ситуациях, когда правила и инструкции создают препятствия) включает пункты: 1, 2, 3.

Пункт 4 (с перекрестной нагрузкой) не вошел в финальную версию опросника и выполняет буферную функцию.

Общий балл вычисляется как сумма ответов по 8-ми пунктам. Чем выше суммарный балл, тем более выражена способность индивида к аморальной креативности.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. The dark side of creativity / D.H. Cropley [et al.]. Cambridge University Press 2010. DOI: 10.1017/CBO9780511761225
2. Clark K. Justice and positive and negative creativity / K. Clark, K. James // Creativity Research Journal 1999. № 12(4). P. 311–320. DOI: 10.1207/s15326934crj1204_9
3. Harris D.J. Fast and furious: The influence of intuitive thinking and dark triad traits on malevolent creativity / D.J. Harris, R. Reiter-Palmon // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2015. № 9(1). P. 54–64. DOI: 10.1037/a0038499
4. Kapoor H. The evil within: The AMORAL model of dark creativity / H. Kapoor, J.C. Kaufman // Theory & Psychology, 2022. № 32(3). P. 467–490. DOI: 10.1177/09593543221074326 EDN: NWKBBX
5. Gino F. The dark side of creativity: Original thinkers can be more dishonest / F. Gino, D. Ariely // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. № 102(3). P. 445–459. DOI: 10.1037/a0026406
6. Mai K.M. The gray side of creativity: Exploring the role of activation in the link between creative personality and unethical behavior / K.M. Mai, A.P.J. Ellis, D.T. Welsh // Journal of Experimental Social Psychology. 2015. № 60. P. 76–85. DOI: 10.1016/j.jesp.2015.05.004
7. Bandura A. Moral disengagement in the perpetration of inhumanities. Personality and Social Psychology Review. 1999. № 3(3). P. 193–209. DOI: 10.1207/s15327957pspr0303_3 EDN: JPBNNP
8. Are creative individuals bad apples? A dual pathway model of unethical behavior / S. Keem [et al.] // Journal of Applied Psychology. 2018. № 103(4). P. 416–431. DOI: 10.1037/apl0000290
9. Will creative employees always make trouble? Investigating the roles of moral identity and moral disengagement / X. Zheng [et al.] // Journal of Business Ethics. 2019. № 157(3). P. 653–672. DOI: 10.1007/s10551-017-3683-3 EDN: OXXIOP
10. Jonason P.K. How the Dark Triad traits predict relationship choices / P.K. Jonason, V.X. Luevano, H.M. Adams // Personality and Individual Differences. 2012. № 53(3). P. 180–184. DOI: 10.1016/j.paid.2012.03.007
11. Крылова Д.В. Роль искусственного интеллекта в антикоррупционном рекрутинге / Д.В. Крылова, А.А. Максименко // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2022. № 8(2). С. 94–107. DOI: 10.18413/2408-9346-2022-8-1-0-9 EDN: FUFUDM
12. Jones D.N. Introducing the Short Dark Triad (SD3): A brief measure of dark personality traits / D.N. Jones, D.L. Paulhus // Assessment, 2014. № 21(1). P. 28–41. DOI: 10.1177/1073191113514105
13. Егорова М.С. Адаптация Короткого опросника Темной триады / М.С. Егорова, О.В. Паршикова, М.А. Ситникова // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. EDN: WAOUNZ
14. Hendin H.M. Assessing hypersensitive narcissism: A reexamination of Murray's Narcism Scale / H.M. Hendin, J.M. Cheek // Journal of Research in Personality. 1997. № 31(4). P. 588–599. DOI: 10.1006/jrpe.1997.2204
15. Корниенко Д.С. Сензитивный нарциссизм: структура шкалы и связи с чертами темной тетрады / Д.С. Корниенко, Е.В. Ничепорук // Психологический журнал. 2025. № 46(6). С. 79–89. DOI: 10.7868/s3034588x25060084 EDN: DGNHWV
16. Psychological entitlement: Interpersonal consequences and validation of a self-report measure / W.K. Campbell [et al.] // Journal of personality assessment. 2004. № 83(1). P. 29–45. DOI: 10.1207/s15327752jpa8301_04
17. Максименко А.А. Способствует ли вера в справедливый мир снижению коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого наказания и роль психологического превосходства / А.А. Максименко, А.Р. Загладина, О.С. Дейнека // Психология и право. 2025. № 15(3). С. 224–239. DOI: 10.17759/psylaw.2025.150315 EDN: MIRKWC
18. Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes / F. Pratto [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. № 67(4). P. 741–763. DOI: 10.1037/0022-3514.67.4.741 EDN: HITRET
19. Максименко А.А. Степень порицания коррупции у россиян с разным уровнем социального доминирования / А.А. Максименко, Д.В. Крылова, О.С. Дейнека // Российский психологический журнал. 2023. № 20(3). С. 274–294. DOI: 10.21702/rpj.2023.3.15 EDN: LIIGTL
20. Ponce Díaz C.R. Psychological insight into corruption: construction and validation of the Corrupt Intention Scale (CIS) / Ponce Díaz C.R., Aiquipa Tello J.J., Pacheco Luza E.F. // Psicologia: Reflexão e Crítica. 2025. № 38(1). Art. 15. 10.1186/s41155 025 00352 3. DOI: 10.1186/s41155025003523
21. Guilford J.P. The nature of human intelligence. McGraw-Hill. 1967.

22. Kahneman D. Thinking, fast and slow. Farrar, Straus and Giroux. 2011.
23. Merritt A.C. Moral self-licensing: When being good frees us to be bad / A.C. Merritt, D.A. Effron, B. Monin // Social and Personality Psychology Compass. 2010. № 4(5). P. 344–357. DOI: 10.1111/j.1751-9004.2010.00263.x

References:

1. The dark side of creativity / D.H. Cropley [et al.]. Cambridge University Press 2010. DOI: 10.1017/CBO9780511761225
2. Clark K. Justice and positive and negative creativity / K. Clark, K. James // Creativity Research Journal 1999. № 12(4). P. 311–320. DOI: 10.1207/s15326934crj1204_9
3. Harris D.J. Fast and furious: The influence of intuitive thinking and dark triad traits on malevolent creativity / D.J. Harris, R. Reiter-Palmon // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2015. № 9(1). P. 54–64. DOI: 10.1037/a0038499
4. Kapoor H. The evil within: The AMORAL model of dark creativity / H. Kapoor, J.C. Kaufman // Theory & Psychology, 2022. № 32(3). P. 467–490. DOI: 10.1177/09593543221074326 EDN: NWKBBX
5. Gino F. The dark side of creativity: Original thinkers can be more dishonest / F. Gino, D. Ariely // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. № 102(3). P. 445–459. DOI: 10.1037/a0026406
6. Mai K.M. The gray side of creativity: Exploring the role of activation in the link between creative personality and unethical behavior / K.M. Mai, A.P.J. Ellis, D.T. Welsh // Journal of Experimental Social Psychology. 2015. № 60. P. 76–85. DOI: 10.1016/j.jesp.2015.05.004
7. Bandura A. Moral disengagement in the perpetration of inhumanities. Personality and Social Psychology Review. 1999. № 3(3). P. 193–209. DOI: 10.1207/s15327957pspr0303_3 EDN: JPBMLP
8. Are creative individuals bad apples? A dual pathway model of unethical behavior / S. Keem [et al.] // Journal of Applied Psychology. 2018. № 103(4). P. 416–431. DOI: 10.1037/apl0000290
9. Will creative employees always make trouble? Investigating the roles of moral identity and moral disengagement / X. Zheng [et al.] // Journal of Business Ethics. 2019. № 157(3). P. 653–672. DOI: 10.1007/s10551-017-3683-3 EDN: OXXIOP
10. Jonason P.K. How the Dark Triad traits predict relationship choices / P.K. Jonason, V.X. Luevano, H.M. Adams // Personality and Individual Differences. 2012. № 53(3). P. 180–184. DOI: 10.1016/j.paid.2012.03.007
11. Krylova D.V. The role of artificial intelligence in anti-corruption recruitment / D.V. Krylova, A.A. Maksimenko // Scientific Result. Business and Service Technologies. 2022. № 8(2). P. 94–107. DOI: 10.18413/2408-9346-2022-8-1-0-9 EDN: FUFUDM
12. Jones D.N. Introducing the Short Dark Triad (SD3): A brief measure of dark personality traits / D.N. Jones, D.L. Paulhus // Assessment, 2014. № 21(1). P. 28–41. DOI: 10.1177/1073191113514105
13. Egorova M.S. Adaptation of the Short Dark Triad Questionnaire / M.S. Egorova, O.V. Parshikova, M.A. Sitnikova // Psychological Research. 2015. Vol. 8. № 43. EDN: WAOUNZ
14. Hendin H.M. Assessing hypersensitive narcissism: A reexamination of Murray's Narcism Scale / H.M. Hendin, J.M. Cheek // Journal of Research in Personality. 1997. № 31(4). P. 588–599. DOI: 10.1006/jrpe.1997.2204
15. Kornienko D.S. Sensitive narcissism: scale structure and relationship with the traits of the dark tetrad / D.S. Kornienko, E.V. Nicheporuk // Psychological Journal. 2025. № 46(6). P. 79–89. DOI: 10.7868/s3034588x25060084 EDN: DGNHWW
16. Psychological entitlement: Interpersonal consequences and validation of a self-report measure / W.K. Campbell [et al.] // Journal of personality assessment. 2004. № 83(1). P. 29–45. DOI: 10.1207/s15327752jpa8301_04
17. Maksimenko A.A. Does belief in a just world contribute to reducing the level of corruption: the mediating effect of perceived punishment and the role of psychological superiority / A.A. Maksimenko, A.R. Zagladina, O.S. Deineka // Psychology and Law. 2025. № 15(3). P. 224–239. DOI: 10.17759/psylaw.2025150315 EDN: MIRKWC
18. Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes / F. Pratto [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. № 67(4). P. 741–763. DOI: 10.1037/0022-3514.67.4.741 EDN: HITRET
19. Maksimenko A.A. The degree of condemnation of corruption among Russians with different levels of social dominance / A.A. Maksimenko, D.V. Krylova, O.S. Deineka // Russian Psychological Journal. 2023. № 20(3). P. 274–294. DOI: 10.21702/rpj.2023.3.15 EDN: LIIGTL
20. Ponce Díaz C.R. Psychological insight into corruption: construction and validation of the Corrupt Intention Scale (CIS) / Ponce Díaz C.R., Aiquipa Tello J.J., Pacheco Luza E.F. // Psicologia: Reflexão e Crítica. 2025. № 38(1). Art. 15. 10.1186/s41155 025 00352 3. DOI: 10.1186/s41155025003523
21. Guilford J.P. The nature of human intelligence. McGraw-Hill. 1967.
22. Kahneman D. Thinking, fast and slow. Farrar, Straus and Giroux. 2011.
23. Merritt A.C. Moral self-licensing: When being good frees us to be bad / A.C. Merritt, D.A. Effron, B. Monin // Social and Personality Psychology Compass. 2010. № 4(5). P. 344–357. DOI: 10.1111/j.1751-9004.2010.00263.x

Информация об авторах

Максименко Александр Александрович

доктор социологических наук,
кандидат психологических наук,
доцент,
профессор факультета социальных наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва
maximenko.al@gmail.com

Дейнека Ольга Сергеевна

доктор психологических наук,
профессор,
профессор кафедры политической психологии,
Санкт-Петербургский
государственный университет
maximenko@gmail.com

Загладина Александра Романовна

стажер-исследователь департамента психологии,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва
maximenko.a@gmail.com

Alexander A. Maksimenko

Doctor of Sciences in Sociology,
Candidate of Sciences in Psychology,
Associate Professor,
Professor at the Faculty of Social Sciences,
National Research University
«Higher School of Economics», Moscow
maximenko.al@gmail.com

Olga S. Deyneka

Doctor of Sciences in Psychology,
Professor,
Professor at the Department of Political Psychology,
St. Petersburg State University
maximenko@gmail.com

Alexandra R. Zagladina

Intern Researcher in the Department of Psychology,
National Research University
«Higher School of Economics», Moscow
maximenko.a@gmail.com

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.09.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.09.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-13>

УДК 316.77

Attribution

cc by

ЦИФРОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ: ВОСПРИЯТИЕ МОЛОДЕЖЬЮ КУБАНИ

Муха В.Н.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. В статье представлен социологический анализ цифровых репрезентаций участников Специальной военной операции и их восприятия молодежью Краснодарского края. Эмпирическую базу составили цифровой корпус открытых публикаций ($N = 1792$), анкетный опрос молодежи ($N = 476$), шесть фокус-групп ($N = 48$) и экспертный опрос ($N = 7$). В региональном медиапространстве наиболее заметен героико-защитный образ участника СВО, основанный на категориях защиты Родины, долга, мужества, профессионализма. Он же наиболее узнаваем молодежной аудиторией, что свидетельствует о выраженном соответствии медиаполя и молодежного восприятия на уровне доминирующих образов. Вместе с тем, оценка конкретных цифровых публикаций зависит от источника, проверяемости информации и степени ее содержательной конкретности. Более высокий уровень доверия связан с прямой речью участников СВО, личными историями, локальными сюжетами и биографическими деталями. В медиаполе такие материалы представлены реже, чем символические и событийные сообщения. Полученные результаты позволяют рассматривать биографическую конкретизацию как ресурс ее усиления: личная история делает общественно значимый образ более близким и понятным молодежной аудитории.

Ключевые слова: участники Специальной военной операции, молодежь, Краснодарский край, цифровые репрезентации, медиадоверие, биографическая конкретизация, региональное медиапространство.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта № Н-25.1/11 «Репрезентации участников СВО в цифровом медиапространстве и их восприятие молодежью Кубани».

Original article

DIGITAL REPRESENTATIONS OF SPECIAL MILITARY OPERATION PARTICIPANTS: PERCEPTION BY KUBAN YOUTH

Victoria N. Mukha

Kuban State Technological University

Abstract. The article presents a sociological analysis of digital representations of participants in the Special Military Operation (SMO) and their perception by young people in Krasnodar krai. The empirical basis includes a corpus of open digital publications ($N = 1,792$), a youth survey ($N = 476$), six focus groups ($N = 48$), and an expert survey ($N = 7$). The regional media environment is dominated by a heroic-protective image of the SMO participant built around the ideas of defending the Motherland, duty, courage, professionalism, and remembrance. The same image is the most recognizable among young respondents, indicating a pronounced correspondence between the media environment and youth perceptions at the level of dominant images. At the same time, assessments of specific digital publications depend on the source, verifiability, and substantive detail of the information. Higher trust is associated with direct speech by SMO participants, personal stories, local narratives, and biographical details. Such materials are less visible in the media corpus than symbolic and event-based messages. The findings therefore suggest that biographical concretization should be regarded as a resource for strengthening it by making a socially significant image more personal and comprehensible to young audiences.

© Муха В.Н.

Keywords: Special Military Operation participants, youth, Krasnodar Krai, digital representations, media trust, biographical concretization, regional media environment.

Funding: The study was carried out with financial support from the Kuban Science Foundation within the framework of scientific project № N-25.1/11 «Reperceptions of participants in the Special Military Operation in the digital media space and their perception by young people in Kuban».

Введение.

Цифровая среда стала одним из основных пространств публичной репрезентации участников специальной военной операции (СВО). В региональном информационном поле эта тема присутствует в материалах СМИ, официальных и муниципальных ресурсах, социальных сетях, пабликах, сообществах образовательных организаций и волонтерских объединений.

Повторяющиеся способы описания задают узнаваемые образы участника СВО – защитника, героя, профессионального военнослужащего, члена семьи, ветерана, получателя мер поддержки или носителя индивидуальной жизненной истории.

Для молодежной аудитории существенны не только содержание публикации, но и ее источник, язык и степень конкретности. Российские исследования цифрового медиапотребления показывают, что границы между каналами коммуникации становятся все менее жесткими, а медиапрактики включаются в повседневную социальную активность [1; 2]. Доверие в этих условиях во многом складывается на уровне конкретного сообщения: пользователь оценивает источник, полноту информации и возможность ее проверить [3]. Исследования, проведенные среди молодежи, также фиксируют связь восприятия общественно значимых событий с особенностями медиапотребления и информационного поведения [4–6].

Актуальным становится исследование того, как общественно значимый образ участника СВО конкретизируется в цифровой коммуникации и какие характеристики сообщения делают его убедительным для молодежной аудитории. Здесь важно развести два уровня: отношение к самой фигуре участника СВО и доверие к отдельной публикации. Молодой пользователь может разделять ценностную оценку участника СВО как защитника Родины и героя и одновременно по-разному оценивать конкретные сообщения в зависимости от источника, фактической наполненности и формы подачи. Поэтому в ста-

тье сопоставляются структура регионального медиаполя, узнаваемость основных образов, критерии информационного доверия и особенности обсуждения темы молодежью. Цель статьи – определить характер соответствия между цифровыми репрезентациями участников СВО и их восприятием молодежью Краснодарского края.

Региональный уровень анализа особенно важен, поскольку именно здесь общая ценностная рамка получает локальную и биографическую конкретизацию. В медиаполе появляются истории земляков, выпускников школ и вузов, участников муниципальных мероприятий и волонтерских инициатив. Такие сюжеты позволяют увидеть, каким образом образ защитника Родины связывается для молодежи с жизнью конкретного человека и знакомым социальным контекстом. Поэтому локальность рассматривается в исследовании как один из ресурсов доверия и личной сопричастности.

Материалы и методы. Анализ медиарепрезентаций опирается на фреймовый подход, в рамках которого публичный образ рассматривается как результат отбора и акцентирования отдельных аспектов социальной реальности [7]. При анализе аудитории учитывается, что восприятие медиасообщения зависит не только от его содержания, но и от коммуникативного контекста и опыта самого пользователя [8]. Доверие понимается как многомерная оценка надежности, полноты и добросовестности информации [9]. Отдельно учитывается, что публичное комментирование представляет собой самостоятельную коммуникативную практику и не сводится к поддержанию позиции пользователя.

В исследовании сопоставлены четыре массива данных (табл.1), полученные разными методами. Общими аналитическими измерениями выступали тип репрезентации, источник сообщения, информационное доверие, биографическая конкретность и особенности обсуждения темы. Такое сопоставление позволяет рассматривать медиаполе и молодежное восприятие как связанные, но не тождественные уровни коммуникации.

Таблица 1

Эмпирические массивы и их функция в исследовании

Массив	Объем / период	Функция в анализе
Цифровой корпус открытых публикаций	N = 1792; 01.01–26.03.2026	Структура медиаполя, типы репрезентации, тональность, активность
Анкетный опрос молодежи Краснодарского края	N = 476	Узнаваемость образов, доверие, критерии достоверности
Фокус-группы	6 групп, N = 48; май 2026 г.	Аргументация оценок, критерии доверия, особенности обсуждения
Экспертный опрос	N = 7	Сопоставление интерпретаций, оценка востребованных сюжетов

Цифровой корпус включал открытые публикации «ВКонтакте», Telegram, «Дзена» и МАХ, связанные с участниками СВО. Единицей анализа выступала отдельная публикация. Кодировались платформа, тип автора, территориальная принадлежность, тональность, доминирующий тип репрезентации, наличие комментариев и показатели пользовательской активности. Автоматизированная смысловая классификация использовалась как технический этап первичной организации массива, итоговые укрупненные категории формировались и интерпретировались исследователем.

Анкетный опрос охватил 476 молодых жителей Краснодарского края. В выборке преобладают школьники, учащиеся СПО и студенты, поэтому результаты относятся прежде всего к учащейся молодежи и не экстраполируются на всю молодежь региона. Фокус-группы проводились со школьниками 10–11 классов, учащимися СПО и студентами, для интерпретации материалов использовался тематический анализ [10]. В экспертный блок вошли представители образования, государственной службы, волонтеры, а также участники СВО. Экспертные ответы использовались для качественного уточнения интерпретаций. Для цифрового корпуса применялись частотный анализ, χ^2 , V Крамера и критерий Краскела-Уоллиса.

Результаты.

Структура цифрового медиаполя характеризуется заметной платформенной асимметрией: 88,6 % публикаций размещены во «ВКонтакте», 8,2 % – в Telegram, 1,7 % – в «Дзен», 1,5 % – в МАХ. Эти значения описывают собранный открытый корпус и не являются оценкой популярности платформ среди молодежи. По формальному типу подачи 61,6 % публикаций были отнесены к нейтральным. Отдельно оценивалась эмоционально-ценностная маркированность текста: позитивные маркеры – лексика уважения, памяти, благодарности и поддержки – присутствовали в 76,7 % публикаций. Таким образом, формально информационная подача нередко сочеталась с положительной ценностной окраской.

В структуре репрезентаций доминирует героико-защитный режим – 41,1 % публикаций (табл. 2). Его основу составляют темы защиты Родины, выполнения долга, мужества и общественного признания. Далее следуют профессионально-боевые, административно-правовые, мемориальные и адаптационные сюжеты. Биографически-свидетельская репрезентация составляет 0,8 % корпуса, то есть индивидуальная жизненная история остается одним из наименее представленных типов материалов.

Таблица 2

Основные режимы репрезентации участников СВО

Режим репрезентации	Доля, %	Основной смысл
Героико-защитный	41,1	Защита, долг, подвиг, благодарность
Профессионально-боевой	15,5	Компетентность, военная специальность, выполнение задачи
Административно-правовой / поддержка	9,9	Льготы, помощь, правовой статус
Мемориально-жертвенный	9,0	Память, скорбь
Ветеранско-адаптационный	7,6	Возвращение, реабилитация, занятость, образование
Семейно-волонтерский	5,0	Семья, помощь, локальная солидарность
Биографически-свидетельский	0,8	Прямая речь, повседневность, индивидуальная история

Источник: расчеты автора по цифровому корпусу, N = 1792.

Комментарии технически присутствовали примерно в четверти публикаций – в 24,8 % случаев, всего в корпусе зафиксировано 3437 комментариев. При этом содержательно связанные с публикацией пользовательские реакции встречались значительно реже, поэтому комментарии не рассматривались как самостоятельный репрезентативный массив общественного мнения. Пользовательская реакция лишь в небольшой степени зависит от платформы размещения. Хотя наличие комментариев статистически связано с площадкой публикации ($\chi^2 = 28,203$; $p < 0,001$), сила этой связи невелика (V Крамера = 0,125). Связь между комментируемостью и формальной тональностью публикации еще слабее (V = 0,064). Различия в уровне вовлеченности между платформами также статистически значимы (N = 50,778; $p < 0,001$), однако, с учетом

неравномерного распределения публикаций по площадкам их следует трактовать осторожно. Полученные результаты показывают, что ни платформа, ни тональность сами по себе не являются сильными факторами пользовательской активности.

Материалы фокус-групп дополняют эту картину. Отсутствие комментария под публикацией не следует автоматически трактовать как отсутствие интереса или сформированной позиции. В ходе групповых обсуждений молодежь демонстрировала разные способы включения в тему: участники формулировали собственное отношение, сопоставляли сведения из разных источников, обращали внимание на практические аспекты происходящего, говорили о защите Родины, мужестве, долге и поддержке участников СВО. В ряде случаев ответы становились краткими,

особенно при переходе к эмоционально насыщенным сюжетам. Это характеризует скорее особенности публичного обсуждения значимой темы, чем содержание ценностной позиции участников.

В опросе наиболее узнаваемыми оказались образы «защитника Родины» (60,6 %) и «героя / человека подвига» (53,1 %). Далее следуют профессиональный военный или специалист (28,8 %), член семьи – отец, сын, муж, брат (28,4 %) и погибший герой, память о котором следует сохранять (24,9 %). Значительно реже в число первых ассоциаций входят образы, связанные с повседневной жизнью участника СВО, его возвращением к мирной жизни и необходимостью социальной поддержки.

Таким образом, героико-защитная рамка остается центральной и в медиаполе, и в молодежном восприятии.

Показатели доверия к цифровому контенту описывают другой уровень восприятия – оценку конкретных сообщений как источника информации. Полностью или скорее доверяют такому контенту 23,5 % опрошенных, 45,4 % выбрали позицию «частично доверяю, частично нет», 19,5 % скорее или совсем не доверяют. Эти ответы не являются показателем отношения к СВО или к ее участникам: речь идет именно о доверии к конкретным цифровым публикациям.

Наиболее высокий уровень доверия получают сами участники СВО, ветераны, волонтеры и семьи участников: полностью или скорее доверяют информации от них 73,5 % респондентов (табл. 3). В открытых ответах и качественных материалах среди признаков убедительности чаще всего называются конкретные факты, фото- и видеоматериалы, понятное авторство, прямая речь и биографические детали.

Таблица 3

Сопоставление медиарепрезентаций и молодежного восприятия

Измерение	Цифровой корпус	Молодежное восприятие	Интерпретация
Героико-защитная рамка	41,1 % публикаций	Защитник – 60,6 %; герой – 53,1 %	Выраженное соответствие на уровне доминирующих образов
Семейное измерение	5,0 %	Член семьи – 28,4 %	Семейная конкретизация заметна в молодежном восприятии
Биографическая конкретизация	0,8 %	54,0 % считают необходимым больше живых личных историй	Личные истории обладают значительным коммуникативным потенциалом
Возвращение и адаптация	7,6 %	27,3 % считают необходимыми истории о возвращении ветеранов к мирной жизни	Постслужебная биография востребована как направление коммуникации
Доверие	Позитивная окраска – 76,7 %	Доверяют – 23,5 %; частично доверяют – 45,4 %	Тональность медиаполя и информационное доверие относятся к разным уровням восприятия

Источник: сопоставление массивов данных; проценты относятся к различным вопросам и не являются метрически эквивалентными. Сопоставление используется для характеристики относительной выраженности разных компонентов образа и запроса на их представление.

Результаты экспертных ответов подтверждают устойчивость героико-защитного ядра. Участник СВО описывается через категории защиты Родины, мужества, долга, патриотизма и профессионализма. Вместе с этим, эксперты обращают внимание на сравнительно небольшое число сюжетов о возвращении к мирной жизни, трудоустройстве, образовании, семейных отношениях, наставничестве и повседневности. Речь идет не о пересмотре героической рамки, а о ее дополнении социальной биографией, позволяющей показать за общественно значимым статусом конкретного человека и его жизненный путь.

Снижение убедительности отдельных публикаций эксперты связывают прежде всего с формой подачи: общими формулировками, повторяемостью сюжетов и недостатком конкретных деталей. Наиболее убедительными они называют личные истории, встречи, диалоговые форматы, волонтерские проекты и прямую речь участников. Эти оценки совпадают с ответами молодежи. История земляка, знакомого, выпускника школы или участника очной встречи делает об-

щий образ социально близким и тем самым усиливает доверие к конкретному сообщению.

Обсуждение.

Сопоставление массивов показывает выраженное соответствие медиапредставления и молодежного восприятия на уровне центральных образов. Доминирующий в медиаполе героико-защитный образ воспроизводится и в ответах молодых респондентов. Различия возникают преимущественно при оценке конкретных сообщений, когда значение приобретают источник информации, ее проверяемость и содержательная конкретность. Иными словами, ценностное отношение к фигуре участника СВО и информационное доверие к отдельной публикации относятся к разным уровням восприятия.

Основной результат состоит в устойчивости героико-защитного смыслового ядра. Региональное медиаполе последовательно воспроизводит значения служения Родине, выполнения воинского долга, мужества, профессионализма и сохранения памяти. Эти характеристики соответ-

ствуют официально закрепляемой ценностной рамке и в целом находят отражение в представлениях молодежи: именно образы защитника Родины и героя получили наибольшую долю выборов в опросе.

В то же время, символическая насыщенность образа не всегда сопровождается биографической конкретностью. Значительно реже публикации показывают повседневную жизнь участников СВО, их семейные роли, возвращение к учебе и работе, участие в общественной жизни после завершения службы. Исследования репрезентаций ветеранов показывают, что героические, профессиональные и адаптационные образы могут сосуществовать и дополнять друг друга [11]. Поэтому в рассматриваемом материале речь идет не о противопоставлении героического и биографического образов, а о возможности их более тесного соединения.

Высокая доля позитивно окрашенных сообщений (76,7 %) и распределение ответов о доверии характеризуют разные стороны коммуникации. Первый показатель описывает тональность медиаполя, второй – оценку достоверности конкретной цифровой публикации. Преобладание ответа «частично доверяю, частично нет» скорее показывает привычку молодых пользователей соотносить сообщение с его источником, фактами и доступными подтверждениями. Такая информационная избирательность не противоречит поддержке базовой ценностной рамки, напротив, она показывает, какие характеристики делают сообщение более убедительным для аудитории.

Отдельного учета требует и комментарная активность. Количество комментариев не может служить прямым индикатором отношения к теме, поскольку публичное комментирование представляет собой самостоятельную коммуникативную практику и зависит от ситуации общения. Фокус-группы показывают, что участник может иметь вполне определенную позицию, но не стремиться выражать ее в комментариях или подробно обсуждать эмоционально насыщенный сюжет. Поэтому цифровую активность целесообразно интерпретировать вместе с данными опроса и качественными материалами.

На этом фоне биографическая конкретность выступает важным коммуникативным ресурсом. Личная история не меняет символический статус участника СВО, а делает его более предметным:

за категориями долга, мужества и служения появляется конкретная жизненная траектория. Для молодежной аудитории такая конкретизация сокращает социальную дистанцию и позволяет соотнести общественно значимый образ с понятным повседневным опытом.

Практическое значение результатов связано с расширением способов раскрытия уже сложившейся героико-защитной рамки. В региональной коммуникации ее целесообразно дополнять личными историями, рассказами о семье, возвращении к учебе и работе, реабилитации, наставничестве, спорте и волонтерской деятельности. Для образовательных организаций и СМИ особенно значимы форматы прямой речи и личной встречи, для органов власти – конкретное и понятное описание мер поддержки и маршрутов их получения. Такие форматы позволяют соединить общественное признание с биографией конкретного человека.

Заключение.

Результаты проведенного исследования показывают, что героико-защитная репрезентация остается центральной как в региональном медиаполе, так и в представлениях молодежи Кубани. Образы защитника Родины и героя наиболее заметны в цифровом корпусе и наиболее узнаваемы среди молодых респондентов.

Таким образом, на уровне центральных смысловых характеристик наблюдается выраженное соответствие: и в региональном медиаполе, и в молодежном восприятии ведущее место занимает героико-защитный образ участника СВО.

При этом информационное доверие к конкретной публикации зависит от источника, проверяемости и степени жизненной конкретности сообщения. Наиболее убедительными для молодежи оказываются прямая речь участников СВО, личные истории, конкретные факты и локальные сюжеты. Поэтому дальнейшее развитие информационной и воспитательной работы целесообразно связывать с сохранением героико-защитной рамки и ее более последовательным дополнением биографическими сюжетами. Такая конкретизация позволяет раскрывать ценности долга, служения Родине, мужества и профессионализма через жизненный путь конкретного человека и тем самым усиливать содержательную убедительность региональной коммуникации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Вартанова Е.Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды // Медиаальманах. 2022. № 2(109). С. 8–14. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2022.814 EDN: YRZXDZ
2. Полуэхтова И.А. Медиапотребление в цифровой среде: к вопросу о методологии исследований // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 3. С. 206–218. DOI: 10.17805/zpu.2022.3.19 EDN: RHCEWX
3. Вырковский А.В. Категория доверия к массмедиа в условиях информационной турбулентности: время обновлять концепции? / А.В. Вырковский, Ю.Ф. Шамсутдинова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 182–203. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2529 EDN: USCQIO
4. Бараш Р.Э. Студенческая молодежь: психоэмоциональный и социальный автопортрет (по результатам фокус-групп) / Р.Э. Бараш, И.О. Тюрина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2. С. 430–444. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-430-444 EDN: QZYNLW
5. Казаков А.А. Три года СВО: динамика изменения отношения молодежи (в контексте влияния медиа) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25. Вып. 3. С. 303–313. DOI: 10.18500/1818-9601-2025-25-3-303-313 EDN: KMEHNO
6. Маршак А.Л. Восприятие специальной военной операции в студенческой среде / А.Л. Маршак, А.Ш. Дубина // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14. № 4. С. 28–37. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.4.2 EDN: GTDCPK
7. Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 1993. Vol. 43. № 4. P. 51–58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x EDN: HIJMFx
8. Hall S. Encoding/Decoding // Culture, Media, Language: Working Papers in Cultural Studies, 1972-79 / Ed. S. Hall [et al.]. London : Hutchinson, 1980. P. 128–138.
9. Kohring M. Trust in News Media: Development and Validation of a Multidimensional Scale / M. Kohring, J. Matthes // Communication Research. 2007. Vol. 34. № 2. P. 231–252. DOI: 10.1177/0093650206298071 EDN: JSBYRF
10. Braun V. Using Thematic Analysis in Psychology / V. Braun, V. Clarke // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. №. P. 77–101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa
11. Mental Representations of Military Veterans: The Pictures and Words in Our Heads / S. Parrott et al.] // Journal of Veterans Studies. 2020. Vol. 6. № 3. P. 61–71. DOI: 10.21061/jvs.v6i3.207 EDN: OBHBGC

References:

1. Vartanova E.L. On the issue of the consequences of the digital transformation of the media environment // Medialmanah. 2022. № 2(109). P. 8–14. DOI: 10.30547/mediaalmanah.2.2022.814 EDN:YRZXDZ
2. Poluekhova I.A. Media consumption in the digital environment: on the issue of research methodology // Znanie. Understanding. Ability. 2022. № 3. P. 206–218. DOI: 10.17805/zpu.2022.3.19 EDN: RHCEWX
3. Vyrkovsky A.V. The category of trust in the media in conditions of information turbulence: is it time to update the concepts? / A.V. Vyrkovsky, Yu.F. Shamsutdinova // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2024. № 6. P. 182–203. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2529 EDN: USCQIO
4. Barash R.E. Student youth: psychoemotional and social self-portrait (based on the results of focus groups) / R.E. Barash, I.O. Tyurina // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2024. Vol. 24. № 2. P. 430–444. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-430-444 EDN:QZYNLW
5. Kazakov A.A. Three Years of SVO: Dynamics of Changes in Young People's Attitudes (in the Context of Media Influence) // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. 2025. Vol. 25. Iss. 3. P. 303–313. DOI: 10.18500/1818-9601-2025-25-3-303-313 EDN: KMEHNO
6. Marshak A.L. Perception of a special military operation in the student environment / A.L. Marshak, A.Sh. Dubina // The Humanitarian of the South of Russia. 2025. Vol. 14. № 4. P. 28–37. DOI: 10.18522/2227-8656.2025.4.2 EDN: GTDCPK
7. Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 1993. Vol. 43. № 4. P. 51–58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x EDN: HIJMFx
8. Hall S. Encoding/Decoding // Culture, Media, Language: Working Papers in Cultural Studies, 1972-79 / Ed. S. Hall [et al.]. London : Hutchinson, 1980. P. 128–138.
9. Kohring M. Trust in News Media: Development and Validation of a Multidimensional Scale / M. Kohring, J. Matthes // Communication Research. 2007. Vol. 34. № 2. P. 231–252. DOI: 10.1177/0093650206298071 EDN: JSBYRF
10. Braun V. Using Thematic Analysis in Psychology / V. Braun, V. Clarke // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. №. P. 77–101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa
11. Mental Representations of Military Veterans: The Pictures and Words in Our Heads / S. Parrott et al.] // Journal of Veterans Studies. 2020. Vol. 6. № 3. P. 61–71. DOI: 10.21061/jvs.v6i3.207 EDN: OBHBGC

Информация об авторе

Муха Виктория Николаевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,

Viktoriya N. Mukha
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department of Sociology,

Кубанский государственный
технологический университет
ORCID iD: 0000-0003-4975-0438
v.mukha@bk.ru

Kuban State Technological University
ORCID iD: 0000-0003-4975-0438
v.mukha@bk.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-14>

УДК 316

Attribution

cc by

КРАСНОДАР 2000–2025 ГОДОВ КАК УРБАНИСТИЧЕСКИЙ КЕЙС ДОГОНЯЮЩИХ ПРАКТИК РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕЭТНИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ

Плотников В.В.¹, Стригуненко И.К.², Передерий В.А.³

¹Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова,

^{2, 3}Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Для современного периода характерны высокие темпы социальных изменений. Однако некоторые из трансформационных процессов влекут за собой возникновение существенных кризисных последствий. Так, высокие темпы миграционных процессов внутри государства, ведущие к экстремально быстрому росту населения крупных городов, являются источником серьезной нагрузки на городскую инфраструктуру и социальную сферу. При этом возникновение противоречий между локальными процессами городской застройки и муниципальной политикой по развитию соответствующей городской инфраструктуры (дороги, канализация, школы, парковки, больницы) приводит к обострению проблем, связанных с интенсивным притоком населения в социальное пространство города. Этот процесс приводит к необходимости вмешательства городских властей, что порождает феномен догоняющей регулятивной деятельности. В рамках настоящей статьи на примере города Краснодар в период с 2000 по 2025 год рассматривается проблема причин, оснований и особенностей практики догоняющего регулирования, направленного на сам процесс активной входящей миграции, а также на его непосредственные последствия, выраженные в повышении нагрузки на инфраструктуру города и ухудшения уровня качества жизни его жителей. Обосновывается необходимость осуществления проактивной городской политики, направленной на своевременное прогнозирование последствий миграционных процессов и осуществление мер, направленных на повышение готовности социального пространства города к росту численности населения.

Ключевые слова: город, население, рост населения, муниципальная власть, входящий миграционный поток, неэтническая миграция, догоняющие практики регулирования.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

KRASNODAR IN 2000–2025 AS AN URBAN CASE OF CATCH-UP PRACTICES IN THE REGULATION OF NON-ETHNIC MIGRATION

Vladimir V. Plotnikov¹, Ivan K. Strigunenko², Veronika A. Perederiy³

¹Plekhanov Russian University of Economics,

^{2, 3}Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The contemporary period is characterized by rapid social change. However, some transformation processes entail significant crisis-related consequences. In particular, high rates of internal migration, leading to extremely rapid population growth in major cities, place considerable pressure on urban infrastructure and the social sphere. At the same time, contradictions between local processes of urban development and municipal policies aimed at expanding the corresponding urban infrastructure (including roads, sewerage systems, schools, parking facilities, and hospitals) contribute to the aggravation of problems associated with the intensive inflow of population into the urban social space. This process necessitates intervention by municipal authorities and gives rise to the phenomenon of catch-up regulatory activity. Using the city of Krasnodar between 2000 and 2025 as a case study, this article examines the causes, foundations, and distinctive features of catch-up regulatory practices aimed both at the process of intensive inward migration itself and at its immediate consequences, manifested in increased pressure on urban infrastructure and a deterioration in residents' quality of life. The article substantiates the need for a proactive urban policy focused on the timely forecasting of the consequences of migration processes and the implementation of measures aimed at increasing the preparedness of the urban social space for population growth.

Keywords: city, population, population growth, municipal authorities, inward migration flow, non-ethnic migration, catch-up regulatory practices.

Funding: Independent work.

Введение.

Современное общество характеризуется высокой динамикой трансформационных процессов, что определяет большую скорость преобразования социального пространства, однако, наряду с этим, является причиной интенсификации существенных социальных рисков.

Вопрос о рисках социальной динамики особенно актуален для обществ, характеризующихся неоднородностью (например, по этническому составу, экономическому положению регионов, уровню доступа населения к различным социальным благам и возможностям). Это связано с тем, что реализуются естественные процессы, ориентированные на преодоление напряжения, возникающего в результате этой неоднородности. Одним из таких процессов становится неэтническая миграция – этнически не маркированное перемещение жителей внутри государства, вызванное преимуществами принимающей территории по отношению к месту предшествующего проживания.

Высокий уровень миграционного притока, сам по себе, еще не является проблемой при условии готовности принимающей территории к обеспечению основного спектра потребностей возросшего населения. Однако в условиях, когда процессы роста населения и развития городской инфраструктуры не согласованы между собой, как правило, возникает ряд неблагоприятных явлений, связанных с тем, что инфраструктура принимающей территории обнаруживает неготовность к столь активному росту нагрузки на нее. Для крупных городов это проявляется, как правило, в таких тенденциях, как рост загруженности транспортной инфраструктуры, нехватка парковочных мест, ухудшение экологической обстановки, снижение возможностей по оказанию образовательных услуг либо снижение их качества (за счет чрезмерного «уплотнения» классов, обучения детей в три смены), рост нагрузки на систему здравоохранения, социальные службы, администрацию, правоохранительные органы и т.д. По сути, неконтролируемый рост населения приводит к кризисному росту нагрузки на всю городскую инфраструктуру и, как итог, влечет за собой значительное снижение качества жизни и социальной удовлетворенности населения.

В условиях, когда уже имеет место процесс бурного роста численности населения города, на стадии актуализации проблем и противоречий, сопряженных с этим процессом частой практикой является реагирование органов муниципальной власти, направленное на противодействие развивающимся неблагоприятным тенденциям. Выработываемые меры, направленные на ком-

пенсацию чрезмерно быстрых процессов роста численности населения, хоть и ориентированы на решение возникшей проблемы, зачастую характеризуются существенной длительностью. При этом процессы, породившие кризисную ситуацию, могут продолжать свое действие, что в краткосрочной перспективе (когда система уже начала реагировать на проблему, но это еще не привело к практическим результатам) ведет к еще большему усугублению возникших проблем.

Представленная выше ситуация представляет собой пример догоняющих практик регулирования процессов, происходящих на муниципальном уровне. Под догоняющими практиками регулирования понимаются меры, предпринимаемые на уровне органов власти с целью преодоления неблагоприятной ситуации, которая не была своевременно предсказана, в силу чего реагирование на неблагоприятный процесс стало возможным только на стадии проявления его неблагоприятных последствий. В рамках настоящей статьи проблематика догоняющих практик регулирования в условиях стремительного роста численности городского населения производится на примере Г. Краснодар, население которого за период с 2002 по 2025 год только по официальным данным приросло на 508.7 тысяч человек или на 78.7 %.

Актуальность исследования связана с тем, что в нем на примере конкретного реального кейса будут рассмотрены теоретические принципы, характеризующие общую модель обострения противоречий в городском пространстве, связанных с неконтролируемым ростом его населения. При этом, немаловажным моментом является то, что рассматриваемые закономерности завязаны на объективный, систематически отслеживаемый показатель численности населения. А количество проживающих в городе жителей, в свою очередь, зависит от объективных показателей уровня доступного жилья и возможностей реализации профессиональной занятости в городской среде. В этом контексте, понимание закономерностей, связанных с активным ростом населения, может способствовать преодолению временного лага между возникновением рискованного фактора и реакцией на него со стороны органов муниципальной власти.

Материалы и методы. Проблематика, затронутая в статье, требует применения обширного спектра научных методов в силу того, что речь идет о комплексе связанных между собой процессов и социальных механизмов. Это определяет целесообразность применения как общенаучных, так и специальных методов. К числу общенаучных методов, задействованных при подготовке статьи, относятся методы анализа, сравнения, абстрагирования, синтеза, а также обоб-

щение и системный подход. В число специальных методов, применение которых было осуществлено в рамках настоящей работы, входят структурно-функционалистский и институциональный подходы.

Также в процессе подготовки исследования было осуществлено обращение к нескольким группам источников. В первую группу входят общетеоретические работы, на уровне которых закладываются основы теоретического осмысления динамики городского пространства и dogoняющих практик регулирования его состояния. В частности, рассмотрены работы таких исследователей, как У. Огбурн [7], Г. Кнаап, К. Динг, Л. Хопкинс [3], Дж. Вейтц [9], Х. Молотч [6], Дж. Логан [5], Л. Киркпатрик, М. Смит [2], С. Линдблом [4], Ф. Баумгартнер, Б. Джонс [1]. Отдельного внимания заслуживает теория городских режимов, которую сформировал К. Стоун [8].

Во вторую групп входят данные Росстата и иные официальные статистические материалы, характеризующие численность населения города Краснодар в различные годы, характер застройки, официальные программы, реализуемые на муниципальном уровне в отношении городского пространства и т.д. Эти источники позволяют оценить объективный характер разворачивающихся в городе на протяжении рассматриваемого периода социально-демографических процессов.

В третью групп источников входят исследования, на уровне которых анализируются конкретные проблемы, присутствующие на уровне инфраструктуры и социальной сферы г. Краснодар. Сюда входят исследования таких авторов, как Е.С. Арумова [11], В.В. Пагин, Т.Л. Оганесян [17], А.И. Кольба, М.В. Терешина [15].

В совокупности, в опоре на данные источники были решены основные исследовательские задачи настоящей работы.

Результаты. Для понимания механики процессов, приводящих к резкому росту численности населения, следует принимать во внимание тот факт, что переезд человека в другой город происходит на стыке двух условий:

- желание человека сменить место жительства на конкретный город (подкрепленное ресурсами на покупку или найм жилья);
- наличие доступных и достаточных для этого человека условий обустройства на новом месте.

Иными словами, город должен быть привлекателен для потенциальных жителей, в нем должно быть свободное жилье и доступные вакансии. Это, в совокупности, определяет готовность города к росту населения, но не обслуживанию его интересов. Для того, чтобы интересы новых жителей были удовлетворены, на них перераспределяется ресурс городской инфраструктуры (если рост населения не был предусмотрен), либо

выделяется запланированный ресурс (при условии, если городские власти подготовились к приходу населения).

Сравнительно недавно исследователи обратили внимание на важную проблему, связанную с тем, что условия для роста городов закладывают не только городские власти, но и частные инвесторы или застройщики, заинтересованные экономически в получении быстрой материальной выгоды за счет строительства, ввода в эксплуатацию и продажи жилплощади. Таким образом, развитие города производится не только в рамках решений, принимаемых на уровне муниципальной власти. На деле, в этом процессе принимают участие и частные лица, профессиональные группы, организации, что, как отмечает К. Стоун, значительно ограничивает контроль над процессами формирования и распределения жилищного фонда [8]. Главная проблема состоит в том, что для большинства социальных акторов основная выгода состоит в постройке и продаже недвижимости, а не в создании инфраструктуры, которая в долгосрочной перспективе сможет удовлетворять интересы и потребности жильцов. Как результат, развитие города производится неравномерно: по сути, рост уровня коммерческой недвижимости создает повышенный запрос по отношению к городским властям на компенсирующее этот процесс расширение инфраструктуры и формирование дополнительного ряда организаций, ориентированных на реализацию потребностей возросшего населения. При этом если эти процессы выпадают из поля внимания властей, понимание проблемы формируется только в тот момент, когда возникают долгосрочные последствия неравномерного развития города. И в этот момент производится то, что может быть определено как практики dogoняющего управления как по отношению к миграционным процессам, так и по отношению к их последствиям. Основная проблема состоит в том, что ни одно решение, направленное на «выравнивание» городской инфраструктуры, не может быть реализовано мгновенно: алгоритм решения такого рода проблем на уровне муниципальной власти предполагает изучение проблемы, проектирование изменений, выделение финансирования, и только после этого — осуществление заметных практических мер, реализация которых (например, постройка школы или детского сада) также требует значительных временных ресурсов.

Рассмотрим ситуацию в г. Краснодар. По данным Всероссийской переписи населения, проведенной в 2002 году, население г. Краснодар составило 646.2 тысяч человек [12]. Всероссийская перепись населения, проведенная в 2010 году, фиксирует уже 744.9 тысяч человек [13]. К 2020 году этот показатель составил 1099.3 тысяч человек [14]. По данным на 1 января 2025 года численность населения Краснодара составила 1154.9 тысяч человек [16].

Таким образом, за рассмотренный период времени прирост населения города составил 508.7 тысяч человек или 78.7 %. При этом данные официальных источников свидетельствуют о том, что прирост населения города осуществляется преимущественно за счет высокого миграционного притока [10]. Все это в совокупности позволяет судить о том, что в Краснодаре реализуется крайне интенсивный по своей динамике рост населения. При этом важно понимать, что представленная статистика характеризует данные только по самому городу, в то время как на прилегающих территориях также имеют место сходные демографические процессы, что, с учетом трудовой маятниковой миграции говорит о дополнительной нагрузке на инфраструктуру города (система транспортной коммуникации, парковки, заведения общепита, система здравоохранения, правоохранительная система и т.д.).

Таким образом, налицо значительный прирост населения, что, с учетом представленных выше теоретических наработок, должно было повлечь за собой значительное ухудшение ситуации по ряду инфраструктурных показателей.

Анализ публикаций, посвященных состоянию городской среды, позволяет сделать вывод, что кейс Краснодара подтверждает сформированные ранее теоретические положения: уже в 2010-е актуализировался ряд проблем, связанных с нехваткой мест в детских садах и школах, повышенной нагрузкой на ряд социальных служб и т.д. Это подтверждается обширным массивом научных публикаций, значительным количеством медиа-материалов, данными городских пабликов в Интернете, а также статистикой, представленной на уровне муниципальных служб. Что характерно, проблемы имеют место не в какой-либо одной области, что еще могло бы позволить сделать вывод о локальном институциональном кризисе, но практически во всех чувствительных областях, связанных с обслуживанием интересов жителей на уровне городских ресурсов, либо с распределением ограниченных ресурсов города между ними (парковки, дороги, обслуживание в госучреждениях и т.д.).

С учетом обозначенного круга проблем, в 2020 году был принят генеральный план, фактически, ориентированный на преодоление указанного спектра проблем за счет изменения территориального зонирования с учетом роста населения, размещения объектов местного значения, изменения инженерной, социальной и транспортной инфраструктуры.

Таким образом, налицо «догоняющий» тип борьбы с проблемами, вызванными бурным ростом населения. Безусловно, тот факт, что в настоящее время ведется целенаправленная работа по выправлению ситуации носит благоприятный характер. Однако еще на протяжении длительного периода времени жителям города предстоит ощущать непосредственные последствия значительного разрыва между возникновением источ-

ника проблемы и принятием системных мер по ее решению.

Обсуждение.

В контексте поставленной проблемы, предметом дискуссий может являться возможность регулирования входящих миграционных процессов, проходящих на уровне конкретного муниципального образования. Аргументом против таковой возможности является то, что неэтническая миграция, рассматриваемая в настоящей статье — это, фактически, перемещение граждан в пределах государства, и данный процесс не может быть ограничен на уровне муниципалитетов в силу конституционного характера права на свободное перемещение граждан.

Авторская позиция в данном отношении состоит в том, что городские власти обладают возможностью не прямого ограничения данного процесса, а, скорее, косвенного его регулирования за счет воздействия на те факторы, которые, собственно, и определяют привлекательность конкретной территории для последующего переселения в нее.

В частности, применительно к ситуации г. Краснодара, важнейшими факторами роста его населения являются:

- географическая привлекательность (климатические условия, близость к курортам);
- экономическая привлекательность;
- наличие доступного жилья;
- недостаточная информированность приезжих о ряде инфраструктурных и социальных проблем, связанных с высокой нагрузкой на городские системы со стороны значительно возросшего населения.

Воздействие на два последних фактора может в значительной степени повлиять на конечную динамику притока населения, что, в целом, может способствовать временной стабилизации ситуации.

Заключение.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что одной из главных проблем, порождающих перегруженность городской инфраструктуры и определяющих потребность в догоняющем регулировании, становится несогласованность процессов, определяющих изменения и сдвиги на уровне городского пространства. С учетом того, что потребности населения могут быть подвергнуты прогнозированию, в данном случае важно, прежде всего, соотношение принимаемых решений и их непосредственных последствий. Необходимо учитывать, что допущение изменений, способствующих росту населения, должно сопровождаться принятием мер, направленных на создание условий для

реализации основного спектра потребностей этого населения.

При этом можно фиксировать, как минимум, два уровня информации, обеспечивающей необходимые данные для осуществления политики по регулированию разворачивающихся процессов:

— интенсификацию факторов роста населения (активная застройка территории, актуализация в информационном пространстве привлекательности городского пространства для переезда;

— фиксируемый рост населения, превышающий процессы естественного прироста населения.

Первый аспект характеризует перспективы роста нагрузки на инфраструктуру и социальные службы города, в то время как второй показывает ее фактическую интенсификацию.

Пример Краснодара показывает, что представленные на первоначальном этапе теоретические

положения соответствуют реальной практике: в рамках рассмотренного временного промежутка на фоне активного роста численности населения фиксируется серьезное обострение ряда проблем, связанных с транспортной нагрузкой, нехваткой мест в детских садах, загруженностью школ, больниц, социальных учреждений и т.д. В совокупности, это свидетельствует о значимости координации трансформационных процессов, охватывающих городское пространство, в особенности с учетом того, что масштабные меры, направленные на выправление ситуации, нередко имеют долгосрочный характер.

Таким образом, в условиях активного миграционного притока необходимо осуществление проактивной государственной политики, направленной как на управление факторами миграционного притока, так и на своевременное осуществление мер по развитию наиболее значимых аспектов городской инфраструктуры с учетом перспектив роста нагрузки на нее.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Baumgartner F.R. Agendas and Instability in American Politics / F.R. Baumgartner, B.D. Jones. Chicago : University of Chicago Press, 1993. 298 p.
2. Kirkpatrick L.O. The Infrastructural Limits to Growth: Rethinking the Urban Growth Machine in Times of Fiscal Crisis / L.O. Kirkpatrick, M.P. Smith // International Journal of Urban and Regional Research. 2011. Vol. 35. № 3. P. 477–503. DOI: 10.1111/j.1468-2427.2011.01058.x
3. Knaap G. Managing Urban Growth for the Efficient Use of Public Infrastructure: Toward a Theory of Concurrency / G. Knaap, C. Ding, L.D. Hopkins // International Regional Science Review. 2001. Vol. 24. № 3. P. 328–343. DOI: 10.1177/016001760102400304 EDN: IOASYR
4. Lindblom C.E. The Science of «Muddling Through» // Public Administration Review. 1959. Vol. 19. № 2. P. 79–88. DOI: 10.2307/973677
5. Logan J.R. Urban Fortunes: The Political Economy of Place / J.R. Logan, H.L. Molotch. Berkeley : University of California Press, 1987. Vol. IX. 383 p.
6. Molotch H. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82. № 2. P. 309–332. DOI: 10.1086/226311
7. Ogburn W.F. Social Change with Respect to Culture and Original Nature. New-York : B.W. Huebsch, Inc., 1922. 365 p.
8. Stone C.N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence, KS : University Press of Kansas, 1989. Vol. XIV. 314 p.
9. Weitz J. Concurrency: Evolution and Impacts of an Infrastructure and Growth Management Policy // Public Works Management & Policy. 1997. Vol. 2. № 1. DOI: 10.1177/1087724X9700200106 EDN: JPCQRF
10. Администрация муниципального образования город Краснодар. Постановление от 20 сентября 2023 г. № 4430 «Об утверждении Программы по повышению рождаемости в муниципальном образовании город Краснодар».
11. Арумова Е.С. Оценка развития системы общественного транспорта и транспортной инфраструктуры Краснодара в 2019–2023 гг. / Е. С. Арумова // Фундаментальные исследования. 2025. № 4. С. 98–104. DOI: 10.17513/fr.43818 EDN: AAFVQP
12. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года : в 14 т. / Федеральная служба государственной статистики. М. : ИИЦ «Статистика России», 2004. Т. 1: Численность и размещение населения. 574 с.
13. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : в 11 т. / Федеральная служба государственной статистики. М. : ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 1: Численность и размещение населения. 1071 с.

© Плотников В.В., Стригуненко И.К., Передерий В.А.

14. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года : в 11 т. / Федеральная служба государственной статистики. М. : ИИЦ «Статистика России», 2022. Т. 1: Численность и размещение населения. 901 с.
15. Кольба, А. И. Проблемы и политико-административные ресурсы развития Краснодарской городской агломерации: к итогам исследования / А.И. Кольба, М.В. Терешина // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 22. № 3. С. 19–31. DOI: 10.31429/26190567-22-3-19-31 EDN: PNKUPV
16. Краснодарский край в цифрах. 2025: краткий статистический сборник / Краснодарстат. Краснодар : Краснодарстат, 2026. 138 с.
17. Пагин В.В. Анализ транспортной системы города Краснодара: проблемы и способы решения / В.В. Пагин, Т.Л. Оганесян // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 10-2(92). С. 132–136. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-10-2-132-136 EDN: CSIZCW

References:

1. Baumgartner F.R. Agendas and Instability in American Politics / F.R. Baumgartner, B.D. Jones. Chicago : University of Chicago Press, 1993. 298 p.
2. Kirkpatrick L.O. The Infrastructural Limits to Growth: Rethinking the Urban Growth Machine in Times of Fiscal Crisis / L.O. Kirkpatrick, M.P. Smith // International Journal of Urban and Regional Research. 2011. Vol. 35. № 3. P. 477–503. DOI: 10.1111/j.1468-2427.2011.01058.x
3. Knaap G. Managing Urban Growth for the Efficient Use of Public Infrastructure: Toward a Theory of Concurrency / G. Knaap, C. Ding, L.D. Hopkins // International Regional Science Review. 2001. Vol. 24. № 3. P. 328–343. DOI: 10.1177/016001760102400304 EDN: IOASYR
4. Lindblom C.E. The Science of «Muddling Through» // Public Administration Review. 1959. Vol. 19. № 2. P. 79–88. DOI: 10.2307/973677
5. Logan J.R. Urban Fortunes: The Political Economy of Place / J.R. Logan, H.L. Molotch. Berkeley : University of California Press, 1987. Vol. IX. 383 p.
6. Molotch H. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 82. № 2. P. 309–332. DOI: 10.1086/226311
7. Ogburn W.F. Social Change with Respect to Culture and Original Nature. New-York : B.W. Huebsch, Inc., 1922. 365 p.
8. Stone C.N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence, KS : University Press of Kansas, 1989. Vol. XIV. 314 p.
9. Weitz J. Concurrency: Evolution and Impacts of an Infrastructure and Growth Management Policy // Public Works Management & Policy. 1997. Vol. 2. № 1. DOI: 10.1177/1087724X9700200106 EDN: JPCQRF
10. Administration of the municipal entity of the city of Krasnodar. Resolution dated September 20, 2023, № 4430 «On the Approval of the Program to Increase the Birth Rate in the Municipal Entity of the City of Krasnodar».
11. Arumova E.S. Assessment of the development of the public transport system and transport infrastructure in Krasnodar in 2019–2023 // Fundamental Research. 2025. № 4. P. 98–104. DOI: 10.17513/fr.43818 EDN: AAFVQP
12. Results of the 2002 Population Census : in 14 vol. / Federal State Statistics Service. М. : SIC «Statistics of Russia», 2004. Vol. 1: Population Size and Distribution. 574 p.
13. Results of the 2010 All-Russian Population Census : in 11 vol. / Federal State Statistics Service. М. : IIC «Statistics of Russia», 2012. Vol. 1: Population Size and Distribution. 1071 p.
14. Results of the 2020 All-Russian Population Census : in 11 vol. / Federal State Statistics Service. М. : IIC «Statistics of Russia», 2022. Vol. 1: Population Size and Distribution. 901 p.
15. Kolba A.I. Problems and political-administrative resources for the development of the Krasnodar urban agglomeration: on the results of the study / A.I. Kolba, M.V. Tereshina // South Russian Journal of Social Sciences. 2022. Vol. 22. № 3. P. 19–31. DOI: 10.31429/26190567-22-3-19-31 EDN: PNKUPV
16. Krasnodar Krai in Figures. 2025: a brief statistical collection / Krasnodarstat. Krasnodar : Krasnodarstat, 2026. 138 p.
17. Pagin V.V. Analysis of the transport system of the city of Krasnodar: problems and solutions / V.V. Pagin, T.L. Oganessian // Economics and Business: Theory and Practice. 2022. № 10-2(92). P. 132–136. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-10-2-132-136 EDN: CSIZWC

Информация об авторах

Плотников Владимир Валериевич

доктор социологических наук,
кандидат философских наук,
доцент,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
ORCID ID: 0000-0002-2130-7357
inkognito13@inbox.ru

Vladimir V. Plotnikov

Doctor of Sociological Sciences,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Public and Municipal Administration,
Plekhanov Russian University of Economics
ORCID ID: 0000-0002-2130-7357
inkognito13@inbox.ru

Стригуненко Иван Константинович

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
inkognito3@inbox.ru

Ivan K. Strigunenko

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of Social Sciences and Humanities,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
inkognito3@inbox.ru

Передерий Вероника Анатольевна

кандидат социологических наук,
доцент,
профессор кафедры социально-гуманитарных дис-
циплин,
Краснодарский университет МВД России
inkognito@inbox.ru

Veronika A. Perederiy

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Professor at the Department
of Social Sciences and Humanities,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
inkognito@inbox.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.08.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.09.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-18>

УДК 316.74:37

Attribution

cc by

НЕЙРОСЕТИ И СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ОНТОЛОГИИ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ОВД РОССИИ

Чимаров С.Ю.

Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация. Актуальность: современная парадигма тотального проникновения во все сферы бытия социума инновационных решений, связанных с сетевыми технологиями цифрового порядка, искусственным интеллектом и нейросетями, предопределяет целесообразность предметного осмысления проблемного поля онтологии как учения о сущем и ее анализа в контексте поиска новых решений формирования профессионального мировоззрения государственных служащих России и, в первую очередь «солдат правопорядка», к когорте которых относится личный состав органов внутренних дел (ОВД). С учетом того обстоятельства, что в настоящее время первым и наиболее значимым видом морально-психологического обеспечения деятельности ОВД является политико-воспитательная работа, исследование социального смысла онтологии традиционного ценностного ряда, элементы которого занимают ключевое место в формировании личности сотрудника ОВД и по этой причине выступают в качестве точек соприкосновения идейных концептов пропаганды и контрпропаганды, представляется несомненно актуальной задачей. При этом фактор ужесточения идейного противоборства на фронте борьбы за мировоззрение личности в условиях развязанной гибридной войны, современного технологического уклада и порождаемых им нейросетей, наиболее рельефно подчеркивает актуальность темы настоящего исследования. Цель: на основе анализа научных воззрений ученых, работы которых имеют важное значение для понимания социального смысла онтологии духовных ценностей, выявить сущностные аспекты адаптации отдельных сторон организации политико-воспитательной работы в системе координат мира цифровых технологий, апогеем которых в настоящее время выступают нейросети. Методы: основу проведенного исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция). Кроме того, автором задействован метод исторического подхода, способствующий более углубленному пониманию онтологии, как философского феномена, имеющего безусловное значение не только для социологической науки, но также для педагогической теории и практики организации политико-воспитательного воздействия на личность сотрудника ОВД. Результаты: в публикации представлен авторский подход к исследованию наиболее значимых аспектов концепта «онтология», основанный на анализе положений и выводов отдельных мыслителей, а также его значение для современного мира цифровых технологий и дальнейшего совершенствования политико-воспитательной работы в ОВД. Выводы и заключения: материалы представленной публикации свидетельствуют: во-первых, о целесообразности комплексного исследования проблемы нейро-сетевого взаимодействия в социуме и нового видения учения о сущем, в части конкретизации социального смысла укрепления духовных основ личности; во-вторых, об актуальности перевода отдельных сторон политико-воспитательной работы с личным составом ОВД на путь реализации положительно зарекомендовавших себя практик, учитывающих веление времени и проводимую в мире цифровую трансформацию обширной сферы общественных отношений.

Ключевые слова: социология, нейросети, духовные ценности, онтология, гибридная война, политико-воспитательная работа, органы внутренних дел.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

NEURAL NETWORKS AND THE SOCIAL MEANING OF THE ONTOLOGY OF SPIRITUAL VALUES IN THE CONTEXT OF ORGANIZING POLITICAL AND EDUCATIONAL WORK IN THE RUSSIAN INTERNAL AFFAIRS BODIES

Sergey Yu. Chimarov

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Relevance: the modern paradigm of the total penetration of innovative solutions related to digital network technologies, artificial intelligence, and neural networks into all spheres of so-

ciety necessitates a substantive understanding of the problematic field of ontology as a doctrine of existence and its analysis in the context of the search for new solutions for shaping the professional worldview of Russian civil servants, and, first and foremost, «law enforcement officers», a cohort that includes the personnel of internal affairs agencies (IAAs). Given the fact that political education is currently the primary and most significant form of moral and psychological support for IAAs activities, research into the social meaning of the ontology of traditional values, elements of which occupy a key place in the formation of the IAAs officer's personality and therefore serve as points of contact between the ideological concepts of propaganda and counter-propaganda, is undoubtedly a pressing task. Moreover, the intensifying ideological confrontation on the frontline of the struggle for individual worldviews in the context of the unleashed hybrid war, the modern technological order, and the neural networks it generates, clearly underscores the relevance of this study's topic. Objective: Based on an analysis of the scientific views of scholars whose work is essential for understanding the social meaning of the ontology of spiritual values, to identify the essential aspects of adapting individual aspects of political education work to the coordinate system of the digital world, the apogee of which currently represents neural networks. Methods: The study is based on general scientific methods (analysis, synthesis, induction, and deduction). Furthermore, the author utilizes a historical approach, which facilitates a more in-depth understanding of ontology as a philosophical phenomenon of unconditional significance not only for sociological science but also for the pedagogical theory and practice of organizing political education influence on the personality of law enforcement officers. Results: this publication presents the author's approach to exploring the most significant aspects of the concept of «ontology», based on an analysis of the positions and conclusions of individual thinkers. It also explores its significance for the modern world of digital technologies and the further improvement of political and educational work in the internal affairs agencies. Conclusions: The materials presented in this publication demonstrate, firstly, the feasibility of a comprehensive study of the problem of neural network interaction in society and a new vision of the doctrine of existence, in terms of specifying the social meaning of strengthening the spiritual foundations of the individual; secondly, the relevance of shifting certain aspects of political and educational work with internal affairs agency personnel to the implementation of proven practices that take into account the imperatives of the times and the ongoing digital transformation of a vast sphere of public relations.

Keywords: sociology, neural networks, spiritual values, ontology, hybrid warfare, political and educational work, internal affairs agencies.

Funding: Independent work.

Введение.

Наследуя традицию Аристотеля в части исследования им феномена бытия, немецкий неосхоластик Р. Гоклениус (1547–1628) одним из первых представителей научной мысли обратился к конкретизации понятия «бытие» посредством понимания онтологии как философии сущего, представив при этом логику своих суждений в трактате «Философский лексикон, который, подобно ключу, открывает двери философии...» (1613) [1, p. 16].

Немецкий философ-картезианец И. Клауберг (1622–1665) в работе «Метафизика бытия, являющаяся непосредственной онтологией» (1664) свел онтологию к науке, которая исследует бытие в целом [2, p. 23]. В отмеченном труде данный автор на основе анализа природы бытия, его свойства и структуры метафизики, приходит к мысли о том, что исследуя предельно общие категории бытия и выступая в качестве ядра онтологии, онтология – предметом которой выступает доктрина умопостигаемого (англ. «doctrine of the intelligible») [3, p. 355], практически тождественна онтологии, объект которой составляет общее понятие бытия, которое в свою очередь является объектом для интеллекта [3, p. 357].

В дальнейшем, отмеченное умозаключение рефреном проходит в тексте его основного труда «Элементы философии, или Онтология, первая

наука, о том, что общим образом приписывается Богу и творениям (каждому по-своему)» (1647) [4].

В новейшей истории философской мысли онтологический подход к изучению окружающего человека мира получил новый импульс в творчестве немецкого философа-экзистенциалиста М. Хайдеггера (1889–1976), автора концепта «Dasein», в переводе с немецкого языка буквально означающего «здесь-бытие», а в научном понимании – «присутствие» или «существование»/«экзистенция». Презентуя в своем труде «Бытие и время» (1927) идейный посыл в виде отмеченного «Dasein», отмеченный мыслитель приходит к мысли о том, что «сущность Dasein в его существовании» [5, p. 42]. При этом методологически важной является логика суждений М. Хайдеггера, согласно которой для личности состояние пребывания (бытия) в мире – это есть состояние понимания смысла своего бытия и открытости для возможностей существования, которые проявляются в референтных сетях. Для случая допуска современных нейросетей в виде указанных референтных сетей, являющихся источником референсов (англ. «reference» – «отсылка», «пример»), апеллирование к связке понятий «нейросети» и «онтология ценностного ряда», включая компонент «духовность», как представляется, может быть вполне оправданным в силу того, что потенциал нейросетей позволяет задавать личности определенные ориен-

тиры ее экзистенции и социального поведения, посредством генерирования конкретных идей.

Приведенные доводы свидетельствуют об актуальности учета в системе политико-воспитательной работы с сотрудниками ОВД России необходимости формирования у личного состава активной жизненной позиции и вооружения сотрудников теми смыслами и духовно-нравственными ориентирами, которые позволяют каждому правоохранителю осознать свое место в общем строю защитников своего Отечества. Отмеченный тезис корреспондирует общему выводу французского философа Ж.-Л. Нанси (1940–2021), изложенному им в работе «Бытие в единственном и множественном числе» (2000) и по мысли которого, «чистое, ничем не разделяемое присутствие есть присутствие ничто» (фр. «pure unshared presence – presence to nothing» [6, p. 2].

Обсуждение.

Категория «бытие» и ее осмысление с позиций онтологии выступают в качестве неотъемлемых аспектов процесса исследования духовных качеств личности, ее сознания, шаблонов поведения и выявления сущностных направлений формирования профессионального мировоззрения сотрудников ОВД. Отмеченное обстоятельство имеет первенствующее значение для каждого субъекта политико-воспитательной работы в системе МВД России. В этой связи, следует обратить внимание на тот факт, что аксиологическая установка в отношении проблемы онтологии духовности может быть отождествлена с онтологией личности, сводимой к обширному своду ее духовных и нравственных качеств.

Таким образом, онтология личности как воплощение принципиально значимых для ее бытия качеств, позволяет современному человеку наиболее осмысленно занять свое место в общем укладе социальной организации государства, поскольку, как это следует из вывода А.М. Багаутдинова [7, с. 134], онтология личности суть онтология ее сознания и осознания каждым человеком наличия у него творческого начала для необходимой трансформации своего бытия.

Факты признания особой роли взаимодействия в современном социуме личности и основанных на математических алгоритмах нейросетевых технологий, оказывающего в ряде случаев определяющее влияние на мировоззренческие установки индивида, а также проведения в указанном направлении комплекса соответствующих исследований, позволили сформировать новое направление в науке, именуемое в качестве интегративного социо-нейросетевого взаимодействия.

В контексте указанного, особого внимания заслуживают выводы Н.С. Ладыжец, акцентирующей внимание на особенностях институционализации указанного вида взаимодействия, а также

на способности нейросетей как «более специализированного по сравнению с искусственным интеллектом (ИИ) инструмента анализа данных под решение конкретных задач» [8, с. 27] создавать новые смыслы, вносить изменения в структуру знания и содействовать формированию у человека определенных ожиданий и трансформации профессиональных ролей представителей социума.

Отмеченное суждение позволяет оценить цифровую ипостась нейросети:

— во-первых, в качестве сложной конструкции связанных между собой узлов, подобных нейронам мозга человека, функционал которых основан на совершаемых математических операциях, алгоритмически копирующих работу мозга человека;

— во-вторых, в качестве драйвера ИИ, что подчеркивает неразрывность связи между ИИ и нейросетью.

По нашему мнению, вовлеченность нейросетей в обеспечение социо-нейронного взаимодействия, имеет непосредственное отношение и к воздействию на область духовных ценностей, касающихся личности человека, являющегося активным пользователем сети «Интернет» и сопутствующих ей современных технических решений, позволяющих обеспечивать машинное обучение и практически мгновенную обработку массива данных, с последующим доведением до человека «препарированной» должным образом информации. Более того, при указанном интегративном социо-нейросетевом взаимодействии оказываются задействованными процессы, схожие с процессами трансцендентальной медитации, способствующей искажению фрейма и наполнению сознания личности новыми открытиями из области «духовной вселенной» [9, p. 143]. Эти открытия соответствуют процессу обобщения общечеловеческих ценностей, являющихся результатом приемлемых эвристик, позволяющих личности быть адаптированной к ритму жизни социума и общепринятым в нем стандартам поведения, проходящим верификацию в онтологическом смысле.

Указав на объективный характер сопряженности ИИ и нейросетей, необходимо отметить деструктивный характер их влияния на сознание личности, проявляемый в том, что они «бросают вызов нашим привычным онтологическим схемам, размывая границы между естественным и искусственным, между симуляцией и подлинностью, между инструментом и агентом» [10, с. 330]. В указанном случае речь идет о качественно новом уровне воздействия на сознание личности, существенным образом превышающего уровень фантастически описываемого «восстания машин». Именно на основе алгоритмически заданных ИИ и нейросетей, обеспечивающих внешнее когнитивное протезирование, осуществляется запуск процесса трансформации сознания личности и ее духовных основ, характерными

направлениями которого выступает следующая триада:

1) когнитивное «окормление» сознания личности, посредством «эффекта Google»: от выгрузки памяти к выгрузке размышлений, а также наступления атрофии осознания происходящего, утраты критического мышления, примитивизма логической аргументации, подверженности влиянию феномена «курации», и пр.;

2) новое измерение самоидентификации личности в контексте проявления «эффекта Элизы», иллюзии «стохастического попугая» и размыва грани между объективно существующим и порождаемым чат-ботами синтетическим;

3) сдвиг в онтологической картине мироощущения личности, происходящий посредством искусственно навязываемого демонтажа базовых коллективных и личностных начал духовности и мировоззрения, а также искажения исторической памяти и истины, осуществляемых с использованием технологии глубокой подделки (дипфейков).

Указанные обстоятельства способствуют переосмыслению проблемы существования личности в новых условиях цифровой реальности, а применительно к системе политико-воспитательной работы в ОВД, применению кардинально новых подходов со стороны субъектов воспитания, основанных на проведении углубленного анализа не только преимуществ нейросетевого формата общения объектов воспитательного воздействия, но и его очевидных угроз для личности сотрудника ОВД, в части посягательств на его духовное состояние и традиционные для российского народа ценности. При этом, итоги данного анализа целесообразно направить на разработку конкретных мер по формированию морально-психологической устойчивости сотрудников ОВД и их способности эффективно выполнять функционально-значимые задачи в любых условиях обстановки, включая стремление недружественных акторов социального взаимодействия к деструктивному воздействию на сознание российских граждан вообще и личного состава отмеченной правоохранительной институции, в частности.

Наряду с указанным, несомненного внимания заслуживает реализация в ОВД системы мер, нацеленных на приобщение личного состава к незыблемому соблюдению канонов метакогниции и корреспондирующей ей метакогнитивной гигиены, следование постулатам которой создаст необходимые условия для осознания каждым сотрудником своей социальной миссии и своей роли как патриота страны и государственного служащего, призванного к надежной защите своего Отечества. Следует отметить, что, применительно к результату политико-воспитательной работы в ОВД, под «метакогницией» (англ. «metacognition») необходимо понимать осознание сотрудниками свойственных им мыслительных процессов и понимание тех закономерностей,

которые составляют их основу. В данном случае, важно обратить внимание на корневой смысл слова «мета», означающего «вне пределов».

Таким образом, проявляя заботу о развитии в личности сотрудника ОВД должного уровня метакогниции, руководители служебных коллективов и иные субъекты политико-воспитательной работы, по определению, призваны владеть методикой научения своих воспитуемых практике размышления о происходящем и тех требованиях, которые общество и государство к ним предъявляет, что подчеркивает онтологический смысл служебной деятельности личного состава ОВД.

Применительно к рассмотренным проблемам социального смысла онтологии духовных ценностей и связанного с ним интегрированного социо-нейросетевого взаимодействия, принципиальное значение для области политико-воспитательной работы в ОВД имеет вопрос когнитивной регуляции и активизация участия в его решении, в части организации психологической работы в системе МВД России, соответствующих специалистов психологической службы, деятельность которых предполагает их вовлеченность в общую систему политико-воспитательной работы с личным составом ОВД. Кроме того, приверженность личного состава ОВД требованиям метакогниции неотделима от соблюдения им цифровой бдительности и цифровой гигиены.

Заключение.

Подводя итог изложенному, необходимо сформулировать следующие выводы:

1. Исследование онтологии личности в современном мире, насыщенном новыми техническими решениями, квинтэссенцию которых составляют алгоритмы искусственного формирования синтетической реальности и/или трансформации в заданном направлении структуры мировоззрения индивида посредством нейро-сетевого взаимодействия, представляется несомненно актуальной задачей, требующей ее комплексного решения представителями различных научных направлений.

2. В контексте особой роли для сознания сотрудника ОВД российских традиционных духовно-нравственных ценностей и их перманентной злонамеренной подверженности со стороны враждебных нашей стране сил, использующих обширный арсенал современных технологий, включая ИИ и нейросети, существенное значение имеет перевод всей системы политико-воспитательной работы в отмеченной правоохранительной институции на качественно новый уровень, при достижении которого целесообразно обеспечить адаптацию форм, методов и средств политико-воспитательного воздействия на личность и ее духовные качества к реалиям мира цифровых технологий.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Göckel R. Lexicon philosophicum, quo tanquam clauae philosophiae fores aperiuntur, informatum opera & studio Rodolphi Goclenii Senioris, in Academia Mauritiana, quae est Marchioburgi, philosophiae professoris primarij. Francofurti : Typis vidux Matthix Beckeri, 1613. 1174 p.
2. Clauberg J. Metaphysica De Ente, Quae Rectius Ontosophia (1664). Whitefish : Kessinger Publishing, 2009. 120 p.
3. Ragni A. Johannes Clauberg at Moers. New Material for Reconstructing the Doctrine of the Intelligible // Alvearium. Dicembre 2021–2022. Anni XIV–XV. № 14–15. P. 345–361.
4. Clauberg J. Elementa Philosophiae Sive Ontosophia, Scientia prima, de iis quae Deo Creaturisque suo modo communiter attribuuntur, distincta partibus quatuor. Groningae : Typis Johannes Nicolai, 1647. 311 p.
5. Heidegger M. Being and Time. Halle : Max Niemeyer, 1927. 438 p.
6. Nancy J.-L. Being Singular Plural. Stanford, Calif. : Stanford University Press, 2000. 207 p. DOI: 10.1515/9781503619005
7. Багаутдинов А.М. Онтологические основания духовной культуры личности // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 1. С. 133–137. EDN: LLGAOH
8. Ладыец Н.С. Социология интегративного социо-нейросетевого взаимодействия // Социологические исследования. 2025. № 11. С. 25–37. DOI: 10.7868/S3034577X25110038 EDN: CABAZW
9. Frecska E. Neuro-ontological interpretation of spiritual experiences / E. Frecska, L.E. Luna // Neuropsychopharmacologia Hungarica. 2006. Vol. 8(3). P. 143–153. PMID: 17211049.
10. Онтология нейросети в трансдисциплинарном диалоге: опыт коллективного философского исследования / Л.П. Киященко [и др.] // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. С. 329–343. DOI: 10.17072/2078-7898/2025-3-329-343 EDN: FPMDCJ

References:

1. Göckel R. Lexicon philosophicum, quo tanquam clauae philosophiae fores aperiuntur, informatum opera & studio Rodolphi Goclenii Senioris, in Academia Mauritiana, quae est Marchioburgi, philosophiae professoris primarij. Francofurti : Typis vidux Matthix Beckeri, 1613. 1174 p.
2. Clauberg J. Metaphysica De Ente, Quae Rectius Ontosophia (1664). Whitefish : Kessinger Publishing, 2009. 120 p.
3. Ragni A. Johannes Clauberg at Moers. New Material for Reconstructing the Doctrine of the Intelligible // Alvearium. Dicembre 2021–2022. Anni XIV–XV. № 14–15. P. 345–361.
4. Clauberg J. Elementa Philosophiae Sive Ontosophia, Scientia prima, de iis quae Deo Creaturisque suo modo communiter attribuuntur, distincta partibus quatuor. Groningae : Typis Johannes Nicolai, 1647. 311 p.
5. Heidegger M. Being and Time. Halle : Max Niemeyer, 1927. 438 p.
6. Nancy J.-L. Being Singular Plural. Stanford, Calif. : Stanford University Press, 2000. 207 p. DOI: 10.1515/9781503619005
7. Bagautdinov A.M. Ontological Foundations of the Spiritual Culture of the Individual // Bulletin of Bashkir University. 2010. Vol. 15. № 1. P. 133–137. EDN: LLGAOH
8. Ladyzhets N.S. Sociology of Integrative Socio-Neural Network Interaction // Sociological Research. 2025. № 11. P. 25–37. DOI: 10.7868/S3034577X25110038 EDN: CABAZW
9. Frecska E. Neuro-ontological interpretation of spiritual experiences / E. Frecska, L.E. Luna // Neuropsychopharmacologia Hungarica. 2006. Vol. 8(3). P. 143–153. PMID: 17211049.
10. Neural network ontology in transdisciplinary dialogue: the experience of collective philosophical research / L.P. Kiyashenko [et al.] // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2025. P. 329–343. DOI: 10.17072/2078-7898/2025-3-329-343 EDN: FPMDCJ

Информация об авторе

Чимаров Сергей Юрьевич
доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,

Sergey Yu. Chimarov
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management and Educational Work,

Санкт-Петербургский университет МВД России
ORCID ID: 0000-0002-8323-6953
serg120756@gmail.com

St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ORCID ID: 0000-0002-8323-6953
serg120756@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-19>

УДК 796.06

Attribution

cc by

СЕГМЕНТАЦИЯ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ И ЦЕННОСТНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СПОРТИВНОГО ТРЕНЕРА КАК ИНСТРУМЕНТ МОНЕТИЗАЦИИ ЛИЧНОГО БРЕНДА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Шокуев И.А.

Московский университет «Синергия»

Аннотация. В статье исследуются механизмы сегментации целевой аудитории и ценностного позиционирования спортивного тренера в контексте монетизации личного бренда в цифровой среде. Рассматриваются 5 видов спорта – футбол, баскетбол, бокс, смешанные единоборства, плавание, а также фитнес как самостоятельное коммерческое направление. Автор выявляет сегментационные модели, характерные для каждого направления, установлены ключевые ценностные атрибуты тренерского бренда, влияющие на конверсию цифровых каналов в реальный доход. Предложена матрица ценностного позиционирования тренера применительно к специфике конкретного вида спорта. Показано, что точная сегментация аудитории в сочетании с последовательным ценностным позиционированием увеличивает монетизацию личного бренда тренера в среднем на 34–47 % по сравнению с хаотичным присутствием в цифровых каналах. Результаты имеют практическую ценность для тренеров, спортивных менеджеров и организаций, выстраивающих образовательные и коммерческие продукты в спортивной индустрии.

Ключевые слова: личный бренд тренера, сегментация целевой аудитории, ценностное позиционирование, спортивный менеджмент, цифровой маркетинг в спорте, футбол, баскетбол, бокс, ММА, плавание, фитнес.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

TARGET AUDIENCE SEGMENTATION AND VALUE POSITIONING OF A SPORTS COACH AS A TOOL FOR PERSONAL BRAND MONETIZATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Islam A. Shokuev

Moscow University «Synergy»

Abstract. The article examines the mechanisms of segmentation of the target audience and value positioning of a sports coach in the context of personal brand monetization in the digital environment. 5 sports are considered-football, basketball, boxing, mixed martial arts, swimming, as well as fitness as an independent commercial direction. The author identifies segmentation models specific to each direction, and identifies key value attributes of the coaching brand that affect the conversion of digital channels into real income. A matrix of value positioning of a coach in relation to the specifics of a particular sport is proposed. It is shown that accurate audience segmentation combined with consistent value positioning increases the monetization of a coach's personal brand by an average of 34–47 % compared to a chaotic presence in digital channels. The results have practical value for coaches, sports managers, and organizations building educational and commercial products in the sports industry.

Keywords: coach's personal brand, target audience segmentation, value positioning, sports management, digital marketing in sports, football, basketball, boxing, MMA, swimming, fitness.

Funding: Independent work.

Введение.

Если ещё лет 10 назад тренер воспринимался исключительно как технический специалист, который являлся носителем методических знаний, работающим в рамках клуба или секции, то сегодня картина принципиально иная. Цифровая среда превратила личность тренера в самостоятельный рыночный актив, способный генерировать доход вне зависимости от аффилиации с конкретной спортивной организацией [1].

Это не просто наблюдение, персональные бренды спортивных специалистов в сегменте индивидуальных онлайн-тренировок и образовательного контента демонстрируют рост выручки в среднем на 28–33 % ежегодно.

Между тем, как это нередко бывает в прикладных дисциплинах, практика здесь опередила науку. Большинство работающих тренеров выстраивают своё цифровое присутствие интуитивно, т.е. публикуют контент без стратегии, пытаются охватить все и всех сразу и в итоге не достигают никого конкретно. Проблема заключается не в отсутствии усилий со стороны тренера, который испытывает желание коммерциализировать собственные знания, умения и навыки. Данная проблема заключается в отсутствии управленческой рамки, которая позволила бы систематизировать работу с аудиторией и выстроить понятное ценностное предложение [2].

При продвижении консалтинговых и тренинговых услуг, наиболее значимыми видами можно назвать персональные продажи и рекламу в Интернете, в меньшей степени стимулирование сбыта и связи с общественностью. Особенностью применения различных инструментов продвижения подобных услуг можно выделить: реклама в Интернете в виде статей по развитию бизнеса, вопросам менеджмента, образования и т.д.

Цель настоящего исследования – разработать управленческую модель сегментации целевой аудитории и ценностного позиционирования спортивного тренера как инструмента монетизации личного бренда в цифровой среде применительно к футболу, баскетболу, боксу, смешанным единоборствам, плаванию и фитнесу.

Научная новизна исследования состоит в разработке авторской матрицы ценностного позиционирования спортивного тренера с учётом вид-специфической сегментации аудитории, а также в эмпирически обоснованном описании зависимости монетизации от точности сегментации в цифровых каналах.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении автором понятийного аппарата спортивного менеджмента в части персон-

ального брендинга тренеров. Практическая значимость исследования определяется применимостью предложенной автором модели в деятельности действующих тренеров, спортивных агентов и менеджеров спортивных организаций.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили научные статьи, опубликованные в рецензируемых журналах РИНЦ и ВАК.

В работе использованы результаты авторского анализа аккаунтов спортивных тренеров в социальных сетях (ВКонтакте, Telegram, YouTube).

Методология исследования сочетает несколько подходов: контент-анализ, сравнительный анализ, корреляционный анализ, метод перекрёстной классификации.

Результаты. Обсуждение.

Начнем с того, что кажется вполне очевидным, но на практике игнорируется почти повсеместно. Аудитория тренера по боксу и аудитория тренера по плаванию – это совершенно разные люди с разными жизненными контекстами, разными страхами и разными представлениями о ценности. Если обращаться к ним с одним и тем же сообщением, вы не получите ничего.

Новый профессиональный стандарт «Специалист по фитнесу (фитнес-тренер)» позволит дополнить Федеральные государственные образовательные стандарты и образовательные программы компетенциями, необходимыми для подготовки фитнес-тренеров с учетом требований Национальной системы квалификаций и требований к цифровой экономике в Российской Федерации. В свою очередь, работодатели смогут организовывать работу по предоставлению фитнес-услуг населению с высокими гарантиями качества и безопасности для здоровья занимающихся. Молодые специалисты и практикующие фитнес-тренеры смогут определить свои карьерные возможности и профессиональное развитие. Физические лица, занимающиеся фитнесом, смогут ориентироваться в требованиях, предъявляемых к безопасной качественной фитнес-услуге. Российское отраслевое сообщество сможет синхронизировать российские и международные требования, предъявляемые к аттестации специалистов и подготовить предложения по формированию российской системы аттестации или аккредитации специалистов в сфере фитнеса с формированием соответствующего реестра [3].

На основании данных, содержащихся в таблице 1, можно сделать вывод о том, что стратегия роста и монетизации должна выстраиваться исходя из специфики конкретного вида спорта, а не по единому универсальному шаблону.

Таблица 1

Сравнительный анализ аудитории тренеров по видам спорта

Вид спорта / Ключевые сегменты аудитории	Демография	Важные особенности	Цифры и данные
Футбол Ключевые сегменты аудитории: 1. Родители детей 5–14 лет (социализация и развитие); 2. Любители 20–45 лет (любительские лиги); 3. Амбициозные подростки и их семьи (профкарьера)	Широкая, многослойная	Сегменты 1 и 2 почти не пересекаются с сегментом 3; монетизация на родителях выше, т.к. они платят без торга	Сегменты 1 + 2 = 61 % аудитории; монетизация на сегменте 1 выше на 23 %
Баскетбол Ключевые сегменты аудитории: Молодёжь, ориентированная на городскую культуру и NBA-эстетику	Медианный возраст подписчика: 19–26 лет	Контент обязан попадать в культурный код (стритбол, NBA); чисто методический язык отталкивает аудиторию	Игнорирование культурного контекста = потеря 30–40 % потенциальной аудитории
Бокс Ключевые сегменты аудитории: 1. Бокс как фитнес (женщины 25–40 лет, мужчины за разрядкой); 2. Соревновательный бокс (технический прогресс, спарринги)	Смешанная	Мотивации сегментов диаметрально противоположны; единый голос размывает бренд тренера	Сегмент 2 меньше по объёму, но значительно более склонен к долгосрочным подпискам и покупке методик
ММА Ключевые сегменты аудитории: Люди, для которых единоборства – образ жизни и мировоззрение	Идеологически однородная, требовательная	Аудитория мгновенно считывает фальшь; высокая требовательность к экспертизе тренера	Индекс виральности контента: 3,2 (против среднего 1,7 по выборке)
Плавание Ключевые сегменты аудитории: 1. Родители дошкольников (безопасность, страх воды); 2. Триатлонисты-любители; 3. Люди с реабилитационными задачами; 4. Профессиональные спортсмены	Наиболее демографически разнородная	Широта аудитории – ловушка: подписчик не понимает, для кого работает тренер	Конверсия подписчика в клиента: 2,1 % (против 4,8 % в среднем по выборке)
Фитнес Ключевые сегменты аудитории: 1. По результату: похудение / набор массы / реабилитация / долголетие; 2. По образу жизни: молодые мамы / офисные работники / любители; По ценностям: бодипозитив vs. результат-центричность	Наибольший объём из всех направлений	Самая острая конкуренция за внимание; тренер без чёткого позиционирования быстро теряется в фоновом шуме	Объём российского рынка онлайн-фитнеса – 11 млрд рублей.

Таблица 2 суммирует ключевые характеристики целевых аудиторий тренеров по исследуемым направлениям.

Таблица 2

Сравнительная характеристика целевых аудиторий спортивных тренеров в цифровой среде

Направление / Доминирующий сегмент	Медианный возраст аудитории, лет	Доля женской аудитории, %	Индекс виральности контента	Конверсия подписчик → клиент, %	Готовность к долгосрочной подписке (1–5)
Футбол Родители детей / любители	28–38	34	1,9	3,7	3,1
Баскетбол Молодые любители / студенты	19–26	28	2,4	3,2	2,8
Бокс Фитнес-сегмент / соревновательный	24–36	47	2,1	4,1	3,6
ММА Идеологически вовлечённые	22–33	19	3,2	4,6	4,2
Плавание Родители / триатлеты / реабилитация	27–45	58	1,4	2,1	2,4
Фитнес Результато-ориентированные	25–40	67	2,0	3,9	3,3

Примечание: индекс виральности рассчитан как среднее отношение охвата публикации к числу подписчиков аккаунта; шкала готовности к подписке: 1 – минимальная, 5 – максимальная.

Позиционирование в классическом понимании Д. Траута и Э. Райса – это не то, что вы делаете с продуктом, а то, что вы делаете с сознанием потенциального клиента. Применительно к тренерскому бренду это означает, что ценностное позиционирование – это не список регалий в шапке профиля, а устойчивое представление аудитории о том, что именно им даёт этот конкретный тренер и почему именно он, а не кто-то другой [4].

Если рассматривать маркетинг образовательных услуг, то он предполагает деятельность, направленную на выявление спроса на услуги, удовлетворение этого спроса на высоком уровне, и повышение конкурентоспособности предлагаемых услуг в образовательной организации.

Здесь принципиально важно разграничить уровни ценности, которые тренер способен трансли-

ровать. Далее в таблице 3 приведены уровни ценности, которые тренер способен транслировать [5].

На основании данных, содержащихся в таблице 3, можно сделать вывод о том, что тренеры, чьё позиционирование захватывает одновременно 3 и более уровней ценности, демонстрируют монетизацию в среднем на 41 % выше, чем те, кто ограничивается исключительно функциональным уровнем [6].

Важными аспектами в формировании бренда являются также выбор образа, основного посыла и платформ коммуникации. Другими словами, залогом сильного бренда для эксперта является использование комплексного подхода при выборе инструментов продвижения.

Таблица 3

Уровни ценности, которые тренер способен транслировать

Уровень ценности	Описание	Составляющие
Функциональная	Техническое мастерство и конкретные результаты	Техническое мастерство, методология, результаты учеников
Социальная	Принадлежность к сообществу и статус	Принадлежность к сообществу, статус, принятие
Эмоциональная	Внутренние состояния и чувства	Безопасность, уверенность, вдохновение
Самовыражения	Помощь в становлении собой	Помощь аудитории стать теми, кем они хотят быть

Разберём это применительно к конкретным направлениям и представим результат в виде таблицы 4.

Таблица 4

Ценностное позиционирование тренеров по направлениям

Направление	Слабое позиционирование	Сильное позиционирование	Ключевая ценность	Ключевой инсайт
Общий вывод	Только функциональный уровень	3 и более уровня ценности	Функциональная + эмоциональная + самовыражение	Монетизация выше на 41 % при захвате 3+ уровней
Футбол	«Я научу правильно бить»	«Я помогу твоему ребёнку стать уверенным человеком через футбол»	Функциональная + эмоциональная + самовыражение	Важна адресация правильному сегменту – родителям, а не абстрактной аудитории
Баскетбол	Академически безупречный специалист с тусклым Instagram	Тренер, вписанный в городскую культуру, говорящий «на языке улицы»	Социальная (перевешивает функциональную)	Культурный код критически важен – аудитория удерживается через принадлежность
Бокс – фитнес-сегмент	Единое позиционирование для всех	«Трансформация тела и разрядка стресса в безопасной среде»	Эмоциональная + функциональная	Попытка работать с обоими сегментами без разделения коммуникации не даёт результата
Бокс – соревновательный сегмент	Единое позиционирование для всех	«Профессиональный рост, доверие к методике, история побед учеников»	Функциональная + ценность признания	Сегменты требуют раздельной коммуникации
MMA	Тренерская экспертность без соревновательного опыта	«Я был там» – прожитый опыт, аутентичность, реальный путь	Аутентичность + трансмиссия опыта	Тренеры с соревновательным прошлым монетизируют аудиторию на 58 % эффективнее
Плавание	Широкая аудитория («учу всех плавать»), конверсия 2,1 %	Нишевое позиционирование: «Взрослые-новички» или «Триатлонисты-любители», конверсия 5,3 %	Специфичность сегмента	Намеренное сужение аудитории даёт двукратный рост конверсии
Фитнес	«Я фитнес-тренер» – не работает из-за перенасыщения рынка	«Женщины после 40 без диет» / «Офисные работники, 30 минут в день»	Специфичность + эмоциональная	Чем уже сегмент – тем выше конверсия и ниже конкуренция

На основании данных, представленных в таблице 4, можно сделать вывод о том, что точность адресации и глубина ценностного послания важнее охвата — и именно это разделяет тренеров с высокой монетизацией от тех, кто остаётся в среднем сегменте рынка.

На основе проведённого анализа предлагается авторская матрица, структурирующая соответствие между сегментом аудитории, доминирую-

щей ценностью и оптимальным форматом монетизации (табл. 5).

Матрица строится на пересечении двух осей [7]:

- уровень специфичности целевого сегмента (от широкого к нишевому);
- доминирующий тип ценности (от функциональной к трансформационной).

Таблица 5

Матрица ценностного позиционирования спортивного тренера в цифровой среде (авторская разработка)

Направление / Рекомендуемый целевой сегмент / Доминирующая ценность	Ключевое сообще- ние бренда	Оптимальный цифровой канал	Наиболее эффективный формат монетизации	Средний чек, тыс. руб./мес.
Футбол Родители детей 6–13 лет Эмоциональная + функциональная	«Ваш ребёнок научится не только играть, но и выигрывать»	ВКонтакте, Telegram	Абонемент + онлайн-курс для родителей	8–15
Баскетбол Городская молодёжь 16–25 лет Социальная + эмоциональная	«Стань частью культуры, а не просто игроком»	YouTube, VK Clips	Платное сообщество + мерч	4–9
Бокс (фитнес) Женщины 25–40 лет Эмоциональная + трансформационная	«Сильное тело – спокойная голова»	Telegram	Онлайн-курс + групповые онлайн-тренировки	5–12
Бокс (соревнования) Мужчины 18–32, любительский спорт Функциональная + социальная	«Методика, которая реально работает на ринге»	YouTube, Telegram	Индивидуальный коучинг + видеоразборы	12–30
ММА Практикующие бойцы и вовлечённые Трансформационная + аутентичность	«Настоящий опыт – настоящий результат»	YouTube, Telegram	Менторинг + закрытый клуб	15–40
Плавание (нишевое) Взрослые начинающие / триатлеты Функциональная + эмоциональная	«Никогда не поздно научиться плавать правильно»	Telegram, ВКонтакте	Онлайн-курс + индивидуальные разборы	6–18
Фитнес Женщины 35–50 с конкретным запросом Трансформационная + функциональная	«Твоя программа – только под тебя»	Telegram, ВКонтакте	Подписка + персональный план	5–14

Примечание: данные по среднему чеку основаны на анализе открытых данных платформ GetCourse и Tilda за 2025–2026 годы.

Далее рассмотрим один из центральных вопросов исследования — насколько точность сегментации реально влияет на экономические результаты тренера. Чтобы ответить на него не декларативно, а с опорой на данные, автором было проведено сравнение двух группы из общей выборки: [8]

— тренеров с выраженной нишевой стратегией (чёткий целевой сегмент, последовательное ценностное сообщение);

— тренеров с широкой, неспецифицированной коммуникацией.

Критерий разделения — наличие или отсутствие чётко артикулированного целевого сегмента в описании аккаунта, тематической последовательности контента и специфичности оффера [9].

Полученные результаты оказались более контрастными, чем ожидалось изначально. Приведём данные показатели в таблице 6.

Таблица 6

Сравнение экономических показателей тренеров с нишевым и широким позиционированием

Показатель	Нишевое позиционирование (n = 107)	Широкое позиционирование (n = 107)	Разница, %
1	2	3	4
Средняя ежемесячная выручка от цифровых продуктов, тыс. руб.	87,4	51,2	+70,7
Конверсия подписчик → платящий клиент, %	5,1	2,4	+112,5

Окончание таблицы 6

1	2	3	4
Средний чек одной транзакции, тыс. руб.	14,3	8,7	+64,4
Стоимость привлечения клиента (CAC), тыс. руб.	3,2	7,8	-58,9
Срок жизни клиента (LTV), мес.	8,4	4,1	+104,9
Доля повторных покупок, %	61,3	29,7	+106,4
Индекс удовлетворённости аудитории (NPS)	72	44	+63,6
Среднее число платящих клиентов одновременно	38	19	+100,0

Примечание: данные получены методом анкетирования и анализа открытой отчётности тренеров, участвовавших в исследовании; CAC рассчитан автором с учётом затрат на рекламу и производство контента.

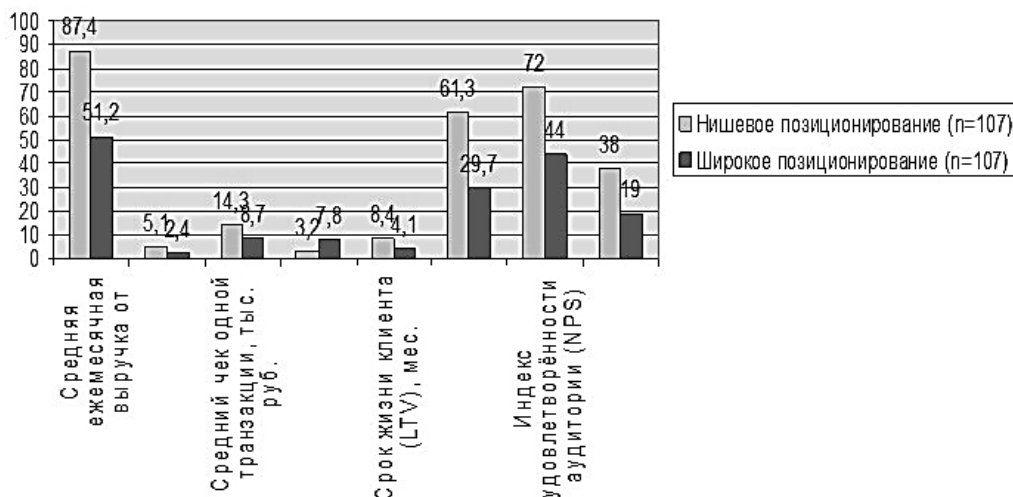

Рисунок 1 – Сравнение экономических показателей тренеров с нишевым и широким позиционированием

Полученные показатели говорят сами за себя, однако за ними стоит более глубокая логика, которую следует обозначить в рамках настоящего исследования. Отметим, что нишевое позиционирование снижает стоимость привлечения клиента почти вдвое. Это объяснимо тем, что когда сообщение точно адресовано конкретному человеку, он быстрее принимает решение и реже требует дополнительных касаний. Рост LTV (совокупная прибыль или выручка, которую один клиент приносит компании за всё время сотрудничества с ней), более чем в 2 раза, объясняется тем, что клиент, пришедший «по адресу», остаётся дольше, т.к. ему не нужно переубеждать себя в том, что этот тренер подходит для него. Двукратный рост доли повторных покупок продуктов, предлагаемых тренером, свидетельствует о формировании подлинной лояльности, а не ситуативного интереса [10].

Отдельно следует остановиться на показателе NPS (индекс лояльности клиентов). Индекс 72 в нишевой группе против 44 в широкой, показывает разницу не просто в удовлетворённости клиента предлагаемым продуктом, это разница между аудиторией, которая рекомендует тренера, и аудиторией, которая просто не жалуется. Для персонального бренда тренера это принципиально, так как органические рекомендации в тренерском сегменте остаются главным каналом привлечения новых клиентов даже в полностью

цифровой среде. По имеющимся данным, 54 % новых клиентов к тренерам с нишевым позиционированием приходят по рекомендации, против 23 % новых клиентов в широкой группе.

Ещё один аспект, который нельзя обойти стороной – это вопрос о том, где именно и в каком формате тренерский бренд монетизируется наиболее эффективно. Нередко тренеры тратят значительные усилия на платформы, которые им лично симпатичны, игнорируя те, где сосредоточена их реальная аудитория. По мнению автора, это управленческая ошибка, которую легко диагностировать, но почему-то сложно исправить [11].

По данным нашего анализа за 2024–2026 годы, мессенджер Telegram устойчиво удерживает лидерство как канал с наибольшей конверсией в продажах для русскоязычной аудитории. Средняя конверсия подписчика Telegram-канала для тренера ведущего свой блог, составила 6,3 % против 2,8 % для ВКонтакте и 1,9 % для YouTube. Это объясняется, прежде всего, форматом социальной сети или мессенджера:

– открытый или закрытый Telegram-канал создаёт у подписчика и целевой аудитории иллюзию личного общения с тренером, прямого доступа к тренеру. Это критически важно для формирования доверия, которое является ключевым

условием для дальнейшей покупки предлагаемого тренером продукта;

— канал на YouTube при этом остаётся наиболее эффективным средством для первичного охвата и формирования экспертного статуса тренера. Несмотря на низкую прямую конверсию, именно YouTube-аудитория в 2,4 раза чаще совершает крупные покупки (онлайн-курсы, долгосрочный коучинг) по сравнению с аудиторией других платформ.

Что касается форматов монетизации платного контента, производимого тренером, то здесь картина достаточно дифференцирована в зависимости от вида спорта и сегмента. Тем не менее, если говорить о наиболее универсальных закономерностях, можно выделить следующее:

— разработанный тренером онлайн-курс с фиксированной программой тренировок для клиента, лучше всего работает там, где есть чёткий образовательный запрос с понятным результатом.

Например, это могут быть следующие информационные продукты: техника плавания для начинающих, базовая техника бокса, программа трансформации тела в фитнесе;

— закрытое сообщество Telegram с ежемесячной подпиской наиболее эффективно там, где целевая аудитория тренера ищет принадлежность и регулярный доступ к эксперту по определённому виду спорта, например, ММА, баскетбол, или продвинутый фитнес;

— индивидуальный коучинг в цифровом формате показывает наибольший средний чек и наименьший объём аудитории. Данный формат цифрового коучинга в настоящее время оптимален для ситуаций, где целевая аудитория рассчитывает на персонализацию: персонализированные соревновательные занятия по боксу бокс, построение и сопровождение футбольной карьеры подростка, подготовка к соревнованиям по триатлону.

Таблица 7

Эффективность цифровых каналов и форматов монетизации по направлениям
(авторское исследование, 2024–2026)

Направление	Топ-1 канал охвата	Топ-1 канал конверсии	Наиболее прибыльный формат	Средняя выручка / мес., нишевые тренеры, тыс. руб.	Доля дохода от цифровых продуктов в общей выручке, %
Футбол	ВКонтакте	Telegram	Абонемент + родительский курс	94,2	38
Баскетбол	YouTube	Telegram	Закрытое сообщество	61,7	52
Бокс (фитнес)	VK	Telegram	Онлайн-курс	78,4	61
Бокс (соревнования)	YouTube	Telegram	Индивидуальный коучинг	112,3	44
ММА	YouTube	Telegram	Закрытый клуб + менторинг	143,6	67
Плавание (нишевое)	ВКонтакте	Telegram	Онлайн-курс	58,9	71
Фитнес	Telegram / VK	Telegram	Подписка + персональный план	89,1	78

Примечание: данные по выручке основаны на анкетировании участников выборки; доля цифровых продуктов рассчитана как отношение онлайн-выручки к совокупному тренерскому доходу.

Отметим, что у автора настоящего исследования за время наблюдений определилась позиция относительно устойчивых паттернов ошибочного позиционирования авторского контента, которые встречаются в аккаунтах тренеров с завидной

регулярностью, вне зависимости от вида спорта и уровня профессионализма специалиста. Рассмотрим типичные ошибки позиционирования авторского контента в аккаунтах тренеров в таблице 8 [12].

Таблица 8

Типичные ошибки позиционирования авторского контента в аккаунтах тренеров

Ошибка	Суть проблемы	Последствия	Решение
1	2	3	4
Позиционирование «через регалии»	Акцент на звания и опыт тренера («Мастер спорта, 15 лет опыта»), а не на ценность для клиента	Конверсия ниже в 1,8 раза по сравнению с ценностно-ориентированным описанием	Отвечать на вопрос клиента: «что это даст мне?» и «почему именно я решу вашу проблему»
Смешение несовместимых сегментов аудитории	Контент одновременно адресован разным группам (детиники, профессиональные спортсмены, люди с ОВЗ)	Информационный шум — ни один сегмент не чувствует себя адресатом	Создать отдельные аккаунты под каждый сегмент или выбрать один приоритетный

Окончание таблицы 8

1	2	3	4
Отсутствие «лестницы продуктов»	Нет последовательной линейки предложений: от бесплатного входа до дорогого флагманского продукта	Потеря аудитории, не готовой сразу платить; либо формирование аудитории, не платящей вовсе	Выстроить 3 уровня: бесплатный лид-магнит → недорогой стартовый продукт → флагманский курс/коучинг (+53 % выручки, данные GetCourse 2025)
Непоследовательность ценностного сообщения	Темы контента хаотично меняются (похудение, силовые показатели, психология) без единой линии	Аудитория теряет понимание специализации тренера, образ бренда не формируется	Вести контент в едином смысловом поле минимум 3–4 месяца для устойчивой ассоциации с конкретной ценностью

Все четыре ошибки объединяет общая причина, которая характеризуется тем, что тренеры выстраивают контент, исходя из собственной логики («кто я»), а не из потребностей и пути клиента («что мне это даст» и «как я дорасту до покупки»). Устранение даже части из перечисленных ошибок, а также переход к ценностному позиционированию и выстраивание продуктовой линейки, способны существенно повысить как охват, так и монетизацию аккаунта.

Заключение.

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение для спортивного менеджмента.

Установлено, что точная сегментация целевой аудитории является ключевым управленческим инструментом монетизации личного бренда тренера в современной отечественной цифровой среде. Каждый из рассматриваемых в настоящем исследовании видов спорта формирует собственную субкультуру потребителей с несхожими мотивационными профилями, что обуславливает необходимость вид-специфических подходов к сегментации и позиционированию.

Предложенная авторская матрица ценностного позиционирования позволяет систематизировать выбор целевого сегмента, доминирующей ценности, цифрового канала и формата монетизации применительно к конкретному направлению. Наличие трёхуровневой продуктовой линейки увеличивает совокупную выручку тренера в среднем на 53 %.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

- Парфенова А.М. Структурно-содержательная модель формирования профессиональной компетентности тренеров по фитнесу в процессе корпоративного обучения / А.М. Парфенова, Н. В. Третьякова // Московский педагогический журнал. 2025. № 1. С. 191–201. DOI: 10.18384/2949-4974-2025-1-191-201 EDN: SLEFXT
- Мишурова И.В. Специфика развития консалтинговых и тренинговых услуг // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 3(53). С. 558–561. EDN: LGQIUG
- Новые профессии и квалификации в сфере физической культуры и спорта: «Специалист по фитнесу (фитнес-тренер)» / Л.А. Соколова [и др.] // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 8(210). С. 325–331. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.8.p325-331 EDN: AHSBJB
- Кочина Е.А. Маркетинговые инструменты продвижения услуг организаций физкультурно-спортивной направленности / Е.А. Кочина, М.В. Зайцева // Национальная Ассоциация Ученых. 2020. № 51-3(51). С. 28–30. DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.3.51.134 EDN: EIOUIO
- Морозова Д.С. Продвижение персонального бренда в социальных сетях // Экономика и парадигма нового времени. 2025. № 6(39). С. 97–100. EDN: XZKFXF
- Шинкарева О.В. Роль личного бренда в профессиональной деятельности эксперта // Вестник науки. 2023. Т. 2. № 5(62). С. 106–111. EDN: ICFNNK
- Петренко Д.П. Корреляция личного бренда с личностью блогера // Форум молодёжной науки. 2022. Т. 3. № 1. С. 71–79. EDN: ADTBXK

8. Балаева А.Д. Метод формирования личного бренда блогеров на видеохостингах / А.Д. Балаева, А.В. Солдатова // Экономика. Право. Инновации. 2022. № 4. С. 30–37. DOI: 10.17586/2713-1874-2022-4-30-37 EDN: BFANAG
9. Шмидт М.С. Особенности маркетинговой стратегии, построенной на личном бренде // Практический маркетинг. 2025. № 2(332). С. 70–73. DOI: 10.24412/2071-3762-2025-2332-70-73 EDN: NKROAB
10. Абрамова А.А. Построение личного бренда стилиста в digital-пространстве / А.А. Абрамова, Л.Г. Ахмаева // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 2. С. 45–54. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-2-45-54 EDN: WSRZQ
11. Кривенко-Бахмутская Ю.Н. Телеграм-канал как инструмент формирования личного бренда преподавателя вуза в цифровой среде // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 114. № 1. С. 179–187. DOI: 10.18522/2070-1403-2025-114-1-179-187 EDN: FEQFVS
12. Орлов П.В. Сегментация целевой аудитории пользователей инструментальных средств цифрового маркетинга в России // Московский экономический журнал. 2025. Т. 10. № 11. С. 308–321. DOI: 10.55186/2413046X_2025_10_11_261 EDN: YLBTVV

References:

1. Parfenova, A. M. Structural and Content Model for Developing the Professional Competence of Fitness Trainers in the Process of Corporate Training / A. M. Parfenova, N. V. Tretyakova // Moscow Pedagogical Journal. 2025. № 1. P. 191–201. DOI: 10.18384/2949-4974-2025-1-191-201 EDN: SLEFXT
2. Mishurova I.V. The specifics of the development of consulting and training services // Natural and Humanitarian Research. 2024. № 3(53). P. 558–561. EDN: LGQIUG
3. New professions and qualifications in the field of physical culture and sports: «Fitness specialist (fitness coach)» / L.A. Sokolova [et al.] // Scientific Notes of the P. F. Lesgaft University. 2022. № 8(210). P. 325–331. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.8.p325-331 EDN: AHSBJB
4. Kochina E.A. Marketing Tools for Promoting Services Provided by Organizations Focused on Physical Culture and Sports / E.A. Kochina, M.V. Zaitseva // National Association of Scientists. 2020. № 51-3(51). P. 28–30. DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.3.51.134 EDN: EIOUIO
5. Morozova D.S. Promoting a personal brand on social media // Economics and the Paradigm of the New Era. 2025. № 6(39). P. 97–100. EDN: XZKFXF
6. Shinkareva O.V. The role of a personal brand in an expert's professional activity // Vestnik nauki. 2023. Vol. 2. № 5(62). P. 106–111. EDN: ICFNNK
7. Petrenko D.P. Correlation between a personal brand and the personality of a blogger // Forum of Youth Science. 2022. Vol. 3. № 1. P. 71–79. EDN: ADTBXK
8. Balaeva A.D. Method for Building a Personal Brand of Bloggers on Video Hosting Platforms / A.D. Balaeva, A.V. Soldatova // Economy. Right. Innovations. 2022. № 4. P. 30–37. DOI: 10.17586/2713-1874-2022-4-30-37 EDN: BFANAG
9. Schmidt M.S. Features of a marketing strategy based on a personal brand // Practical marketing. 2025. № 2(332). P. 70–73. DOI: 10.24412/2071-3762-2025-2332-70-73 EDN: NKROAB
10. Abramova A.A. Building a stylist's personal brand in the digital space / A.A. Abramova, L.G. Akhmaeva // Digital Sociology. 2025. Vol. 8. № 2. P. 45–54. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-2-45-54 EDN: WSRZQ
11. Krivenko-Bakhmutskaya Yu.N. Telegram channel as a tool for building a university teacher's personal brand in the digital environment // Humanities and Social Sciences. 2026. Vol. 114. № 1. P. 179–187. DOI: 10.18522/2070-1403-2025-114-1-179-187 EDN: FEQFVS
12. Orlov P.V. Segmentation of the target audience of users of digital marketing tools in Russia // Moscow Economic Journal. 2025. Vol. 10. № 11. P. 308–321. DOI: 10.55186/2413046X_2025_10_11_261 EDN: YLBTVV

Информация об авторе

Шокуев Ислам Артурович
аспирант,
Московский университет «Синергия»
islamshokuev32@gmail.com

Islam A. Shokuev
Postgraduate Student,
Moscow University «Synergy»
islamshokuev32@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 24.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-2>

УДК 347

Attribution

cc by

К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ТОРГОВОГО МЕСТА НА РОЗНИЧНОМ РЫНКЕ

Вострухин С.М.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Аннотация. В статье анализируется дискуссионный вопрос о квалификации договора о предоставлении торгового места на розничном рынке в качестве публичного договора. В статье, помимо общенаучных, используются методы формально-юридического, системного толкования и сравнительного правоведения. Научная новизна работы заключается в анализе целого ряда проблем соотношения конструкции публичного договора и договора о предоставлении торгового места, не находивших своего решения в исследовательской среде. Автор рассматривает доктринальные подходы к определению материальных признаков публичного договора, исследует соотношение формальных критериев, установленных законом, и содержательного наполнения деятельности управляющей рынком компании. На основе анализа норм законодательства, правовых позиций высших судов и доктринальных источников делается вывод об отсутствии оснований для распространения на указанный договор положений ст. 426 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: публичный договор, договор о предоставлении торгового места, розничный рынок, управляющая рынком компания, свобода договора, ограничение свободы договора, аренда, торговое место.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ON THE ISSUE OF THE PUBLIC-LAW NATURE OF THE AGREEMENT ON THE PROVISION OF RETAIL SPACE IN THE RETAIL MARKET

Stepan M. Vostrukhin

Saint Petersburg State University of Economics

Abstract. The article analyzes the controversial issue of the qualification of a contract for the provision of retail space in the retail market as a public contract. The author examines doctrinal approaches to determining the material features of a public contract, examines the relationship between the formal criteria established by law and the substantive content of the activities of a market management company. Based on the analysis of the norms of legislation, the legal positions of the higher courts and doctrinal sources, it is concluded that there are no grounds for extending the provisions of art. 426 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: public agreement, agreement on the provision of a trading place, retail market, company managing the market, freedom of contract, restriction of freedom of contract, lease, trading place.

Funding: Independent work.

Введение.

Институт публичного договора (ст. 426 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ) является одной из ключевых гарантий защиты экономически слабых участников оборота. Однако его применение к договорам, опосредующим деятельность розничных рынков, вызывает дискуссии. Законодатель не предусмотрел норм, однозначно подтверждающих или опровергающих отнесение договора о предостав-

лении торгового места к публичным договорам. Это порождает множественность доктринальных и судебных толкований, создавая правовую неопределенность для управляющих рынком компаний и продавцов.

Особую значимость проблема приобретает в свете Федерального закона от 30.12.2006 № 271-ФЗ «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 271-ФЗ), кото-

© Вострухин С.М.

рый возлагает на управляющие компании значительный объем административных обязанностей, но не определяет их гражданско-правовой статус и пределы свободы договора. Квалификация договора о предоставлении торгового места как публичного предопределяет возможность понуждения к его заключению и допустимость установления региональными органами власти закрытых перечней оснований для отказа от заключения договора, что придает исследованию как теоретическую, так и прикладную ценность.

Цель работы – обосновать вывод о невозможности отнесения договора о предоставлении торгового места на розничном рынке к числу публичных договоров по смыслу ст. 426 ГК РФ. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

- Проанализировать доктринальные подходы к определению формальных и материальных признаков публичного договора в российской цивилистике;
- Обосновать, что деятельность управляющей рынком компании по предоставлению торговых мест носит инфраструктурный (обеспечивающий), а не торговый характер, в связи с чем на нее не распространяется режим регулирования розничной торговли, оговоренный в ст. 426 ГК РФ;
- Определить, является ли потребность в получении торгового места на розничном рынке стандартной (нормальной) для среднестатистического участника гражданского оборота, что позволило бы обосновать распространение на соответствующий договор режима публичного договора;
- Рассмотреть влияние арендной природы договора о предоставлении торгового места на его квалификацию в качестве публичного;
- Определить правовое значение закрытых перечней оснований для отказа от заключения договора, устанавливаемых актами субъектов РФ, для применения ст. 426 ГК РФ к договору о предоставлении торгового места.

Обсуждение.

Проблема отнесения договора о предоставлении торгового места к публичным договорам уже затрагивалась в литературе. Так, Е.В. Голышев высказывал позицию об отнесении данного договора к публичным договорам [2].

В.А. Кондратьев подвергнул критике указанную позицию, отмечая, что для договоров о предоставлении торгового места не закреплена обязанность управляющей рынком компании заключать договор с любым обратившимся лицом [7, с. 32].

М.И. Брагинский и В.В. Витрянский указывали на то, что при отнесении обязательства к числу

публичных договоров следует руководствоваться не только формальными признаками, но и материальными [1, с. 255]. Вопрос о распространении положений ст. 426 ГК РФ на договор о предоставлении торгового места на розничном рынке, по сути, сводится к тому, обладают ли эти отношения материальными признаками публичного договора. Ни Федеральный закон № 271-ФЗ, никакой-либо иной федеральный закон не содержат прямого указания на этот счет.

С точки зрения формальных признаков, нет оснований рассматривать указание на розничную торговлю в п. 1 ст. 426 ГК РФ как на обстоятельство, влекущее применение спорных норм к договорам, заключаемым между управляющей рынком компанией и лицами, указанными в п. 9 ст. 2 Федерального закона № 271-ФЗ. Понятие «розничная торговля» (п. 3 ст. 1 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» от 28.12.2009 № 381-ФЗ, далее – Федеральный закон № 381-ФЗ) является производным от понятия «торговая деятельность». Как следует из п. 1 ст. 1 Федерального закона № 381-ФЗ, критерием отнесения предпринимательской деятельности к торговой служит ее связь с приобретением и продажей товаров. Представляется, что законодатель имел в виду непосредственное осуществление деятельности по продаже товаров, а не обеспечивающую (инфраструктурную) деятельность. Обратная ситуация угрожала бы созданием предпосылок для *regressum ad infinitum* при толковании критерия связи с приобретением и продажей товаров.

Таким образом, в строгом юридическом смысле сферой розничной торговли на розничном рынке охватывается лишь взаимодействие продавцов и покупателей. Режим ее регулирования (в том числе посредством ст. 426 ГК РФ) не распространяется на отношения по предоставлению торговых мест управляющей рынком компаний.

Законодатель формулирует материальные признаки публичных договоров (п. 1 ст. 426 ГК РФ) посредством указания на его субъектный состав (заключение лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность) и содержание, обуславливающее обязанность его заключения с каждым обратившимся в силу характера своей деятельности. В доктрине подходы к определению этих признаков существенно различаются.

Так, В.А. Кондратьев выделяет критерии публичного договора способом, максимально приближенным к легальному толкованию: наличие специального субъекта и обязанность последнего заключить договор в порядке п. 1 ст. 426 ГК РФ [7, с. 32].

М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, справедливо критикуют законодательный подход к формулированию субъектного признака, поскольку он характерен для всех коммерческих организаций без исключения [1, с. 256]. Вторым признаком

они считают не содержание договора, а характер деятельности, осуществляемой коммерческой организацией или индивидуальным предпринимателем [1, с. 257].

А.А. Громов формулирует гипотезу п. 1 ст. 426 ГК РФ через указание на характер услуг, оказываемых предпринимателем, который должен предполагать их оказание неопределенной группе лиц, выделенной по объективным критериям, а также на обеспечение ими удовлетворения нормальных человеческих потребностей настоящего времени [3, с. 121]. По существу, приведенные критерии являются результатом разложения признаков публичного договора, закрепленных в законе. Следует признать, что открытый перечень договоров, на которые могут распространяться положения ст. 426 ГК РФ, допускает разнообразие мнений относительно действительных критериев отнесения тех или иных договоров к публичным. Окончательного разрешения этой проблемы в правовой доктрине пока не достигнуто.

Между тем, способ решения указанного вопроса имеет значение и для квалификации договора о предоставлении торгового места на розничном рынке. В буквальном смысле ни Федеральный закон № 271-ФЗ, ни какие-либо иные законы не устанавливают обязанности для управляющей рынком компании заключить договор о предоставлении торгового места с любым обратившимся лицом. Следовательно, необходимо разрешение вопроса о том, с какими обстоятельствами закон связывает содержательное наполнение публичного договора обязанностью коммерческой организации осуществлять продажу товаров, выполнение работ либо оказание услуг в отношении каждого, кто к нему обратится.

В таком случае, нам представляется применимым излагаемый в доктрине критерий «нормальности» той или иной потребности, удовлетворение которой происходит в результате осуществления коммерческой организацией деятельности, указанной в п. 1 ст. 426 ГК РФ [3, с. 120]. Следовательно, необходимо определить, является ли осуществление деятельности по продаже товаров (выполнению работ, оказанию услуг) на розничном рынке (п. 1 ст. 3 Федерального закона № 271-ФЗ) стандартным для среднестатистического участника гражданского оборота в Российской Федерации.

Представляется, что право на свободное осуществление экономической деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации) не подразумевает предоставление таких гарантий. С политико-правовой точки зрения именно обеспечение отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей площадкой с минимальным порогом входа на рынок и являлось одной из целей принятия Федерального закона № 271-ФЗ [10]. Кроме того, вероятно, именно такая цель в определенной степени оправдывала бы обременение деятельности управляющих рын-

ками компаний многочисленными административными ограничениями, подвергаемыми критике в экспертной среде [6]. Тем не менее, подобное решение не находит своего основания в действующих нормах законодательства.

В связи с формулировкой п. 1 ст. 426 ГК РФ, которая указывает на обязанность стороны договора продавать товары, выполнять работы либо оказывать услуги, возникает вопрос: имеет ли смысл рассматривать перспективы распространения этих положений на договор о предоставлении торгового места, если квалифицировать его как арендный? Этот вопрос косвенным образом уже становился предметом исследования, в частности, в правовой доктрине стран Содружества Независимых Государств.

Так, С.К. Идрышева указывает, что в данном случае законодатель фактически использует триаду, известную еще в римском праве [4, с. 42].

Как указывал римский юрист Павел, содержание любого обязательства состоит в том, что обязанное лицо должно *dare, facere, praestare*: дать, сделать, предоставить [8, с. 284].

Из этого следует, что законодатель вовсе не имел в виду автоматическое исключение договоров арендной природы из сферы действия п. 1 ст. 426 ГК РФ. Этот вывод подтверждается, например, прямым указанием на то, что договор проката является публичным (п. 3 ст. 626 ГК РФ).

Как справедливо отмечает А.И. Савельев, нормы о публичном договоре направлены на ограничение принципа свободы договора в целях обеспечения гарантий приобретения определенными категориями участниками оборота известных благ [1, с. 858]. Следовательно, такая конструкция направлена на обеспечение баланса интересов сторон. В связи с этим, необходимо отметить, что возложение на управляющую рынком компании обязанности заключить договор в обязательном порядке с каждым лицом, намеревающимся стать продавцом, серьезно нарушило бы этот баланс в пользу ущемления прав сторон, предоставляющей торговое место.

Несмотря на значительную административную нагрузку, возлагаемую на управляющую рынком компанию Федеральным законом № 271-ФЗ, закон не обязывает ее функционировать в качестве непосредственной инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. В отличие от, например, системы элементов такой инфраструктуры, представленных в ч. 2 ст. 15 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», обеспечение возможности низкого порогового входа на рынок для лиц, перечисленных в п. 9 ст. 3 Федерального закона № 271-ФЗ, является побочным продуктом деятельности управляющей рынком компании как коммерческой организации, извлекающей доход из дея-

тельности по управлению имущественным комплексом.

Более того, можно утверждать, что сама конструкция публичного договора противоречит сути договора о предоставлении торгового места. Ни один из договоров присоединения не предполагает предоставления самостоятельной инфраструктуры для осуществления коммерческой деятельности обратившегося лица. Так, например, согласно ч. 2 ст. 26 Федерального закона «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 № 35-ФЗ, договор оказания услуг по передаче электрической энергии потребителю электрической энергии (лицу, действующему в его интересах) является публичным. Однако при передаче электрической энергии лицу, осуществляющему предпринимательскую деятельность, энергоснабжающая организация поставляет отдельный ресурс, а не инфраструктурный комплекс (например, электростанцию по договору аренды предприятия, ст. 132 ГК РФ). Кроме того, для публичных договоров не характерна взаимозависимость контрагентов, в пользу которых установлены гарантии обращающейся стороны по ст. 426 ГК РФ.

Возражением против позиции о нераспространении положений ст. 426 ГК РФ на договор о предоставлении торгового места может служить ссылка на ограниченный перечень оснований для отказа в заключении такого договора. Так, в п. 2.5 Порядка заключения договора о предоставлении торгового места на розничных рынках области, утвержденном Постановлением Администрации Новгородской области от 25.06.2007 № 181, указано, что основаниями для отказа в заключении договора являются: предоставление неполных или недостоверных сведений заявителем; отсутствие свободных торговых мест на рынке; превышение установленной Правительством Российской Федерации допустимой доли иностранных работников, используемых на рынке. Следовательно, исключена ситуация, при которой управляющая рынком компания может отказаться от заключения договора, ссылаясь на ст. 421 ГК РФ. Тем не менее, следует отметить, что закрытый перечень оснований для отказа от заключения договора с обратившимся лицом не предрешает вопрос о квалификации договора в качестве публичного. Вряд ли, например, следует признавать публичным договор купли-продажи земельного участка, заключенный в порядке ст. 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации.

Изложенное демонстрирует наличие еще не решенной в правовой доктрине проблемы разграничения публичных договоров и договоров, свобода воли одной из сторон которых ограничена закрытым перечнем оснований для отказа. С точки зрения буквального толкования п. 1 ст. 426 ГК РФ такие договоры не являются тождественными, поскольку ограничение круга лиц, с которыми может быть заключен договор, уже свидетельствует об отсутствии признаков публичного

договора. Например, не «каждое» лицо может заключить договор о предоставлении торгового места, а лишь то, которое отвечает требованиям п. 9 ст. 3 Федерального закона № 271-ФЗ. С точки же зрения толкования по смыслу, как уже отмечалось, необходимо обращаться к характеру деятельности, осуществляемой обязанным лицом.

Результаты.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие результаты:

1. Доктринальный анализ показывает, что открытый перечень договоров, подпадающих под действие ст. 426 ГК РФ, допускает множественность подходов к определению материальных критериев публичности. Однако применительно к договору о предоставлении торгового места ни один из рассмотренных подходов (субъектный, деятельностьный или критерий «нормальности» потребности) не дает оснований для его квалификации в качестве публичного.
2. Федеральный закон № 271-ФЗ не устанавливает обязанности управляющей рынком компании заключить договор с любым обратившимся лицом.
3. Квалификация договора о предоставлении торгового места как арендного сама по себе не исключает автоматического применения к нему норм о публичном договоре (что подтверждается примером договора проката). Однако содержательный анализ деятельности управляющей компании показывает, что она носит инфраструктурный, а не реализационный характер, что делает необоснованным распространение на нее режима ст. 426 ГК РФ.
4. Наличие закрытого перечня оснований для отказа от заключения договора, установленного региональными актами, не равнозначно признаку публичности. Во-первых, перечень обращающихся лиц ограничен (п. 9 ст. 3 Закона № 271-ФЗ). Во-вторых, сама обязанность заключить договор с каждым обратившимся в законе отсутствует.

Заключение.

Позицию о том, что договор о предоставлении торгового места на розничном рынке не является публичным, следует признать обоснованной. Высший арбитражный суд РФ фактически поддержал эту позицию, указав, что Федеральный закон № 271-ФЗ не предусматривает обязанности управляющей рынком компании заключать договор в обязательном порядке с каждым лицом, намеревающимся стать продавцом [9]. Тем не менее, правовая неопределенность в данной области существует как на уровне доктрины, так и в области правоприменения. Указанные обстоятельства требуют от законодателя как более ясного изложения критериев публичного договора, так и внесения соответствующих указаний

относительно применимости положений ст. 426 ГК РФ к договору о предоставлении торгового места на розничном рынке. Однозначное решение данного вопроса имеет не только теоретиче-

ское, но и практическое значение, поскольку определяет баланс прав и обязанностей управляющей рынком компании и продавцов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Брагинский М.И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 3-е изд. М. : Статут, 2011. 847 с.
2. Голышев Е.В. Отдельные вопросы квалификации и применения договоров о предоставлении торговых мест на розничном рынке // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8. С. 44–49. EDN: WGEKYD
3. Громов А.А. Сфера действия публичного договора // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 4. С. 103–125. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.103.125 EDN: JWZZXR
4. Идрышева С.К. О характере деятельности обязанной стороны в публичном договоре // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 3(13). С. 41–46. EDN: NEDQNP
5. Карапетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. М. : М-Логос, 2017. 1120 с. ISBN: 978-5-8354-1325-6 EDN: ZJYLSK
6. Кириенко Г.С. Избыточное регулирование торговли на розничных рынках: направления совершенствования законодательства // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 12. С. 42–45. DOI: 10.18572/1813-1247-2022-12-42-45 EDN: IFTODC
7. Кондратьев В.А. Правовая природа договора о предоставлении торгового места на розничном рынке // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2(87). С. 27–34. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.87.2.027-034 EDN: YQTWJE
8. Новицкий И.Б. Римское частное право : учебник / И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский. М. : Кнорус, 2014. 608 с.
9. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № ВАС-16100/10 от 30.11.2010 // URL : <https://kad.arbitr.ru/>; https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/75c67b4b-7399-4f73-b4dc-1c2cd4b63117/7fba4617-feae-42c9-adcf-57e9400aed77/A14-18021-2009_20101130_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 09.08.2026).
10. Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об организации деятельности розничных рынков» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/357580-4> (дата обращения 03.08.2025).

References:

1. Braginsky M.I. Contract Law. Book One: General Provisions / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. 3rd ed. M. : Statut, 2011. 847 p.
2. Golyshev E.V. Certain issues of qualification and application of contracts for the provision of retail space // Arbitration and Civil Procedure. 2016. № 8. P. 44–49. EDN: WGEKYD
3. Gromov A.A. The Scope of a Public Contract // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. № 4. P. 103–125. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.103.125 EDN: JWZZXR
4. Idrysheva S.K. On the nature of the obligated party's activities under a public contract // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2010. № 3(13). P. 41–46. EDN: NEDQNP
5. Karapetov A.G. Contract and Obligation Law (General Part): Article-by-article commentary on Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation. M. : M-Logos, 2017. 1120 p. ISBN: 978-5-8354-1325-6 EDN: ZJYLSK
6. Kiriienko G.S. Excessive regulation of trade in retail markets: directions for improving legislation // State Power and Local Self-Government. 2022. № 12. P. 42–45. DOI: 10.18572/1813-1247-2022-12-42-45 EDN: IFTODC
7. Kondratyev V.A. The Legal Nature of the Agreement on the Provision of a Trading Space in the Retail Market // Current Problems of Russian Law. 2018. № 2(87). P. 27–34. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.87.2.027-034 EDN: YQTWJE
8. Novitsky I.B. Roman private law : textbook / I.B. Novitsky, I.S. Peretersky. M. : Knorus, 2014. 608 p.

9. Definition of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation № VAS-16100/10 dated 11/30/2010 // URL : <https://kad.arbitr.ru>; https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/75c67b4b-7399-4f73-b4dc-1c2cd4b63117/7ba4617-feae-42c9-adcf-57e9400aed77/A14-18021-2009_20101130_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of application 08/09/2026).
10. Explanatory note to the project Federal Law «On the organization of retail markets» // The system for ensuring legislative activity of the State Automated system «Lawmaking». URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/357580-4> (date of application 03.08.2025).

Информация об авторе

Вострухин Степан Михайлович

аспирант кафедры гражданского
и корпоративного права
юридического факультета,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
vsm0202@mail.ru

Stepan M. Vostrukhin

Postgraduate Student
at the Department
of Civil and Corporate Law
Faculty of Law,
Saint Petersburg State University of Economics
vsm0202@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 10.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-22>

УДК 347.787.5

Attribution

cc by

ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ В РАЗВИТИИ РЕМЕСЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ИНДУСТРИИ МОДЫ

Гейнеман А.А.

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Аннотация. Развитие ремесленной деятельности является одним из значимых направлений развития индустрии моды. Целью данного исследования является анализ действующего законодательства, перечней товаров, не подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, мер поддержки ремесленной деятельности в регионах и определения ключевых подходов к реформированию в целях правового регулирования ремесленной деятельности, определения статусов ремесленник и мастер ремесленной деятельности. Задачи включают изучение экономической динамики субъектов РФ, которые расширили перечень товаров, не подлежащих обязательной маркировке, а также выявление факторов, способствующих эффективному развитию ремесленной деятельности на местах. Методология исследования основана на анализе статистических данных, сравнительном подходе. Сделаны выводы о необходимости принятия комплексных мер, направленных на поддержку ремесленников всех регионов Российской Федерации, особое внимание заслуживают дизайнеры-кутюрье к ремесленной деятельности которых относится создание авторской одежды и обуви. Предложенные рекомендации могут способствовать смягчению негативных последствий экономической составляющей и эффективному развитию малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: ремесленная деятельность, ремесленник, fashion law, право в индустрии моды, «модное» право, мода.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LEGAL GAPS IN THE DEVELOPMENT OF ARTISANAL ACTIVITY IN THE FASHION INDUSTRY

Anna A. Heinemann

Plekhanov Russian University of Economics

Abstract. The development of artisanal activity is a significant area within the fashion industry's growth. This study aims to analyze current legislation, lists of goods exempt from mandatory identification labeling, and regional support measures for artisanal activities. It also seeks to identify key approaches to legal reform-including defining the statuses of «artisan» and «master artisan» – and to address other related issues. The study examines the economic dynamics of Russian regions that have expanded the list of goods exempt from mandatory labeling and identifies factors fostering the effective local development of artisanal activities. The methodology relies on statistical analysis and a comparative approach. The findings highlight the need for comprehensive measures to support artisans across all Russian regions, with particular attention paid to designer-couturiers whose work involves creating original clothing and footwear. The proposed recommendations could help mitigate negative economic impacts and foster the effective development of small and medium-sized enterprises.

Keywords: artisanal activity, artisan, fashion law, law in the fashion industry, fashion.

Funding: Independent work.

Введение. В настоящее время ремесленная деятельность является одним из редких креативных направлений в индустрии моды. Изучая вопрос о том, кто может называть себя мастером ремесленной деятельности в текстильном деле

можно безоговорочно прийти к выводу, что такими являются дизайнеры-кутюрье, изделия которых создаются ручным трудом и являются авторской работой. Однако, несмотря на упоминание ремесленной деятельности в нормативно-

правовой базе, в действующем законодательстве на федеральном уровне отсутствует точное определение понятий «ремесленная деятельность», «мастер ремесленной деятельности», «ремесленник», «дизайнер кутюрье», «изделия ремесленного производства» и другое.

Отсутствие закрепления в законодательстве таких правовых статусов, как «ремесленник» и «мастер ремесленной деятельности» вызывает правовой дисбаланс между утвержденным перечнем товаров ремесленников, не подлежащих маркировке и абсолютным отсутствием правового регулирования ремесленной деятельности. Подобные правовые казусы не дают должной возможности развития индустрии моды талантливыми и творческими специалистами. Распоряжением Правительства РФ от 28 апреля 2018 г. № 792-р утвержден отдельный перечень товаров подлежащей обязательной маркировке, исключения составляют некоторые виды товаров, которые в конечном счете совершенно не относятся к одежде, созданной «от кутюр». В настоящей статье рассматривается вопрос о необходимости предоставления статуса «ремесленник» и «мастер ремесленной деятельности» дизайнерам-кутюрье, деятельность которых неразрывно связана с собственным трудом, который является ручной работой. Результаты ремесленников признаются авторским трудом, что не имеет ничего общего с массовым производством товаров, который не имеет масштабного объема в промышленном обороте. Также, в статье выявлены пробелы в законодательном определении ремесленной деятельности, в отсутствии палат и центров ремесел в городе Москва и Московской области, в отсутствии государственного органа, в полномочия которого бы входили задачи перспективного развития ремесленной деятельности и поддержки ремесленников.

Актуальность правового исследования развития ремесленной деятельности заключается в системном законодательном регулировании данной сферы, которое связано с необходимостью определения понятий «ремесленник», «ремесленная деятельность», «изделия ремесленной деятельности» и т.д. Отсутствие на федеральном уровне до настоящего времени основ законодательного регулирования ремесленной деятельности приводит к правовой незащищенности субъектов индустрии моды и вытекающим отказам в мерах государственной поддержки.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ правовых норм, установление пробелов в законодательстве ввиду существующего отсутствия необходимых понятий «ремесленник», «ремесленная деятельность», «товары ремесленников» в целях разработки предложений по совершенствованию законодательства, направленной на поддержку ремесленников индустрии моды.

Настоящая работа направлена на формирование правовой базы для разработки эффективных

мер поддержки индустрии моды. Особое внимание уделяется вопросам маркировки товаров ремесленников, процедуре определения отдельного перечня товаров, не подлежащих маркировке и правовым коллизиям.

Результаты. Проведенное исследование позволило выявить ряд ключевых проблем. Обращаясь к истории, понятие «кутюрье» появилось во Франции еще в конце 19 века. В переводе с французского языка *couturier* – портной, а *couture* переводится, как «шитье». Согласно толковому словарю Ожегова, кутюрье является художником-модельером, создающим коллекции модной одежды. Таким образом, значение и толкование понятия «кутюрье» напрямую связано не с массовым производством одежды, а с непосредственным шитьем собственными руками дизайнера и портновским делом, что не оспоримо является ремесленной деятельностью.

Принятое распоряжение Правительством РФ от 31.08.2021 № 2402-р включает узкий список товаров ремесленного производства, перечень является очень специфичным, так как в нем отсутствуют платья, костюмы, юбки, выполненные ручным шитьем непосредственно дизайнером-портным (ремесленником). Представленный анализ позволяет констатировать факт того, что товары одних ремесленников исключены из перечня, подлежащего обязательной маркировке средствами идентификации, а сложно выкроенные и сшитые руками изделия дизайнеров кутюрье нет.

Особое внимание было уделено региональным различиям. Согласно статье 23 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» каждый субъект РФ, самостоятельно вправе разрабатывать и утверждать перечни видов ремесленной деятельности. В исследовании отмечается, что в настоящий момент в Москве отсутствуют центры поддержки (Московский центр малого предпринимательства и ремесел), нет бывшей Московской палаты ремесел, ввиду отмены Закона города Москвы «О ремесленной деятельности в городе Москве» и Постановления Правительства Москвы № 40-ПП «О состоянии, перспективах развития и поддержки ремесленничества в Москве». В настоящий момент в г. Москва и в Московской области отсутствуют действующие актуальные законы в сфере регулирования и поддержки ремесленной деятельности, отсутствует единый реестр ремесленников, департамент предпринимательства и инновационного развития города Москвы не курирует вопросы поддержки и развития ремесленников, как отдельного кластера креативной индустрии.

Со своей стороны, регионы пошли по пути локального регулирования ремесленной деятельности, воспользовавшись правом утверждения собственного перечня товаров, не подлежащего обязательной маркировке, преоставленного рас-

поряжением Правительства РФ от 28.04.2018 № 792-р. Таким образом, такое признание товаров продуктами труда ремесленника позволяет дизайнерам одежды развивать собственный бизнес, основанный на авторском конструировании и шитье.

В качестве примера, предлагаю рассмотреть Республику Татарстан, которая в целях развития малого и среднего предпринимательства 25 февраля 2026 года утвердила собственный перечень продуктов труда субъектов ремесленной деятельности, не подлежащей обязательной маркировке, состоящий из 33 категорий товаров. В данном перечне присутствуют блузки, пиджаки, костюмы, галстуки, перчатки, обувь и другое. Правительство Ленинградской области установило условия отнесения товаров к продуктам труда ремесленников, не подлежащим обязательной маркировке средствами идентификации. Производитель товаров должен быть физическим лицом, не имеющим наемных работников и должен быть признан субъектом креативной (творческой) индустрии в Ленинградской области по виду креативной индустрии «Мода» или «Народные художественные промыслы и ремесла».

В Кемеровской области также расширили перечень продуктов труда ремесленников, не подлежащей обязательной маркировке до 34 категорий товаров (рубашки, шали, блузы, костюмы, обувь).

Анализ факторов, способствующих развитию ремесленной деятельности, как особого вида креативной индустрии «Мода» в регионах, показал, что основными причинами являются локальные меры поддержки субъектов РФ. Данные меры могут способствовать смягчению негативных последствий в развитии малого и среднего предпринимательства, предотвратить снижение показателей креативной экономики.

Таким образом, в исследовании отмечается, что процесс поддержки ремесленников сильнее выражен на региональном уровне. В целях сохранения и развития народных художественных промыслов и ремесел в Саратовской области создана Автономная некоммерческая организация «Палата ремесел Саратовской области». В Свердловской области в целях поддержки мастеров создана АНО «Уральская палата ремесел». Также Палата народных промыслов и ремесел работает в Гжельском регионе.

Выявленные тенденции указывают на необходимость комплексного подхода к решению проблем, связанных с развитием малого и среднего предпринимательства в индустрии моды. Среди возможных мер – включение в перечень товаров, не подлежащих обязательной маркировки авторскую одежду и обувь, создание на местах палат ремесленников, утверждение статуса «Мастер ремесленной деятельности», создание программ поддержки ремесленной деятельности местными органами государственной власти.

Обсуждение. Результаты исследования подчеркивают сложность и многогранность проблемы развития ремесленной деятельности в России, в которой дизайнеры-ремесленники являются субъектами креативной (творческой) индустрии «Мода». Внедрение в правовую базу ключевых понятий (ремесленник, ремесленная деятельность, ремесла, виды ремесел, товары ремесленной деятельности) и введение основ регулирования ремесленной деятельности приведет к эффективному развитию индустрии моды и росту экономических показателей.

В целях необходимого закрепления правовых понятий, связанных с ремесленной деятельностью достаточно обратиться к Федеральному закону «О народных художественных промыслах» от 06.01.1999 № 7-ФЗ в котором используются такие основные понятия, как «народный художественный промысел», «мастер народного художественного промысла», «изделие народного художественного промысла», «региональные реестры мастеров народных художественных промыслов». Следовательно, согласно представленной аналогии, относящейся к анализу правового регулирования ремесленной деятельности в действующем законодательстве не хватает правового закрепления понятий «ремесла», «изделия ремесленной деятельности», «ремесленная деятельность», «ремесленник», «мастер ремесленной деятельности», а также не установлены единые правила ведения реестров ремесленников.

Необходимо также обратить внимание на Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 26.06.2026) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», в статье 23 которого устанавливается право субъектов разрабатывать и утверждать перечни видов ремесленной деятельности. В данном случае понятие ремесленной деятельности и перечень видов ремесленной деятельности также должны быть регламентированы законом.

Необходимо добавить, что несмотря на представленные возможности, закрепленные в п. 2 статьи 23 выше указанного закона, органами местного самоуправления в городе Москва и в Московской области до сих пор не созданы организации, образующие инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в области ремесленной деятельности, что сказывается на низком развитии текстильно-прикладного дела и инерции в господдержке малого и среднего предпринимательства в целом.

Таким образом в действующем законодательстве не разработан Федеральный закон «О ремесленной деятельности», что приводит к отсутствию единого правового статуса ввиду неясности понятий и юридической неразберихой, связанной с неправильным толкованием и путаницей с деятельностью представителей народных художественных промыслов. Отсутствие единого

федерального закона, устанавливающего единые подходы и общие принципы правового регулирования приводит к разрозненности регионального регулирования. Нормативно-правовое регулирование ремесленной деятельности имеет свой индивидуальный подход в каждом регионе, помимо этого далеко не все субъекты РФ разработали законы о ремесленной деятельности. Отсутствие государственных мер поддержки, включая льготы по обязательной маркировке товаров, а также отсутствие единого реестра ремесленников приводит к удару по креативной экономике и по внутреннему туризму.

Одной из самых значимых проблем для ремесленников в настоящий момент является обязательная маркировка товаров, установленная Распоряжением Правительства РФ от 28.04.2018 № 792-р. Не все ремесленники-дизайнеры одежды, которые работают и мастерят одежду и обувь ручным трудом могут быть освобождены от обязательной маркировки товаров легкой промышленности, ввиду отсутствия локального нормативно-правового акта субъекта РФ, расширяющего перечень товаров, освобождающего от обязанности по такой маркировке.

Заключение. Проблема развития ремесленной деятельности в России представляет собой се-

рьезный вызов, требующий комплексного подхода на всех уровнях управления. Проведенное исследование показало, что отсутствие федерального закона о ремесленной деятельности является системным барьером, который сдерживает развитие креативной экономики и индустрию моды в целом.

Основные выводы исследования подчеркивают, что изделия ручной работы физического лица не должны подлежать обязательной маркировке ввиду своей особой природы и исходя из самого понимания ремесленной деятельности. Также, особое внимание следует уделить мастерам ремесленной деятельности, которые вне зависимости от места осуществления своей деятельности, благодаря своему непрерывному многолетнему опыту должны иметь право в получении статуса «мастер ремесленной деятельности» и в предоставлении соответствующих льгот. Таким образом, в целях устойчивого развития креативной экономики, требуется системный подход, включающий реформы, направленные на поддержку и развитие ремесленной деятельности. Принятие федерального закона о ремесленной деятельности и локальных нормативных актов в регионах является обязательным условием для существования такого вида предпринимательской деятельности и ее правового регулирования.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. О народных художественных промыслах: Федеральный закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ: [принят Государственной Думой 25.12.1998: одобрен Советом Федерации 30.12.1998] // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21482 (дата обращения 23.08.2026).
2. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ: [принят Государственной Думой 06.07.2007: одобрен Советом Федерации 11.07.2007] // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144 (дата обращения 23.08.2026).
3. Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 17 февраля 2025 г. № 03-11-06/14170 // СПС «КонсультантПлюс» [сайт]. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 23.08.2026).
4. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 25 февраля 2026 г. № 125 «Об утверждении Перечня продуктов труда субъектов ремесленной деятельности, не подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации» // Официальный портал правовой информации Республики Татарстан: [сайт]. URL : <https://pravo.tatarstan.ru> (дата обращения 23.08.2026).
5. Постановление Правительства Ленинградской области от 24 декабря 2025 г. № 1097 «О продуктах труда ремесленников Ленинградской области, не подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации» // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL : <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 23.08.2026).
6. Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса от 09.10.2025 № 611 «Об утверждении перечня продуктов труда ремесленников Кемеровской области – Кузбасса» // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL : <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 23.08.2026).
7. Кумохин А.Г. Ремесленное образование как перспективное направление развития современного профессионального образования / А.Г. Кумохин, А.В. Антоновский // Прикладная психология и педагогика. 2021. Т. 6. № 3. С. 136–147. DOI 10.12737/2500-0543-2021-6-3-136-147 EDN OBTNEQ

8. Пророков А.Н. Ремесленная деятельность как сфера малого предпринимательства // Современные проблемы, тенденции и перспективы развития предпринимательства в России: Сборник научных трудов преподавателей и студентов кафедры экономики и предпринимательства. М. : Московский государственный областной университет, 2021. С. 27–33. EDN PEKXLW
9. Султонова Т.И. Особенности государственного регулирования малого предпринимательства (на примере ремесленной деятельности) // Юридический вестник. 2024. № 1(17). С. 51–55. EDN XAQDTQ
10. Фатеева Н.П. Ремесленные мастерские как форма реализации в образовательной деятельности социокультурных особенностей региона // Дошкольное образование: стратегии развития в современных условиях: материалы V Научно-практической конференции, Екатеринбург, 21 июня 2023 года. Екатеринбург : Институт развития образования Свердловской области, 2023. С. 327–331. EDN SCTTYL

References:

1. On Folk Art crafts : Federal Law № 7-FZ dated January 06, 1999 : [adopted by the State Duma on December 25, 1998: approved by the Federation Council on December 30, 1998] // Consultant-Plus: [website]. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21482 (date of application 08/23/2026).
2. On the Development of Small and Medium-sized Businesses in the Russian Federation : Federal Law № 209-FZ of 07/24/2007 : [adopted by the State Duma on 07/06/2007: approved by the Federation Council on 07/11/2007] // SPS «ConsultantPlus»: [website]. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144 (date of application 08/23/2026).
3. Letter from the Department of Tax Policy of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated February 17, 2025 № 03-11-06/14170 // SPS «ConsultantPlus» [website]. URL : <http://www.consultant.ru> (date of application 08/23/2026).
4. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan dated February 25, 2026 № 125 «On approval of the List of labor products of handicraft subjects that are not subject to mandatory labeling by means of identification» // Official portal of legal information of the Republic of Tatarstan: [website]. URL : <https://pravo.tatarstan.ru> (date of application 08/23/2026).
5. Resolution of the Government of the Leningrad Region dated December 24, 2025 № 1097 «On the products of artisan labor in the Leningrad region, which are not subject to mandatory labeling by means of identification» // Official Internet portal of legal information: [website]. URL : <http://pravo.gov.ru> (date of application 08/23/2026).
6. Resolution of the Government of the Kemerovo region – Kuzbass dated 09.10.2025 № 611 «On approval of the list of products of artisan labor of the Kemerovo region – Kuzbass» // Official Internet portal of legal information: [website]. URL : <http://pravo.gov.ru> (date of application 08/23/2026).
7. Kumokhin A.G. Craft education as a promising direction for the development of modern professional education / A.G. Kumokhin, A.V. Antonovsky // Applied psychology and pedagogy. 2021. Vol. 6. № 3. P. 136–147. DOI 10.12737/2500-0543-2021-6-3-136-147 EDN OBTHEQ
8. Prophokov A.N. Handicraft activity as a sphere of small business // Modern problems, trends and prospects of entrepreneurship development in Russia: Collection of scientific papers of teachers and students of the Department of Economics and Entrepreneurship. M. : Moscow State Regional University, 2021. P. 27–33. EDN PEKXLW
9. Sultonova T.I. Features of state regulation of small business (on the example of craft activity) // Legal Bulletin. 2024. № 1(17). P. 51–55. EDN XAQDTQ
10. Fateeva N.P. Craft workshops as a form of realization of socio-cultural features of the region in educational activities // Preschool education: development strategies in modern conditions : proceedings of the V Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, June 21, 2023. Yekaterinburg : Institute of Educational Development of the Sverdlovsk Region, 2023. P. 327–331. EDN SCTTYL

Информация об авторе

Гейнеман Анна Александровна

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова
fashionlaw@mail.ru

Anna A. Heinemann

Postgraduate Student
of the Department of Civil Law Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics
fashionlaw@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-12>

УДК 340.114.5

Attribution

cc by

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ (ВОЗРАСТНАЯ ГРУППА 15–18 ЛЕТ)

Мартыненко Б.К., Наточиева А.Б.

*Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева*

Аннотация. Проблема проведенного нами исследования заключается в том, что правосознание значительной части современной молодежи носит противоречивый, фрагментарный характер, сочетающий знание основных правовых норм с недостаточным уровнем правовой ответственности. Не всегда ясно, какие именно социальные, психологические и образовательные факторы определяют специфику правосознания подростков 15–18 лет и как они влияют на их правовое поведение. Правосознание значительной части современной молодежи носит противоречивый, фрагментарный характер, сочетающий знание основных правовых норм с недостаточным уровнем правовой ответственности. Не всегда ясно, какие именно социальные, психологические и образовательные факторы определяют специфику правосознания подростков 15–18 лет и как они влияют на их правовое поведение. Анализ этих данных позволяет нам сделать промежуточный вывод о не до конца завершенной социализации современной молодежи. Оно (правовое сознание молодежи) характеризуется как формирующееся. При этом, налицо интенсивные симптомы инфантильности. Как это проявляется? С одной стороны, в зыбкости их общественной позиции, прежде всего, по вопросам социальной жизни. Далее следует внушаемость, подверженность их мировоззрения всевозможным внешним воздействиям. С другой стороны, у них (молодежи) сформирован высокий уровень самомнения. Эта мысль подтверждается результатами социологического опроса: максимальный процент людей, убежденных в верности своего мнения о праве, о своих правах и свободах, относится к возрастной категории 14–16 лет. Однако большинство опрошенных молодых людей прямо пренебрегают своими обязанностями. Прежде всего, в данной публикации следует отметить вопросы аттракции к правовой ответственности. Полагаем, что это указывает на то, что большая часть молодежи не может объективно оценивать не только правовую реальность, но и свое место в этой реальности. Безусловно, развитие правосознания есть существенная составляющая социализации личности. Она (социализация) предоставляет благополучную интеграцию человека в общество и способствует соблюдению законов.

Ключевые слова: молодежь, правосознание, деформация, правовая культура, воспитание, государство, патернализм, приоритет национальных интересов.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

FEATURES OF YOUTH AWARENESS (AGE GROUP 15–18)

Boris K. Martynenko, Anna B. Natochieva

North Caucasian branch of the Russian State University of Justice named After V.M. Lebedev

Abstract. The problem with our research is that much of today's youth's right-mindedness is contradictory, fragmented, combining basic legal knowledge with insufficient accountability. It is not always clear which social, psychological and educational factors determine the specific legal awareness of 15–18 year olds and how they influence their legal behavior. The legal awareness of a significant portion of modern youth is contradictory, fragmented, combining knowledge of basic legal norms with insufficient level of legal responsibility. It is not always clear which social, psychological and educational factors determine the specific legal awareness of 15–18 year olds and how they influence their legal behavior. The analysis of these data allows us to draw an interim conclusion about the incomplete socialization of modern youth. It (the legal consciousness of young people) is characterized

as evolving. At the same time, there are intense symptoms of childhood. How does this manifest itself? On the one hand, in the vacillation of their public position, above all on social issues. Next comes the impregnability, the subjection of their worldview to all sorts of external influences. On the other hand, they (young people) have developed a high level of self-esteem. This idea is confirmed by the results of a survey: the maximum percentage of people convinced of their opinion on the law, their rights and freedoms, belongs to the age category 14–16. However, most of the young people interviewed are clearly neglecting their responsibilities. First of all, there are the issues of attraction to legal liability. We believe that this indicates that a large part of the youth cannot objectively assess not only the legal reality, but also their place in this reality. Of course, the development of legal awareness is an essential component of socialization of personality. It (socialization) provides for the successful integration of a person into society and promotes compliance with the law.

Keywords: youth, right-awareness, deformation, legal culture, upbringing, state, paternalism, priority of national interests.

Финансирование: инициативная работа.

Введение.

Правовое сознание – это система знаний, оценок и установок, осуществляющих регуляцию поведения человека в сфере права. Сегодня, в эпоху глобализации и цифровизации, изучение проблем правового воспитания молодежи приобретает особенную актуальность.

Понимание специфики правового сознания молодежи (15–18 лет) сегодня обретает особую значимость. И как нам представляется это объясняется текущей модернизацией российского общества. Эта модернизация направлена на укрепление правовой культуры и выработки устойчивой гражданской позиции у молодежи.

Согласно положениям Федерального закона от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», молодежь определяется как социально-демографическая категория граждан РФ в возрастном диапазоне от 14 до 35 лет».

Согласно ФЗ № 489-ФЗ, приоритетной задачей молодежной политики является воспитание у подрастающего поколения системы ценностей, исключающей восприятие экстремизма, коррупции, дискриминации и иных деструктивных явлений. Молодежь выступает ключевым ресурсом развития гражданского общества, поэтому формирование у нее высокого уровня правосознания, гражданской ответственности и активной жизненной позиции является необходимым условием реализации государственной стратегии.

О правосознании молодежи говорится и в распоряжении Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [1].

Именно в этом возрасте происходит интенсивное формирование ценностных установок и жизненных ориентаций, в том числе отношения к праву, закону и правопорядку. От качества правосознания старших подростков во многом зависит их будущая правомерная или девиантная социальная практика.

Обсуждение.

С 2022 по 2025 г. г. нами проводилось анонимное анкетирование студентов 1-го и 3-го курсов нашего юридического колледжа.

Вот некоторые промежуточные данные:

1-й курс (средний возраст 15 лет).

На вопрос: «Как бы Вы оценили свой уровень правовых знаний, правовой опыт, взгляды, отражающие отношение к нормам морали, действующему праву, законности, правосудию?» – 14 человек из 44 опрошенных отметили как высокий, 26 человек – оценили, как удовлетворительный, 3 человека – как низкий и 1 человек сказал что он ни какой.

На вопрос: «Как Вы относитесь к презумпции невиновности в целом?» – 24 человека ответили положительно, 2 – отрицательно, и 18 человек – затруднились ответить.

Ответы на вопрос: «Вы сторонник смертной казни?» – распределились следующим образом: да – 11 человек, нет – 19 человек и затруднились ответить – 14 человек.

Под правом – 15 человек понимали законы, указы, постановления и другие акты, издаваемые государством; 22 человека понимали, что это права человека, принадлежащие ему от рождения; 2 человека указали что это то, что в жизни можно и нужно делать и 5 опрошенных – затруднились ответить.

6 человек считали, что в основе законов должны лежать и содержаться ценностно-нормативные установки доминирующей нации; не согласны были с этим утверждением 18 человек; 20 человек – затруднились ответить.

Не особенно порадовал и 3-й курс (средний возраст 18 лет), уже после изучения целого ряда правовых дисциплин.

Лишь 14 человек оценили свой уровень правовых знаний, правовой опыт, взгляды, отражающие отношение к нормам морали, действующе-

© Мартыненко Б.К., Наточиева А.Б.

му праву, законности, правосудию как высокий, а 31 человек определяли его как удовлетворительный.

Ответы на вопрос об отношении к презумпции невиновности в целом показал следующее: 40 человек оценили положительно и лишь 7 – затруднились ответить.

Сторонниками смертной казни себя считали 17 человек, противниками выступили 22 человека, однако 8 опрошенных затруднились ответить на этот вопрос.

Под правом – 19 человек понимали законы, указы, постановления и другие акты, издаваемые государством; 20 человек понимали, что это права человека, принадлежащие ему от рождения; 5 человек – указали что это то, что в жизни можно и нужно делать.

На вопрос: «С какого возраста наступает административная ответственность у несовершеннолетних» 31 человек ответили – с 14 лет и только 15 человек ответили с 16 лет.

А вот возраст уголовной ответственности все 46 опрошенных определили в 16 лет и в исключительных случаях – 14 лет.

На вопрос: «Бойтесь ли Вы общественного порицания» – 11 человек ответили «да», 17 человек ответили – нет, 18 человек указали, что оно им безразлично.

Проблема проведенного нами исследования заключается в том, что правосознание значительной части современной молодежи носит противоречивый, фрагментарный характер, сочетающий знание основных правовых норм с недостаточным уровнем правовой ответственности.

Не всегда ясно, какие именно социальные, психологические и образовательные факторы определяют специфику правосознания подростков 15–18 лет и как они влияют на их правовое поведение.

Анализ этих данных позволяет нам сделать промежуточный вывод о не до конца завершенной социализации современной молодежи. Оно (правовое сознание молодежи) характеризуется как формирующееся. При этом налицо интенсивные симптомы инфантильности.

Как это проявляется? С одной стороны, в зыбкости их общественной позиции, прежде всего, по вопросам социальной жизни. Далее следует внушаемость, подверженность их мировоззрения всевозможным внешним воздействиям. С другой стороны, у них (молодежи) сформирован высокий уровень самомнения. Эта мысль подтверждается результатами социологического опроса: максимальный процент людей, убежденных в верности своего мнения о праве, о своих правах

и свободах, относится к возрастной категории 14–16 лет [2].

Однако, большинство проинтервьюированных молодых людей прямо пренебрегают своими обязанностями. Прежде всего, здесь следует отметить вопросы аттракции к правовой ответственности [3].

Полагаем, что это указывает на то, что большая часть молодежи не может объективно оценивать не только правовую реальность, но и свое место в этой реальности.

Безусловно, развитие правосознания есть существенная составляющая социализации личности. Она (социализация) предоставляет благополучную интеграцию человека в общество и способствует соблюдению законов.

В создании гражданского общества в России молодежь выступает традиционно движущей силой. Презюмируется, что у молодежи должно быть развито чувство гражданской ответственности. У нее должна быть выработана активная гражданская позиция.

Правосознание в 15–18 лет – это как раз тот этап, когда подросток постепенно превращается во взрослого человека: у него активно формируются собственные взгляды, но при этом ещё сохраняется немало детских черт.

Что характерно для этого возраста?

1. Активный поиск собственной позиции.

В этот период своей жизни подросток переосмысливает нормы, которые усвоил в детстве, и пытается выработать свои ценности. Он стремится к независимости, хочет считаться взрослым, но при этом может быть противоречив: с одной стороны – неконформизм и желание выделиться, с другой – конформизм и подверженность влиянию референтной группы (друзей, субкультуры).

2. Несистематичность знаний.

Часто у подростков есть фрагментарные правовые сведения: они могут знать отдельные статьи или громкие случаи, но не видят целостной картины правовой системы. Встречается и «мнимая информированность»: подросток уверен, что понимает суть закона, хотя на деле трактует его поверхностно или ошибочно. Из-за этого оценки правовых явлений нередко бывают поверхностными.

3. Сложности с применением знаний на практике.

Даже если подросток знает норму, ему бывает трудно проанализировать конкретную жизненную ситуацию, взвесить все «за» и «против» и выбрать правомерное решение. Иногда в конфликтной ситуации он руководствуется не нор-

мой закона, а мотивами своих поступков или эмоциями.

4. Эмоциональная неустойчивость.

В этом возрасте эмоции часто берут верх над рациональным анализом. Это может приводить к импульсивным решениям, в том числе противоправным.

5. Противоречивое отношение к праву.

С одной стороны, многие подростки осознают важность законов и ценят свои права (например, право на образование, свободу слова). С другой — нередко проявляется правовой нигилизм: скепсис, убеждение, что «закон что дышло», или мысль, что цель иногда оправдывает средства. Встречается и правовой инфантилизм — недостаточная зрелость в осознании своих обязанностей.

6. Сильное влияние внешней среды.

На формирование правосознания мощно воздействуют семья, школа, друзья, а в современном мире — ещё и интернет, соцсети, медиа. Проблема в том, что информация из разных источников может противоречить друг другу: уроки права в школе идут вразрез с некоторыми сообщениями в сети или установками ближайшего окружения.

7. Постепенное осознание ответственности.

Ближе к 18 годам подросток всё чётче понимает, что за поступки наступает ответственность (уголовная, административная), но этот процесс ещё не завершён. Почему это важно? Именно в этот период их закладываются основы устойчивой правовой культуры. От того, как пройдёт этот этап, во многом зависит, насколько законопослушным и активным гражданином человек станет во взрослой жизни.

Довольно серьёзным препятствием для современного мира выступает вялотекущая социализация личности. Молодые люди получают среднее образование к 18 годам. А с 18 лет гражданин признаётся полностью дееспособным. Он может вступать в брак, участвовать в выборах, призываться на военную службу.

Традиционно, молодой человек 18 лет, как правило, остается на иждивении своих родителей. Дело в том, что он продолжает свое обучение в колледже или в высшем учебном заведении и, следовательно, не имеет собственных финансовых доходов, поэтому он не может быть самостоятельным в финансовом плане, чтобы кормить свою семью.

Становится очевидным: несмотря на то, что человек 18 лет в юридическом смысле уже не «ребенок», его социализация еще продолжается как минимум еще в течение 5–10 лет. Он все еще

испытывает интенсивное воздействие в экономической области родительского авторитета.

Вот эта не до конца законченная социализация весьма показательно демонстрирует характерную особенность правового сознания молодежи. Это правовое сознание формирующееся, с довольно сильными симптомами инфантильности.

И конечно же, на стадии взросления существенную роль воздействия играют ровесники и коллектив, с которыми молодой человек коммуницирует.

Результаты.

Структура правового сознания подростков традиционна: две составляющие — рациональное и эмоциональное. Но, специфика его проявляется в более слабом теоретическом уровне рациональной части. На наш взгляд это объясняется отсутствием у значительной части молодежи последовательных знаний о праве и правовом регулировании. Это неизбежно ведет к легкомысленности в оценке правовой действительности. Но, нельзя забывать, что в область правовой психологии для молодежи характеризуется эмоциональной неустойчивостью и незрелостью [4].

А.В. Грошев определяет пороки правового сознания несовершеннолетних. При этом, обозначается их динамическая сторона. Он коммуницирует это не только с ментальной, но и возрастной спецификой подростков. А.В. Грошев определяет: «Личность несовершеннолетнего представляет собой еще не полностью сформировавшееся, крайне подвижное и изменчивое системное образование. Наиболее типичными в науке считаются следующие психологические особенности личности несовершеннолетних, детерминирующие совершение ими преступных деяний:

- ложно понимаемое стремление к самовыражению, искаженное представление об одобряемых ценностях (смелость, дружба, солидарность);

- стремление к быстрому эффекту при получении приятных впечатлений и ощущений, тяга к примитивным развлечениям, к острым ощущениям, эмоционально возбуждающим ситуациям, повышенная эмоциональная возбудимость, импульсивность;

- равнодушие к общественным проблемам, пренебрежение (порой показное) нормами общественной морали, плохое осознание общественных норм рамок и ограничений, заниженное осознание должного и чувства ответственности за свои поступки;

- обостренное чувство независимости, негативизм в отношении утверждений взрослых, быстрый переход к отчужденности от близких родственников и друзей;

— плохая социальная приспособляемость, гиперчувствительность к межличностным отношениям;

— стремление к подражанию;

— узость интересов, самоограничение источников информации, эгоизм, низкий уровень самокритичности, отсутствие всесторонней оценки жизненных обстоятельств, легкость отступления от всего, что связано с трудностями достижения цели (отложенный эффект);

— потребительская психология как доминанта жизненной стратегии» [5].

Сегодня правовая культура молодежи имеет значительное количество пробелов. Сюда следует отнести:

— несформированность индивидуального понимания маркеров правомерного (неправомерного) поведения;

— непонимание того, что является преступлением, а где имеет место проступок;

— неосознавание собственной ответственности за нарушение норм права;

— крайне зыбкое представление о свободах и обязанностях гражданина;

— зачастую, искаженно-неграмотное толкование законов, что влечет за собой их неправильное использование.

Е.В. Вартанян полагает, что «к основным причинам деформации правосознания среди молодежи относят:

1) чрезмерно высокую, ото рванную от жизненных реалий оценку права как «универсального средства» решения социальных проблем, абсолютизация социальной роли и места права в жизни общества, предъявление завышенных требований к механизму правового регулирования;

2) категорическое отрицание права как социального блага, его способности оказывать эффективное воздействие на общественные отношения, упорядочивать жизнь социума» [6].

Заключение.

Подводя итоги нашим рассуждениям, заметим, что на правовое сознание сегодняшней молодежи воздействуют новые, ранее не встречавшиеся факторы.

Конечно же, на первом месте стоит «Интернет».

Сюда же следует причислить и всевозможные социальные сети. Их появление сделало информацию доступной и маневренной. Однако, параллельно с этим возникла проблема качества и подлинности самой информации.

Особенно рискует молодежь, которая еще не обладает навыками критического анализа информации и ее ревизии. И это разрушительно влияет на правовое сознание подрастающего поколения [7].

Вторым, не маловажным фактором выступает влияние людей, популярных в обществе. К их мнению молодежь активно прислушивается.

Третьим фактором выступает понижение общего уровня образования. Что произошло из-за эпидемии COVID-19, потому что в это время в системе образования стали внедряться дистанционные формы обучения, причем, на всех его уровнях, но эти технологии оказались менее приспособленными для формирования личности, нежели традиционные формы обучения [7]. Да, конечно, дистанционно можно передавать знания, однако, выработать правомерную модель поведения у представителей этой возрастной группы, по нашему мнению, невозможно.

К отрицательному фактору, активно воздействующему на формирование правового сознания молодежи, следует причислить кризис в современной России института семьи. Число разводов существенно больше заключенных браков. Вот некоторые данные: ежегодно из-за разводов, в среднем, 470 тыс. детей остаются без одного из родителей; растет численность детей, рожденных вне брака: около 23 % от числа всех родившихся; ныне в России насчитывается порядка 657 тысяч детей-сирот.

Что может помочь?

Чтобы сгладить острые углы, эффективны интерактивные формы работы: дискуссии, деловые игры, разбор реальных кейсов. Так подросток учится не просто запоминать нормы, а анализировать ситуации, аргументировать свою позицию и видеть связь права с повседневной жизнью.

Также важно работать с информационной средой, которая должна помогать молодежи развивать критическое мышление, чтобы она могла отличать достоверные правовые сведения от манипуляций.

Безусловно, полученные нами данные не в полной мере обработаны и проанализированы. Они требуют дальнейшего осмысления и интерпретирования.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Правительство РФ: офиц. сайт. URL : <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения 21.06.2026).
2. Гордеев К.А. Правосознание современной российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 5(93). 165 с. EDN: NCGQLV
3. Магомедов Ш.Б. Роль правового воспитания молодежи в профилактике преступлений / Ш.Б. Магомедов, Д.Б. Магомедов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 3. С. 121–124. EDN: SNOSTH
4. Жигулин А.А. Правовое сознание молодежи // Территория науки. 2016. № 1. 32 с. EDN: VSZMLR
5. См.: Лазарев В.В. Теория государства и права : учебник / В.В. Лазарев, С.В. Липень. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. ISBN: 978-5-9916-1237-1 EDN: VTSTYN
6. Вартанян Е.В. Социокультурные факторы деформации правосознания молодежи: основы теоретического осмысления / Е.В. Вартанян, В.В. Подольский // Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». 2016. Вып. 2(179). 77 с.
7. Фатьянов В.М. Роль сетевых коммуникаций в процессе формирования правовой культуры современной Российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1. С. 58–60. DOI: 10.23672/SAE.2018.1.10098 EDN: YPWVJA

References:

1. Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025 // Government of the Russian Federation: official. website. URL : <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (date of application 21.06.2026).
2. Gordeev K.A. Legal Consciousness of Modern Russian Youth // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2009. № 5(93). 165 p. EDN: NCGQLV
3. Magomedov Sh.B. The Role of Legal Education of Young People in Crime Prevention / Sh.B. Magomedov, D.B. Magomedov // Legal Bulletin of the Dagestan State University. 2014. № 3. P. 121–124. EDN: SNOSTH
4. Zhigulin A.A. Legal Consciousness of Young People // Territory of Science. 2016. № 1. 32 p. EDN: VSZMLR
5. See: Lazarev V.V. Theory of State and Law : textbook / V.V. Lazarev, S.V. Lipen. 4th ed., revised and supplemented. M. : Yurayt Publishing House; Yurayt Publishing House, 2011. ISBN: 978-5-9916-1237-1 EDN: VTSTYN
6. Vartanyan E.V. Sociocultural Factors in the Deformation of Young People's Legal Consciousness: Foundations of Theoretical Understanding / E.V. Vartanyan, V.V. Podolsky // Quarterly peer-reviewed, refereed scientific journal «Vestnik AGU». 2016. Iss. 2(179). 77 p.
7. Fatyanov V.M. The Role of Network Communications in the Process of Shaping the Legal Culture of Modern Russian Youth // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2018. № 1. P. 58–60. DOI: 10.23672/SAE.2018.1.10098 EDN: YPWVJA

Информация об авторах

Мартыненко Борис Константинович
кандидат юридических наук,
профессор кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева
ckvorcov@inbox.ru

Наточиева Анна Борисовна
старший преподаватель кафедры гражданского
и административного судопроизводства,

Boris K. Martynenko
Candidate of Legal Sciences,
Professor at the Department
of General Theoretical Legal Disciplines,
North Caucasian branch
of the Russian State University of Justice
named After V.M. Lebedev
ckvorcov@inbox.ru

Anna B. Natochieva
Senior Lecturer at the Department
of Civil and Administrative Proceedings,

Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева
martinenko@bk.ru

North Caucasian branch
of the Russian State University of Justice
named After V.M. Lebedev
martinenko@bk.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-21>

УДК 32

Attribution

cc by

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА: ВЛИЯНИЕ КАЧЕСТВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА ТРАНСАКЦИОННЫЕ ИЗДЕРЖКИ БИЗНЕСА (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Бегляров М.А.¹, Берестова Л.И.²

¹ООО «Бюро Экспертиз»,

²Институт государственной службы и управления РАНХиГС

Аннотация. Качество деятельности институтов разрешения экономических споров является фундаментальным фактором формирования регионального инвестиционного климата. Судебная экспертиза и аудит выступают ключевым механизмом снижения информационной асимметрии и транзакционных издержек бизнеса. Однако цифровизация экономики и усложнение финансовых схем обнажили проблему пространственной асимметрии рынка экспертных услуг. Цель - выявить и количественно оценить влияние дефицита кадрового и технологического потенциала организаций судебного аудита на рост транзакционных издержек бизнеса в регионе (на примере Южного федерального округа). Исследование базируется на институциональном подходе и теории транзакционных издержек. Эмпирическую основу составили данные социологического опроса 47 практикующих экспертов, анализ кейсов трех экспертных организаций и статистика арбитражного судопроизводства. Для оценки конкурентоспособности экспертных институтов применена авторская интегральная модель. Доказано, что дефицит IT-компетенций судебных экспертов (оцениваемый в ЮФО в 9,2 балла из 10) ведет к систематическому затягиванию судебных процессов и росту издержек *ex post*. Установлено, что повышение индекса кадрового потенциала (Ккад) на 20 % обеспечивает рост доли заключений, принимаемых судом без замечаний, с 82 % до 91 %, что напрямую снижает финансовые и временные потери сторон спора. Преодоление институциональных барьеров на рынке судебной экспертизы требует перехода от чисто нормативного регулирования к инвестициям в региональный человеческий капитал. Предложены меры по созданию межрегиональных центров компетенций и внедрению дифференцированной аккредитации, что будет способствовать улучшению инвестиционного климата макрорегиона.

Ключевые слова: институциональные барьеры, транзакционные издержки, инвестиционный климат региона, судебный аудит, судебная экспертиза, кадровый потенциал, информационная асимметрия, Южный федеральный округ, интегральная модель оценки.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

INSTITUTIONAL BARRIERS TO THE REGIONAL INVESTMENT CLIMATE: THE IMPACT OF FORENSIC EXPERTISE QUALITY ON BUSINESS TRANSACTION COSTS (CASE STUDY OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT)

Mikhail A. Beglyarov¹, Lyudmila I. Berestova²

¹Bureau of Expertise LLC,

²Institute of Public Administration and Management at RANEPA

Abstract. The quality of economic dispute resolution institutions is a fundamental factor in shaping the regional investment climate. Forensic examination and audit are key mechanisms for reducing information asymmetry and business transaction costs. However, the digitalization of the economy and the increasing complexity of financial systems have exposed the problem of spatial asymmetry in the expert services market. The objective of this study is to identify and quantify the impact of a shortage of human and technological capacity in forensic audit organizations on the growth of business

transaction costs in the region (using the Southern Federal District as an example). The study is based on an institutional approach and transaction cost theory. The empirical basis consists of data from a sociological survey of 47 practicing experts, an analysis of cases from three expert organizations, and arbitration court statistics. A proprietary integrated model was used to assess the competitiveness of expert institutions. It has been demonstrated that a shortage of IT competencies among forensic experts (estimated at 9.2 points out of 10 in the Southern Federal District) leads to systematic delays in litigation and increased ex post costs. It has been established that a 20 % increase in the human resources capacity index (Kcad) leads to an increase in the proportion of unqualified opinions accepted by the court from 82 % to 91 %, which directly reduces the financial and time losses incurred by parties to a dispute. Overcoming institutional barriers in the forensic examination market requires a shift from purely normative regulation to investments in regional human capital. Measures are proposed to create interregional centers of excellence and introduce differentiated accreditation, which will contribute to improving the investment climate in the macroregion.

Keywords: institutional barriers, transaction costs, regional investment climate, forensic audit, forensic examination, human resources, information asymmetry, Southern Federal District, integrated assessment model.

Funding: Independent work.

Введение.

Традиционно региональный инвестиционный климат оценивается через призму фискальной нагрузки, инфраструктурной доступности и мер государственной поддержки. Однако в условиях цифровой трансформации и структурной перестройки экономики (2022–2026 гг.) на первый план выходят издержки правовой неопределенности. Фундаментальные институты, обеспечивающие защиту прав собственности и разрешение хозяйственных споров, становятся главными детерминантами доверия инвесторов.

Судебная экспертиза и судебный аудит исторически рассматривались исключительно как процессуальные инструменты. Однако в современной экономической теории их следует трактовать как институты снижения информационной асимметрии, напрямую влияющие на величину трансакционных издержек бизнеса. Некачественное или затянутое экспертное исследование парализует арбитражный процесс, замораживает оборотные средства компаний и конвертируется в прямые убытки, которые не учитываются стандартными рейтингами инвестиционного климата (например, рейтингом АСИ) [1; 2].

Сегодня экономика стала другой. Криптовалюты. Смарт-контракты. Цифровые финансовые активы. Мошенники тоже стали другими. Они не оставляют бумажных следов. Они оставляют цифровые. И чтобы их найти, нужен особый взгляд. Нужен эксперт, который читает код как книгу. Таких экспертов в стране мало. А в регионах – почти нет.

Москва и Санкт-Петербург живут в другой реальности. Там IT-экспертов хватает. Там суды работают быстро. Там бизнес чувствует себя защищённым. А на юге страны – другая картина. Дефицит кадров. Устаревшие технологии. Очереди на месяцы. И получается парадокс. Формально регион открыт для инвестиций. А по факту – инвестор рискует. Потому что знает: если что, суд его не спасёт.

Это и есть скрытый барьер. Его не увидишь в рейтингах. Его не измеришь стандартными методами. Но он есть. И он бьёт по кошельку. Бьёт по времени. Бьёт по нервам.

Цель данного исследования – доказать, что кадровый и технологический дефицит в сфере судебной экспертизы на региональном уровне выступает скрытым институциональным барьером, увеличивающим трансакционные издержки и снижающим общую конкурентоспособность территории.

Теоретическая основа: судебная экспертиза как институт снижения трансакционных издержек

Судебная экспертиза – это не просто услуга. Это фундамент. На нём держится доверие к суду. Без неё арбитражный процесс превращается в гадание на кофейной гуще. Судья не может знать всё. Он не разбирается в блокчейне. Он не отличит смарт-контракт от обычного договора. Ему нужен проводник. Этот проводник – эксперт.

Рональд Коуз и Оливер Уильямсон писали о трансакционных издержках как о трении экономики [8]. Они имели в виду время, нервы, деньги, которые тратятся на поиск информации, ведение переговоров и защиту прав. Судебная экспертиза – это инструмент, который снижает эти издержки. Точнее, должен снижать. Но только если эксперт компетентен. Если нет – издержки не снижаются. Они растут. И растут кратно.

Представьте ситуацию. Компания заключила сделку. Партнёр не заплатил. Дело в суде. Нужна финансовая экспертиза. Но сделка была с использованием криптовалюты. А в регионе нет эксперта, который понимает, как отследить транзакцию в блокчейне. Что происходит? Суд назначает экспертизу в Москве. Ждут месяц. Два. Три. Эксперт из Москвы приезжает. Запрашивает документы. Ждёт ещё месяц. Потом пи-

шет заключение. Сторона проигравшей заявляет отвод. Мол, эксперт не местный, не знает региональной специфики. Назначают повторную экспертизу. Круг замкнулся. Время идёт. Деньги заморожены. Бизнес страдает.

Это и есть трансакционные издержки *ex post*. Издержки, которые возникают после того, как контракт уже заключён. Издержки измерения. Издержки защиты прав. Издержки разрешения споров. В терминологии Дугласа Норта, именно они определяют, насколько эффективна экономическая система. Если эти издержки высоки — инвестор уходит. Если низкие — бизнес растёт.

Сегодня экономика изменилась. Стала цифровой. Криптовалюты. Смарт-контракты. Цифровые финансовые активы. Мошенники тоже стали другими. Они не оставляют бумажных следов. Они оставляют цифровые. И чтобы их найти, нужен особый взгляд. Нужен эксперт, который читает код как книгу. Таких экспертов в стране мало. А в регионах — почти нет.

Данные Минюста РФ за 2024 год показывают тревожную тенденцию. Доля экспертиз, требующих анализа больших данных и цифровых следов, выросла на 40 % с 2020 года. Это огромный скачок. Рынок не успел перестроиться. Спрос опережает предложение. И здесь возникает ещё одна проблема — пространственная асимметрия.

Москва и Санкт-Петербург живут в другой реальности. Там IT-экспертов хватает. Там суды работают быстро. Там бизнес чувствует себя защищённым. А на юге страны — другая картина. Дефицит IT-компетенций в Южном федеральном округе оценивается в 9,2 балла из 10. Это критический показатель. 70 % частных экспертных организаций в регионе сталкиваются с нехваткой специалистов, которые понимают цифровые технологии.

Почему это важно? Потому что информационная асимметрия — это яд для рынка. Джордж Акерлоф описал это в своей теории «рынка лимонов». Когда одна сторона сделки знает больше другой, рынок деградирует. В случае с судебной экспертизой асимметрия ещё глубже. Судья не знает. Стороны не знают. Знает только эксперт. И если эксперт некомпетентен — страдает вся система.

Некачественное заключение — это не просто ошибка. Это катастрофа для бизнеса. Суд отклоняет такое заключение. Назначает повторное. Процесс затягивается. Активы замораживаются. Компания теряет оборотные средства. Теряет клиентов. Теряет репутацию. Всё это — скрытые институциональные издержки [6; 7]. Их не увидишь в рейтингах инвестиционного климата. Их не измеришь стандартными методами. Но они есть. И они бьют по кошельку.

Именно поэтому судебную экспертизу нужно рассматривать не как рыночную услугу, а как

институт принуждения к исполнению контрактов. Это механизм, который обеспечивает работу всей экономической системы. Если механизм сломан — система не работает. Если эксперт некомпетентен — инвестор не доверяет. А без доверия нет инвестиций. Нет роста. Нет развития.

Цифровизация экономики только усугубила эту проблему. Традиционные методы доказывания исчерпали себя. Бумажные документы больше не работают. Нужны новые подходы. Нужны новые компетенции. Нужны эксперты, которые понимают цифровую экономику не в теории, а на практике. Таких экспертов нужно готовить. И готовить быстро. Потому что время играет против нас. Каждый день без квалифицированного эксперта — это убытки для бизнеса. Это потерянные инвестиции. Это упущенные возможности.

Научная гипотеза: Низкий индекс кадрового потенциала ($K_{\text{кад}}$) региональных экспертных организаций напрямую коррелирует с ростом трансакционных издержек бизнеса из-за увеличения вероятности оспаривания заключений, назначения повторных экспертиз и затягивания судебных процессов.

Институциональная природа судебной экспертизы как механизма снижения трансакционных издержек.

Опираясь на теоретический аппарат Р. Коуза и О. Уильямсона, судебную экспертизу следует рассматривать не как рыночную услугу, а как институт принуждения к исполнению контрактов (*enforcement institution*). В терминах Д. Норта, качество этого института определяет величину трансакционных издержек *ex post* — издержек измерения, защиты прав собственности и разрешения споров.

В условиях цифровой экономики (2022–2026 гг.) трансакционные издержки бизнеса многократно возрастают из-за появления новых объектов доказывания: криптотранзакций, смарт-контрактов, цифровых финансовых активов (ФЗ № 259-ФЗ) [3]. Если в регионе отсутствует эксперт, способный верифицировать блокчейн-транзакцию, арбитражный процесс замораживается на 3–6 месяцев, а оборотные средства компании изымаются из экономического оборота. Это и есть скрытые институциональные издержки, которые не учитываются ни рейтингом АСИ, ни стандартными макроэкономическими моделями [4].

Эмпирически эту связь подтверждают данные нашего опроса: в организациях с низким индексом кадрового потенциала ($K_{\text{кад}} < 3,5$) средний срок арбитражного процесса с назначением экспертизы составляет 187 дней, тогда как в организациях с $K_{\text{кад}} > 4,0$ — 124 дня. Разница в 63 дня конвертируется в дополнительные издержки бизнеса порядка 1,2–1,8 млн руб. на одно дело (расчёт по ставке рефинансирования ЦБ РФ).

© Бегляров М.А., Берестова Л.И.

Материалы и методы исследования

Для проверки гипотезы было проведено комплексное исследование, включающее:

1. **Социологический срез:** Опрос 47 практикующих экспертов (руководители подразделений, ведущие эксперты, методисты) из государственных и негосударственных организаций Южного (г. Краснодар) и Центрального (г. Москва) федеральных округов.

2. **Метод анализа иерархий (АИР):** Для калибровки весовых коэффициентов авторской интегральной модели оценки конкурентоспособности экспертного института.

3. **Кейс-стади:** Анализ данных трех организаций (ООО «Бюро Экспертиз», ООО «КубаньЭкспертЦентр», Союз Судебных Экспертов) до и после внедрения системы мониторинга кадровых компетенций.

По результатам опроса и математического моделирования была обоснована следующая **интегральная модель оценки доказательного потенциала (К):** $K = 0,4 \cdot K_{\text{кад}} + 0,2 \cdot K_{\text{тех}} + 0,2 \cdot K_{\text{реп}} + 0,1 \cdot K_{\text{фин}} + 0,1 \cdot K_{\text{станд}}$.

Где доминирующий вес (0,4) отдан кадровому потенциалу ($K_{\text{кад}}$), что эмпирически подтверждено: 85 % экспертов указали, что именно квалификация и стаж (свыше 7 лет) определяют процент принятия заключения судом. Финансовые показатели ($K_{\text{фин}}$) в судебном аудите вторичны, так как рынок регулируется не ценовой конкуренцией, а доверием судебной системы.

Калибровка весовых коэффициентов методом анализа иерархий Т. Саати.

Для объективного определения весовых коэффициентов применён метод анализа иерархий (Analytic Hierarchy Process, АИР), разработанный Т. Саати. Построена иерархическая модель, где на первом уровне находится цель (оценка конкурентоспособности), на втором – пять критериев ($K_{\text{кад}}$, $K_{\text{тех}}$, $K_{\text{реп}}$, $K_{\text{фин}}$, $K_{\text{станд}}$), на третьем – 18 субкритериев.

Матрица парных сравнений, заполненная пятью экспертами-теоретиками, прошла проверку на согласованность (Consistency Ratio, $CR = 0,07 < 0,1$), что подтверждает логическую непротиворечивость суждений. Первоначальные веса составили: $K_{\text{кад}} = 0,30$; $K_{\text{тех}} = 0,20$; $K_{\text{реп}} = 0,30$; $K_{\text{фин}} = 0,20$.

На втором этапе веса были скорректированы на основе эмпирических данных опроса 47 практикующих экспертов по формуле:

$$W_{\text{итог}} = \frac{W_{\text{исх}} \cdot I_{\text{норм}}}{\sum (W_{\text{исх}} \cdot I_{\text{норм}})},$$

где $I_{\text{норм}} = (X_{\text{ср}} - X_{\text{min}}) / (X_{\text{max}} - X_{\text{min}})$ – нормированная оценка важности по шкале Лайкерта.

Результат калибровки показал принципиальное смещение акцентов: вес кадрового потенциала вырос с 0,30 до 0,40, а финансового – снизился с 0,20 до 0,10. Это эмпирическое подтверждение гипотезы о том, что в судебном аудите, в отличие от классического, доказательная ценность услуги определяется не финансовыми ресурсами фирмы, а квалификацией конкретного эксперта.

Таблица 1

Сравнение традиционных и авторских подходов к оценке конкурентоспособности экспертных организаций

Критерий	BSC (Каплан, Нортон)	Модель Портера	Авторская интегральная модель
Учёт процессуальных норм	✗	✗	✓
Учёт кадрового потенциала	Частично	✗	✓ (вес 0,4)
Учёт региональной специфики	✗	✗	✓
Применимость в судебном аудите	Низкая	Низкая	Высокая

Таблица 2

Результаты апробации модели в кейс-организациях

Показатель	ООО «Бюро Экспертиз» (Краснодар)	ООО «КубаньЭкспертЦентр» (Краснодар)	Союз Судебных Экспертов (Москва)
$K_{\text{кад}}$ до / после	3,1 / 3,7	3,3 / 3,8	3,8 / 4,1
$K_{\text{тех}}$ до / после	3,0 / 3,6	3,8 / 4,0	3,6 / 3,9
Индекс К до / после	3,21 / 3,63	3,45 / 3,78	3,72 / 3,95
% принятых судом заключений	82 % → 91 %	78 % → 87 %	89 % → 94 %

Результаты

Эмпирический анализ выявил прямую связь между индексом кадрового потенциала и временными издержками бизнеса. В регионах с дефицитом IT-экспертов (ЮФО) заключения по делам, связанным с цифровыми активами и сложным финансовым моделированием, отклоняются судами или отправляются на повторные исследования в 3 раза чаще, чем в ЦФО.

Это формирует цепочку роста транзакционных издержек:

Некомпетентное заключение → Ходатайство стороны об отводе → Назначение повторной экспертизы → Замораживание актива на 3–6 месяцев → Убытки бизнеса.

Результаты внедрения модели (Кейс ООО «Бюро Экспертиз», г. Краснодар)

Внедрение системы предиктивной аналитики компетенций и междисциплинарных команд (экономист + IT-криминалист) позволило за 12 месяцев достичь следующих результатов:

1. Индекс кадрового потенциала ($K_{\text{кад}}$) вырос на 20 %.
2. Доля заключений, принимаемых судом без замечаний, увеличилась с 82 % до 91 %.
3. Средний срок подготовки сложных экспертиз сократился на 25 %.

Экономический эффект для бизнеса-заказчика выразился в снижении рисков судебной неопределенности и ускорении возврата активов, что эквивалентно снижению транзакционных издержек ex post на 15–20 %.

Пространственная асимметрия рынка судебных экспертиз: сравнение макрорегионов

Россия – огромная страна. Но в сфере судебной экспертизы она разделена на два мира. Мир первый – это Москва, Санкт-Петербург и отчасти Екатеринбург. Там есть всё. IT-эксперты. Оборудование. Софт для анализа блокчейна. Опыт работы с цифровыми активами. Мир второй – это всё остальное. И особенно – юг страны.

Цифры говорят сами за себя. В Центральном федеральном округе почти половина экспертных организаций (45 %) умеет работать с крипто-транзакциями. В Северо-Западном – 38 %. На Урале – 28 %. А на юге – всего 15 %. Разрыв колоссальный. Дефицит IT-компетенций в Южном федеральном округе достигает 9,2 балла из 10. Это не просто нехватка. Это катастрофа.

Что происходит на практике? Представьте компанию в Ростове-на-Дону. У неё спор с контрагентом на 50 миллионов рублей. Дело касается

цифровых финансовых активов. Судья назначает экспертизу. Местные эксперты разводят руками. Они не умеют работать с блокчейном. Они не знают, как отследить транзакцию. Что делает суд? Назначает экспертизу в Москве.

И начинается цепочка потерь. Эксперт из Москвы берёт дело. Он запрашивает документы. Они идут почтой. Неделя. Потом он приезжает в Ростов для осмотра. Командировочные. Гостиница. Суточные. Ещё неделя. Потом он уезжает. Пишет заключение. Отправляет по электронной почте. Сторона проигравшей заявляет ходатайство. Мол, эксперт не знаком с региональными особенностями. Суд задумывается. Назначает повторную экспертизу. Круг замыкается.

Это и есть скрытые издержки. Они не видны в смете. Но они бьют по карману. По нашим расчётам, компании ЮФО теряют от 12 до 18 % от суммы спора только на том, что вынуждены звать экспертов из столицы. Это транспортные расходы. Это время. Это риск утечки коммерческой тайны. Документы едут через всю страну. Они могут потеряться. Их могут перехватить. Это и есть транзакционные издержки в чистом виде.

Но есть и другая сторона. Менее очевидная. Когда бизнес понимает, что в регионе нет своих экспертов, он начинает сомневаться. Он думает: если здесь не могут защитить меня в суде, стоит ли вообще сюда инвестировать? Это вопрос доверия. А доверие – основа инвестиционного климата.

Получается замкнутый круг. В регионе мало IT-экспертов. Бизнес уходит в Москву. Московские эксперты получают опыт. Они растут. Региональные – деградируют. Они не видят сложных дел. Они не учатся. Разрыв растёт. Инвестор видит этот разрыв. И уходит.

Северо-Западный федеральный округ чувствует себя чуть лучше. Там есть Санкт-Петербург. Там сильные вузы. Там IT-кластер. Урал тоже держится – помогает Екатеринбург и близость к Москве. А вот юг страны проваливается. Краснодар, Ростов, Волгоград – все они зависят от столичных экспертов.

Это не просто региональная проблема. Это проблема национальной безопасности. Когда бизнес не может защитить свои права в своём регионе, он теряет веру в государство. Он начинает искать другие юрисдикции. Он выводит активы. Он регистрирует компании за рубежом. И всё потому, что в Краснодаре не нашлось эксперта, который умеет читать блокчейн.

Выход есть. Но он не в том, чтобы везти экспертов из Москвы. Выход – растить своих. Создавать центры компетенций. Обучать молодых специалистов. Давать им сложные дела. Только так можно разорвать этот порочный круг. Только так можно вернуть доверие бизнеса к регионам.

Таблица 3

Сравнение кадрово-технологического потенциала судебных экспертов по макрорегионам (2024 г.)

Показатель	ЦФО (Москва)	ЮФО (Краснодар)	СЗФО (СПб)	УрФО (Екатеринбург)
Доля экспертов со стажем > 7 лет	65 %	40 %	58 %	47 %
Доля IT-компетенций	45 %	15 %	38 %	28 %
Внедрение ИИ-аналитики	35 %	8 %	29 %	18 %
Индекс К _{кад} (средний)	4,1	3,2	3,8	3,5

Таким образом, пространственная асимметрия кадрового потенциала формирует институциональную ловушку (по терминологии О.С. Сухарева) [4]: регионы с низким К_{кад} теряют не только в качестве правосудия, но и в инвестиционной привлекательности, поскольку бизнес учитывает издержки правовой неопределённости.

Обсуждение и предложения для государственной политики

Полученные данные вступают в дискуссию с текущей регуляторной политикой. Приказ Минюста РФ № 72 (2023 г.) [5], расширяющий перечень видов экспертиз, доступных исключительно государственным судебно-экспертным учреждениям (СЭУ), направлен на повышение качества. Однако наш анализ показывает, что монополизация не решает проблему пространственной асимметрии. Государственные СЭУ в регионах сталкиваются с тем же дефицитом IT-кадров и устареванием технологической базы, что ведет к коллапсу сроков и очередям для бизнеса.

В рамках концепции Evidence-based policy (политики, основанной на доказательствах), автор предлагает комплекс мер для Экспертного совета Государственной Думы и профильных министерств:

1. Отказ от тотальной монополизации в пользу дифференцированной цифровой аккредитации. Допуск частных организаций к сложным экономическим и цифровым экспертизам должен базироваться не на форме собственности, а на подтвержденном индексе К_{тех} и К_{кад}.
2. Создание межрегиональных центров компетенций (программа «Эксперт-Юг»). Финансиро-

вание за счет грантов Минэкономразвития РФ для подготовки IT-экспертов на базе региональных вузов и СРО. Это снизит транзакционные издержки бизнеса, которому сегодня не нужно будет привлекать экспертов из Москвы.

3. Внедрение отраслевого стандарта ISO/IEC 17025 для негосударственных экспертов как условия допуска к арбитражным делам, что создаст прозрачный фильтр качества.

Зарубежный опыт регулирования рынка судебных экспертиз: уроки для России

Анализ международных практик показывает четыре модели регулирования рынка судебных экспертиз:

1. Децентрализованная модель (США): около 400 лабораторий разного уровня, стандартизация через OSAC при NIST. Сильная сторона – гибкость, слабая – фрагментация.
2. Регуляторная модель (Великобритания): независимый Forensic Science Regulator с 2021 г. имеет законодательные полномочия. После закрытия FSS в 2012 г. рынок столкнулся с кризисом качества, что потребовало усиления государственного надзора.
3. Корпоративная модель (Германия): сочетание полицейских институтов с публично назначенными экспертами, обязательная аккредитация по ISO/IEC 17025 через DAkkS.
4. Централизованная модель (Китай): с 2005 г. – единый механизм аккредитации при Минюсте, более 3000 сертифицированных экспертов.

Таблица 4

Сравнительный анализ моделей регулирования

Параметр	Россия (2024)	США	Великобритания	Германия	Китай
Форма регулирования	Смешанная с элементами монополизации	Отраслевые кодексы	Независимый регулятор	Государственная аккредитация	Централизованная лицензия
Доля частных экспертов	~35 %	~60 %	~70 %	~40 %	~45 %
Обязательная аккредитация ISO 17025	Частично	Добровольно	Обязательно	Обязательно	Обязательно

Для России оптимальной представляется гибридная модель: отказ от тотальной монополизации (Приказ Минюста № 72 от 20.04.2023) в пользу дифференцированной цифровой аккредитации, при которой допуск к сложным экономическим и цифровым экспертизам определяется не формой собственности, а подтвержденным индексом $K_{\text{тех}}$ и $K_{\text{кад}}$.

Заключение

Инвестиции в судебных экспертов – это не просто ведомственная задача. Это реальный инструмент для улучшения экономики регионов. Мы привыкли думать, что инвестиционный климат зависит от налогов или дорог. Но бизнесу важно другое. Ему нужна уверенность в том, что спор будет решен честно и быстро. Если суд затягивается из-за некомпетентной экспертизы, деньги компании «замораживаются». Это больно. И это отпугивает инвесторов.

Наше исследование показало простую вещь. В Южном федеральном округе есть серьезная проблема. Там не хватает экспертов, которые разбираются в цифровых технологиях. Из-за этого судебные процессы идут дольше. Бизнес теряет время и деньги. Разница во времени может достигать двух месяцев. В деньгах это миллионы рублей убытков на одно дело.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Мы предложили решение. Нельзя просто запрещать частным бюро работать. Нужно оценивать их по делу. Если у организации есть сильные IT-специалисты и опытные кадры – пусть работает. Если нет – доступ к сложным делам должен быть закрыт. Такой подход честнее. Он стимулирует рост качества.

Регионам нужно развивать свои центры компетенций. Не стоит всегда звать экспертов из Москвы. Это дорого и долго. Лучше готовить своих специалистов на месте. Государство может помочь грантами и обучением.

Результаты говорят сами за себя. Когда мы повысили квалификацию сотрудников в тестовой организации, суды стали чаще принимать их заключения без вопросов. Процесс ускорился. Клиенты сэкономили. Это работает.

Дальше нужно двигаться в сторону стандартов. Цифровая криминалистика становится новой нормой. Кто освоит её первым, тот получит преимущество. Регионы, которые смогут предложить бизнесу быстрые и качественные экспертизы, станут привлекательнее для инвестиций. Это вопрос не только правосудия. Это вопрос экономического суверенитета и доверия.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Абитова Э.Ф. Анализ конкурентоспособности аудиторской компании / Э.Ф. Абитова, М.А. Пугачева Под общ. ред. З.О. Адамановой // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства: Сборник науч. тр., Симферополь, 2 апр. 2021 г. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Изд-во Типография «Ариал», 2021. Вып. 7. С. 51–57. EDN: DABHTR
2. Бабченко Н.А. Теоретический подход к оценке конкурентоспособности аудиторских предприятий / Н.А. Бабченко, Г.Г. Романова // КНЖ. 2019. № 2(27). С. 89–92. DOI: 10.26140/knz4-2019-0802-0024 EDN: KLVVCW
3. Городнова, Н.В. Судебная экономическая экспертиза: понятие, сущность и методический инструментарий / Н.В. Городнова, С.В. Феофанов // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 3. С. 605–622. DOI: 10.18334/epp.11.3.111890 EDN: RUIATW
4. Сухарев О.С. Институциональная теория экономического роста: Доклад. М. : Институт экономики РАН, 2015. 44 с.
5. Приказ Минюста России от 20.04.2023 № 72 (ред. от 31.01.2024) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» (Зарегистрировано в Минюсте России 24.04.2023 № 73133).
6. Acemoglu D. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty / D. Acemoglu, J.A. Robinson. New-York : Crown Business, 2012. 546 p. DOI: 10.1355/ae29-2j
7. Hasan I. Institutional Development, Financial Deepening and Economic Growth: Evidence from China / I. Hasan, P. Wachtel, M. Zhou // Journal of Banking & Finance. 2009. Vol. 33. № 1. P. 157–170. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2007.11.016 EDN: MMIEVH

8. Williamson O.E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38. № 3. P. 595–613. DOI: 10.1257/jel.38.3.595 EDN: DJBHBN

References:

1. Abitova E.F. Analysis of the competitiveness of an audit company / E.F. Abitova, M.A. Pugacheva; Edited by Z.O. Adamanova // National economic systems in the context of the formation of the global economic space: collection of scientific papers, Simferopol, April 2, 2021. Simferopol : Limited Liability Company Publishing House Printing House «Arial», 2021. Iss. 7. P. 51–57. EDN: DABHTR
2. Babchenko N.A. Theoretical Approach to Assessing the Competitiveness of Audit Firms / N.A. Babchenko, G.G. Romanova // KNZh. 2019. № 2(27). P. 89–92. DOI: 10.26140/knz4-2019-0802-0024 EDN: KLKVCW
3. Godonova N.V. Forensic Economic Expertise: Concept, Essence, and Methodological Tools / N.V. Godonova, S.V. Feofanov // Economics, Entrepreneurship and Law. 2021. Vol. 11. № 3. P. 605–622. DOI: 10.18334/epp.11.3.111890 EDN: RUIATW
4. Sukharev O.S. Institutional Theory of Economic Growth: Report. M. : Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2015. 44 p.
5. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 04/20/2023 № 72 (as amended on 01/31/2024) «On Approval of the List of Types (types) of forensic examinations performed in Federal Budgetary forensic expert Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation and the List of expert specialties for which the right to independently conduct forensic examinations in federal budgetary forensic expert institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation is granted» (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 04/24/2023 № 73133).
6. Acemoglu D. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty / D. Acemoglu, J.A. Robinson. New-York : Crown Business, 2012. 546 p. DOI: 10.1355/ae29-2j
7. Hasan I. Institutional Development, Financial Deepening and Economic Growth: Evidence from China / I. Hasan, P. Wachtel, M. Zhou // Journal of Banking & Finance. 2009. Vol. 33. № 1. P. 157–170. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2007.11.016 EDN: MMIEVH
8. Williamson O.E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38. № 3. P. 595–613. DOI: 10.1257/jel.38.3.595 EDN: DJBHBN

Информация об авторах

Бегляров Михаил Александрович
руководитель ООО «Бюро Экспертиз»
beglyarov_m@mail.ru

Mikhail A. Beglyarov
Head of Bureau of Expertise LLC
beglyarov_m@mail.ru

Берестова Людмила Ивановна
доктор экономических наук,
профессор кафедры труда и социальной политики,
Институт государственной службы
и управления РАНХиГС
lberestova@mail.ru

Lyudmila I. Berestova
Doctor of Economics,
Professor of the Department
of Labor and Social Policy,
Institute of Public Administration
and Management at RANEPA
lberestova@mail.ru

Вклад авторов:
все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:
All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 31.08.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-3>

УДК 65.01

Attribution

cc by

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯМИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЕНЕДЖМЕНТА ПЕРСОНАЛА

Давыдов Н.А.

*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна*

Аннотация. Статья посвящена вопросам управления блокираторами на этапе реализации стратегических изменений в бизнес-среде. Автором исследуется работа с организационной трансформацией на примере функции кадрового менеджмента, выступающей в роли как объекта, так и субъекта управления изменениями. В статье рассмотрены современные концепции трансформации, проблемное поле изменений, определены модулирующие факторы, влияющие на степень выраженности его элементов. Целью статьи является определение методологических подходов к решению проблемы внедрения трансформационных инициатив. По результатам теоретического анализа научных трудов отечественных и зарубежных исследователей, а также существующих методологий независимых экспертов автором предложена детализированная структура управления организационными изменениями, дополняющая и уточняющая классические подходы.

Ключевые слова: управление изменениями, организационная трансформация, кадровая функция, инновации, сопротивление изменениям.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF CHANGE MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF HUMAN MANAGEMENT DEVELOPMENT

Nikita A. Davydov

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

Abstract. This article examines resistance management during the implementation of strategic change in a business environment. The author examines organizational transformation using the HR function as an example, acting as both the object and subject of change management. The article examines modern transformation concepts, the problematic field of change, and identifies moderating factors influencing the emergence of barriers to business initiatives. The article aims to identify methodological approaches to solving the problem of implementing transformational measures. Based on a theoretical analysis of scientific works by domestic and international researchers, as well as existing methodologies from independent experts, the author proposes a detailed stage-by-stage approach to managing organizational change, complementing and clarifying classical approaches.

Keywords: change management, organizational transformation, human resources function, innovation, resistance to change.

Funding: independent work.

Введение.

Современные бизнес-объединения выстраивают стратегию своего развития с учетом макроэкономических трендов, чтобы сохранять жизнестойкость и способность к конкурентной борьбе. На сегодняшний день наблюдается трансформация мировой экономики под влиянием таких факторов, как обострение межгосударственных конфликтов, разрушение привычных экономических связей, поворот на новые рынки, технологи-

ческое развитие и ускоренная цифровизация. Экономическими экспертами Фонда Росконгресс отмечается усиление переориентации торговли в сторону политических партнеров и ослабление влияния географического фактора, а также повышенный риск стагнации в связи с замедлением экономического роста. В масштабах организации эти процессы несут риски падения потребительского спроса и роста издержек, что усиливает турбулентность на рынке и оказывает дополнительное давление на бизнес.

© Давыдов Н.А.

В связи с этим, высокая скорость адаптации к изменениям внешней среды и последующее внедрение соответствующих инноваций в бизнес-процессах для компании может рассматриваться как ключевой драйвер ее эффективности [1].

Современная система менеджмента располагает широким набором адаптивных стратегий организации в условиях институциональной турбулентности: исследователи выделяют 8 видов адаптивных стратегий, дифференцируемых по темпоральному, ресурсному, организационному, инновационному и гибриднему основанию [2]. Реализация этих стратегий требует преодоления ряда системных ограничений, к одним из которых относятся когнитивные барьеры адаптации, выражаемые в виде сопротивления изменениям со стороны персонала и сознательным возвратом сотрудников к привычным устаревшим моделям работы.

Особого внимания заслуживает управление изменениями в зоне ответственности HR-блока, выступающего одновременно и объектом, и субъектом управления.

С точки зрения объекта управления, задачами кадрового менеджмента являются поддержание соответствия применяемых технологий актуальным трендам, регулярный анализ эффективности процессов, их совершенствование и обеспечение устойчивости применения внедряемых инновационных решений.

С позиции субъекта управления, кадровый менеджмент принимает непосредственное участие в развитии профессиональных и управленческих компетенций сотрудников, определяющих их вовлеченность в процесс трансформации.

Систематизация проблематики менеджмента изменений в области управления персоналом позволит определить основные направления решений, способствующих саморазвитию кадровой функции и, как следствие, эффективной передаче знаний по работе с трансформацией.

Целью исследования является анализ блокираторов изменений и определение методологических подходов к решению проблем внедрения трансформационных инициатив. Материалами для анализа послужили труды зарубежных и отечественных ученых в области управления изменениями, таких как Г.В. Широкова, Е.А. Наумцева, Е.В. Мугаева, Д. Холт, М. Бир, Дж. Коттер, А. Арменакис, В. Сатир, У. Бриджес, а также актуальные статистические данные исследований в компаниях различного масштаба и уровня.

Обсуждение.

На сегодняшний день внедрение организационных изменений нередко происходит не в полном объеме, а фактические результаты не соответствуют целевым ориентирам. Управление изменениями представляет собой сравнительно новое направление в менеджменте, основные ме-

тодики и инструменты которого недостаточно широко используются в управленческой практике.

Актуальность данной проблемы подтверждается статистическими данными и современными исследованиями. Эксперты [3] подчеркивают, что несмотря на осознанные попытки проведения организационных трансформаций, только 50 % всех инициатив возможно считать успешными. По данным ЭКОПСИ Консалтинг [4] соотношение успешных и неуспешных кейсов внедрения изменений составляет 58 % на 42 %, при этом необходимо отметить, что с точки зрения рассмотрения кадровой функции как объекта управления изменениями, число неуспешных кейсов становится больше числа успешных по таким характерным направлениям трансформации, как изменение системы мотивации, в системах обучения, коммуникации, организационной структуры. Более негативно оценивается ситуация по работе с трансформацией другими исследователями [5], согласно которым в большинстве компаний два из трех проектов трансформации терпят неудачу.

Существует ряд подходов к описанию возможных блокираторов трансформации, релевантных для любого функционального блока организации. Выделяется 3 наиболее распространенных фактора неудач в управлении изменениями, к которым относятся сопротивление изменениям, использование стандартизированных подходов и восприятие трансформации как набор временных или краткосрочных мероприятий [6]. Каждый из этих факторов декомпозируется на 4 категории причин по модели 4P: политика (Policy), среда (Place), люди (People) и процедуры (Procedures) – имеющих в свою очередь ряд дополнительно влияющих обстоятельств. Структура первопричин фактора «Сопротивление изменениям» визуализирована с помощью причинно-следственной диаграммы Исикавы на рисунке 1.

Исследователи [7] отмечают, что вне зависимости от архетипа проводимых трансформаций – как «мягких», так и к радикальных изменений – существует общее «проблемное поле» реализации изменений, включающее в себя в качестве структурных составляющих характерные блокираторы: отсутствие концепции и целей, отсутствие понимания необходимости перемен у сотрудников, нежелание руководителей приспосабливаться к изменениям, неумение создавать команду и прочее.

Несмотря на множество моделей, описывающих вариации возможных блокираторов и методы работы с ними (включая модели Коттера, Бриджеса и Сатир и прочие), практическая задача по приоритизации направлений работы осложняется неравномерностью проявления блокираторов, что обусловлено разным уровнем трансформационной зрелости организаций, а также вариативностью оценки эффективности работы отдельных подразделений.

Рисунок 1 – Диаграмма Исикавы по фактору «Сопротивление изменениям»

Прежде всего, более яркое проявление проблемного поля изменений можно наблюдать при неэволюционном, принудительном характере трансформаций в условиях комплексной неготовности к изменениям как в масштабе организации, так и в рамках отдельного подразделения. Потребность в стихийной инициации трансформации может возникать в результате запоздалой реакции на изменения внешней среды и отсутствия регулярного бенчмаркинга, при этом сотрудники могут быть не готовы или недостаточно замотивированы на перенастройку привычного алгоритма работы. В исследованиях [8] описывается концепция готовности к изменениям А. Арменакиса, С. Харриса и К. Моссхолдера, согласно которой «готовность предшествует сопротивлению или принятию предстоящих перемен», таким образом, являясь их модулирующим фактором.

Хотя существуют инструменты оценки трансформационного потенциала компании по отдельным направлениям (например, модели зрелости бизнес-процессов BPM, модель процессной зрелости Forrester, модели цифровой зрелости MIT & Capgemini и MinTIC & iNnpulsa), однако, предваряющая их вернееуровневая оценка готовности к организационным изменениям, как правило, не проводится либо сводится к качественным описаниям.

При рассмотрении кадрового менеджмента как объекта трансформации в условиях реализации изменений по архетипу «Е» М. Бира, который подразумевает ориентацию на экономические цели компании, возникает вопрос об измерении эффективности применяемых инструментов и новых, предлагаемых к применению. Эффект от организационно-управленческих инноваций, к которым относятся инновации в области управ-

ления персоналом, сложно или невозможно оценить традиционными методами ввиду их косвенного влияния на множество бизнес-процессов [9]. Примером инструмента с неопределенным экономическим эффектом может служить используемая в организации методика адаптации (социальные нововведения), носителями которой являются менеджеры кадровой функции. При инициации трансформации методики (при пути изменений «сверху вниз») может усилиться сопротивление участвующих в её пересмотре сотрудников, поскольку неэффективность текущей системы не очевидна.

Дополнительным фактором, осложняющим работу с проблемным полем трансформации, является общая неосведомленность сотрудников об инструментах работы с блокираторами и отсутствие системной работы с ними. Непроработанность проблем на уровне руководителя (инициатора) трансформации может усиливать их влияние на подчиненных (участников проектной команды) при каскадировании задач, что приводит к стагнации трансформационной деятельности [10]. Некомпетентность руководителей также может рассматриваться как модулирующий фактор проблемного поля. По данным журнала Форбс, 70 % современных руководителей не обладают необходимыми знаниями в области управления изменениями, что свидетельствует о недостаточной проработке кадрового блока как субъекта управления изменениями вопроса развития управленческих компетенций.

Таким образом, для реализации стратегии организационной трансформации необходим системный, комплексный подход, направленный на работу с усиливающими проблемное поле изменений факторами. С точки зрения рассмотрения в нём места и роли функции управления персо-

нала, основной принцип стратегии можно изложить в виде формулировки «меняемся сами и меняем остальных».

В рамках такого подхода предлагается выделить три этапа организации работы с изменениями: этап диагностики трансформационного потенциала, этап уточнения оценки эффективности, этап индивидуальной работы. HR-функция в данном случае рассматривается одновременно и в каче-

стве примера объекта управления, и в качестве агента, сопровождающего внедрение изменений в организации.

Результаты.

Предлагаемые системные мероприятия в соответствии с выделенными этапами работы с изменениями в разрезе HR-функции приведены в таблице 1.

Таблица 1

Системные мероприятия по организации работы с изменениями

	Этап	Модерирующий фактор проблемного поля	HR-функция – объект управления («меняемся сами»)	HR-функция – субъект управления («меняем остальных»)
1	Этап диагностики трансформационного потенциала	Неэволюционный курс возникновения изменений Комплексная неготовность к изменениям	Проведение аналитики трансформационного потенциала на уровне подразделения: инструменты OCC и ROC	Проведение обучающих и фасилитирующих сессий по работе с инструментами оценки трансформационного потенциала и зрелости процессов
2	Этап уточнения оценки эффективности	Невозможность оценить экономический эффект трансформации	Внедрение управления по метрикам на уровне ключевых процессов с постановкой целей согласно бенчмаркингу, определение целевого состояния системы	Проведение обучающих сессий по методам целеполагания, модерирование обсуждений
3	Этап индивидуальной работы	Отсутствие применения системных инструментов при каскадировании работы с изменениями Некомпетентность руководителей	Внедрение системных инструментов при внедрении изменений (методология ADKAR, модель Маурера)	Обучение руководителей методологиям внедрения изменений, развитие компетенций сотрудников в области проектного управления

В рамках первого этапа предлагается проведение комплексной количественной оценки готовности к изменениям для митигации последующих рисков активного проявления проблемного поля. К основным инструментам, применяемым на данном этапе, можно отнести методику ROC (Readiness for organizational change) Д. Холта и методику OCC (Organizational Change Capability) [11], отображающих измерение показателей готовности и способности к организационным изменениям соответственно. Показатель OCC позволяет количественно оценить потенциал организации к возникновению в рамках неё эволюционных самозарождающихся изменений, в то время как с помощью показателя ROC возможно оценить готовность сотрудников разного уровня к уже определенным конкретным изменениям.

Таким образом, данные показатели могут применяться на стратегическом и тактическом уровне менеджмента изменений для диагностики западающих зон на системном и индивидуальном уровнях. К потенциальным ограничениям использования показателей относится отсутствие русифицированной версии опросника методики OCC, что является перспективной задачей для дальнейшей работы в данном направлении.

Этап уточнения оценки эффективности предполагает внедрение системы KPI, охватывающей ключевые процессы и позволяющей осуществ-

лять постановку целей в соответствии с лучшими практиками/бенчмаркингом. Масштабирование целеполагания до уровня проектной деятельности, результатом которой служит повышение метрик процессного уровня (метод HADI), возможно осуществлять через качественное описание конечных целей проекта. К основным инструментам, в данном направлении, можно отнести методику целеполагания OKR (Objective & Key Results), позволяющей раскрывать цель через набор ключевых результатов, а также «Дерево целей», представляющей цель в виде иерархической схемы с отдельными подзадачами.

При каскадировании трансформационных инициатив применение руководителем системных инструментов по работе с проблемным полем на индивидуальном уровне сотрудников способствует повышению их вовлеченности и обеспечивает более высокую степень приживаемости изменений. К подобным инструментам можно отнести модель ADKAR, описывающую последовательную проработку 5 уровней: осведомленности, желания, знания, умения и закрепления – а также модель Маурера, предполагающую системную работу с сопротивлением по факторам понимания сути изменения, эмоций и доверия к иницирующим перемены сотрудникам.

В рамках каждого из описанных этапов организации системной работы с изменениями, кадро-

вая функция рассматривается как центр экспертизы, обеспечивающий распространение и приживаемость внедряемых методик как в смежные функции, так и внутри собственного подразделения. В целевом состоянии кадровый менеджмент принимает непосредственное участие в формировании архитектуры трансформации организации, включающей в себя использование инструментов диагностики трансформационной гибкости компании, проработку этапа подготовки к изменениям с определением целей трансформации и обеспечения бесшовной передачи изменений на операционный уровень без эскалации системных рисков.

Необходимо отметить, что предлагаемые системные мероприятия могут быть внедрены в составе общих стратегий управления изменениями, таким образом дополняя и конкретизируя её отдельные шаги. К примеру, при использовании модели изменений Дж. Коттера, этапы диагностики трансформационного потенциала и уточнения оценки эффективности будут являться подэтапом в рамках подготовки к проведению трансформации, а этап индивидуальной работы – подэтапом в рамках внедрения и закрепления изменений. Уточненная структура модели Дж. Коттера, соотнесенная с этапами внедрения изменений методологии Prosci, представлена в таблице 2.

Таблица 2

Уточненная модель управления изменениями Коттера

Этапы изменений	I. Подготовка	II. Внедрение	III. Закрепление
Шаги управления изменениями по Коттеру	1. Создание атмосферы необходимости изменений 2. Формирование группы единомышленников 3. Разработка видения стратегии	4. Коммуникация видения изменений 5. Устранение препятствий 6. Создание быстрых побед	7. Закрепление изменений в культуре 8. Обеспечение устойчивости изменений
Поддерживающие инструменты	OCC, ROC, целеполагание по OKR, процессные KPI	ADKAR, модель Маурера	ADKAR, регламент аудитов устойчивости

Заключение.

Менеджмент изменений представляет собой актуальное и перспективное направление исследований, затрагивающее процессы компаний широкого спектра отраслей. Применение кросс-дисциплинарного подхода, включающего в себя сочетание методов и инструментов в области экономики, психологии и специфических технологических знаний позволяет конкретизировать особенности проявления проблемного поля изменений и выбора стратегий реагирования.

Предложенные системные мероприятия в соответствии с этапами организации работы с изме-

нениями позволяют акцентировать внимание на обеспечении эволюционного вектора развития компаний и уточнить отдельные шаги по выстраиванию трансформационной работы в соответствии со спецификой кадровой функции, рассматриваемой в данном исследовании в качестве примера.

К дальнейшим шагам в рамках развития подходов к управлению изменениями можно отнести уточнение отдельных шагов в существующих моделях работы с сопротивлениями, их адаптация под различные условия корпоративных сред, а также интеграция теорий и практических разработок смежных дисциплин.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Теванян А.М. Адаптация экономических систем к стрессовым нагрузкам посредством управления интеллектуальным капиталом // КЭ. 2017. № 11. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-ekonomicheskikh-sistem-k-stressovym-nagruzkam-posredstvom-upravleniya-intellektualnym-kapitalom> (дата обращения 17.08.2026).
2. Петрова, М.О. Адаптивные стратегии бизнеса в условиях экономической нестабильности // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № 1. URL : <https://esj.today/PDF/109FAVN125.pdf> (дата обращения 15.08.2026). EDN: JHIWWJ

3. Блинов А.О. Менеджмент изменений: от хорошего к лучшему / А.О. Блинов, Н.В. Угрюмова // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2015. № 2(12). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/menedzhment-izmeneniy-ot-horoshego-k-luchshemu> (дата обращения 18.08.2026). EDN: UBUXNR
4. Результаты исследования практик внедрения изменений 2023 ЭКОПСИ Консалтинг. URL : https://www.ecopsy.ru/upload/iblock/d9f/8ydoro3loohgjq5rnqqwif4bxf5veq2y/lssledovanie_praktik_vnedreniya_izmeneniy_EKOPSI_2023.pdf (дата обращения 16.08.2026).
5. Koilakonda Raghunath Reddy. Global Trends in Change Management: Insights and Key Takeaways for 2025 / Koilakonda Raghunath Reddy & Franklin Melanie // International Journal of Trend in Scientific Research and Development. 2025. Vol. 9. P. 140–146.
6. A Review of the Success and Failure Factors for Change Management / Dempsey Mary [et al.]. 2022. IEEE Engineering Management Review. Vol. 50. P. 85–93.
7. Калашникова И.В. Менеджмент изменений: архетипы корпоративных преобразований и проблемное поле управления / И.В. Калашникова, М.А. Сигитова // Вестник ТОГУ. 2022. № 3(66). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/menedzhment-izmeneniy-arhetipy-korporativnyh-pre-obrazovaniy-i-problemnoe-pole-upravleniya> (дата обращения 21.08.2026). EDN: QQILHZ
8. Наумцева Е.А. Анализ психометрических свойств русскоязычной версии опросника Д. Холта «Готовность к организационным изменениям» // Организационная психология. 2016. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-psihometricheskikh-svoystv-russkoyazychnoy-versii-oprosnika-d-holta-gotovnost-k-organizatsionnym-izmeneniyam> (дата обращения 16.08.2026). EDN: XSBKHZ
9. Салимьянова И.Г. Инновации в менеджменте / И.Г. Салимьянова, Е.А. Дячук // Стратегии бизнеса. 2016. № 8(28). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-v-menedzhmente> (дата обращения 18.08.2026). EDN: WWJUXD
10. Мугаева Е.В. Непрофессионализм руководителя как фактор снижения эффективности деятельности организации // Вестник Академии знаний. 2019. № 1(30). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/neprofessionalizm-rukovoditelya-kak-faktor-snizheniya-effektivnosti-deyatelnosti-organizatsii> (дата обращения 20.08.2026). EDN: NHKSVZ
11. The organizational change capability of public organizations: Concept and measurement / Vanhengel Sven [et al.] // Public Money & Management. 2025. Vol. 46. P. 112–123.

References:

1. Tevanyan A.M. Adaptation of economic systems to stress loads through intellectual capital management // CE. 2017. № 11. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-ekonomicheskikh-sistem-k-stressovym-nagruzkam-posredstvom-upravleniya-intellektualnym-kapitalom> (date of application 08/17/2026).
2. Petrova M.O. Adaptive business strategies in conditions of economic instability // Vestnik evraziyskoy nauki. 2025. Vol. 17. № s1. URL: <https://esj.today/PDF/109FAVN125.pdf> (date of application 15.08.2026). EDN: JHIWWJ
3. Blinov A.O. Change Management: From Good to Better / A.O. Blinov, N.V. Ugryumova // Vestnik UGNTU. Science, Education, Economics. Series: Economics. 2015. № 2(12). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/menedzhment-izmeneniy-ot-horoshego-k-luchshemu> (date of application 18.08.2026). EDN: UBUXNR
4. Results of a study of change implementation practices, 2023, ECOPSI Consulting. URL : https://www.ecopsy.ru/upload/iblock/d9f/8ydoro3loohgjq5rnqqwif4bxf5veq2y/lssledovanie_praktik_vnedreniya_izmeneniy_EKOPSI_2023.pdf (date of application 08/16/2026).
5. Koilakonda Raghunath Reddy. Global Trends in Change Management: Insights and Key Takeaways for 2025 / Koilakonda Raghunath Reddy & Franklin Melanie // International Journal of Trend in Scientific Research and Development. 2025. Vol. 9. P. 140–146.
6. A Review of the Success and Failure Factors for Change Management / Dempsey Mary [et al.]. 2022. IEEE Engineering Management Review. Vol. 50. P. 85–93.
7. Kalashnikova I.V. Change Management: Archetypes of Corporate Transformations and the Problem Field of Management / I.V. Kalashnikova, M.A. Sigitova // Bulletin of the Pacific National University. 2022. № 3(66). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/menedzhment-izmeneniy-arhetipy-korporativnyh-preobrazovaniy-i-problemnoe-pole-upravleniya> (date of application 21.08.2026). EDN: QQILHZ
8. Naumtseva E.A. Analysis of the psychometric properties of the Russian-language version of D. Holt's questionnaire «Readiness for Organizational Change» // Organizational Psychology. 2016. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-psihometricheskikh-svoystv-russkoyazychnoy-versii-oprosnika-d-kholta-gotovnost-k-organizatsionnym-izmeneniyam> (date of application 16.08.2026). EDN: XSBKHZ
9. Salimyanova I.G. Innovations in Management / I.G. Salimyanova, E.A. Dyachuk // Business Strategies. 2016. № 8(28). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsii-v-menedzhmente> (date of application 18.08.2026). EDN: WWJUXD
10. Mugayeva E.V. Unprofessionalism of a Manager as a Factor Reducing the Efficiency of an Organization's Activities // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2019. № 1(30). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/unprofessionalism-of-the-manager-as-a-factor-reducing-the-effectiveness-of-an-organization-s-activities> (date of application 20.08.2026). EDN: NHKSVZ
11. The organizational change capability of public organizations: Concept and measurement / Vanhengel Sven [et al.] // Public Money & Management. 2025. Vol. 46. P. 112–123.

Информация об авторе

Давыдов Никита Александрович

аспирант кафедры менеджмента,
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
davydow.nikita@mail.ru

Nikita A. Davydov

Postgraduate Student
at the Department of Management,
Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design
davydow.nikita@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.08.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.09.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-5>

УДК 336.761:330.16

Attribution

cc by

КАСКАДНЫЙ СКОРИНГ КРИЗИСНЫХ СИГНАЛОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДДЕРЖКИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ РЕШЕНИЙ ЧАСТНЫХ ИНВЕСТОРОВ

Дубков Г.И.

Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

Аннотация. В статье рассматривается проблема принятия инвестиционных решений частными инвесторами в условиях кризисных явлений на фондовом рынке. Актуальность исследования определяется тем, что в периоды высокой волатильности и неопределённости поведение частного инвестора отклоняется от модели полной рациональности и в значительной степени зависит от неприятия потерь, стадного поведения, новостного шума и ошибок тайминга. Цель статьи состоит в разработке и апробации каскадного скоринга кризисных сигналов как инструмента, позволяющего структурировать инвестиционный выбор частного инвестора в кризисной среде. Методологическую основу составили положения поведенческих финансов, сигнальный подход к раннему предупреждению кризисов, вероятностные модели кризисной диагностики, а также анализ рыночных, волатильностных, ликвидностных и макроэкономических индикаторов российского фондового рынка. Предложен интегральный показатель, агрегирующий сигналы глубины снижения рынка, индекса волатильности, реализованной волатильности, изменения ключевой ставки и внешнего сырьевого фона. Показано, что каскадный скоринг позволяет связать диагностику кризисного режима с допустимым форматом поведения частного инвестора. Результаты апробации свидетельствуют о том, что использование скоринга в составе адаптивной стратегии улучшает профиль «доходность–риск» по сравнению с пассивными и реактивными моделями инвестиционного поведения. Сделан вывод о том, что каскадный скоринг может рассматриваться как методический инструмент поддержки инвестиционных решений частных инвесторов в условиях кризисных явлений на фондовом рынке.

Ключевые слова: поведенческие финансы, частный инвестор, кризисные явления, фондовый рынок, каскадный скоринг, инвестиционное решение, адаптивная стратегия.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CASCADE SCORING OF CRISIS SIGNALS AS A TOOL TO SUPPORT PRIVATE INVESTORS' INVESTMENT DECISIONS

Georgii I. Dubkov

International Banking Institute named After Anatoly Sobchak

Abstract. The article examines investment decision-making by private investors under stock market crisis conditions. The relevance of the study is determined by the fact that in periods of high volatility and uncertainty, the behavior of private investors deviates from the full rationality model and is significantly influenced by loss aversion, herd behavior, news noise, and timing errors. The purpose of the article is to develop and test a cascade scoring model of crisis signals as a tool for structuring private investors' decisions in a crisis environment. The methodological framework is based on behavioral finance, the signal approach to early crisis detection, probabilistic crisis-diagnosis models, and the analysis of market, volatility, liquidity, and macroeconomic indicators of the Russian stock market. An integral indicator is proposed that aggregates signals of market drawdown, the volatility index, realized volatility, key rate changes, and the external commodity background. It is shown that cascade scoring links crisis detection with a permissible format of investor behavior. The empirical testing indicates that using the scoring model within an adaptive strategy improves the risk-return profile compared to passive and reactive investment behavior models. It is concluded that cascade scoring can be considered a methodological tool for supporting private investors' decisions under stock market crisis conditions.

Keywords: behavioral finance, private investor, crisis phenomena, stock market, cascade scoring, investment decision, adaptive strategy.

Funding: Independent work.

Введение.

Современный фондовый рынок характеризуется высокой чувствительностью к макроэкономическим, финансовым и геополитическим шокам, вследствие чего кризисные эпизоды становятся повторяющимся элементом рыночной динамики. В этих условиях частный инвестор сталкивается не только с ухудшением ценовых и доходностных характеристик активов, но и с усилением поведенческих искажений, изменяющих саму логику инвестиционного выбора.

Теория перспектив показывает, что решения в условиях риска принимаются не как нейтральное сопоставление ожидаемой полезности, а через восприятие выигрышей и потерь относительно референтной точки, причём потери субъективно значимее равновеликих выигрышей [1].

Поведенческие финансы, в более широком смысле, рассматривают рынок как среду, в которой часть агентов не является полностью рациональной, а рыночные результаты зависят не только от фундаментальных факторов, но и от психологии, ограниченной рациональности и пределов арбитража [2]. В российском контексте, эта логика проявляется через различие типов финансового поведения: сочетание финансовой культуры, отношения к риску, доверия к инструментам и институциональной среды влияет на то, как экономический субъект реагирует на рыночный стресс [11].

Для частных инвесторов данные положения имеют прикладное значение. Исследования показывают, что инвесторы склонны преждевременно фиксировать прибыль и слишком долго удерживать убыточные позиции, демонстрируя эффект расположения [3]. В кризисной среде это искажение усиливается за счёт страха, неопределённости и реакции на новостной шум.

Эмпирические исследования поведения индивидуальных инвесторов в период финансового кризиса показывают, что снижение доходностных ожиданий, рост субъективного восприятия риска и уменьшение риск-толерантности существенно меняют инвестиционные решения частных лиц [4].

Роберт Шиллер, анализируя кризисные фазы рынка, связывает их с избыточной волатильностью, коллективными нарративами и отклонением цен от фундаментальных оснований [5].

Исследования российского рынка показывают, что выбор финансовых инструментов частными инвесторами зависит не только от уровня знаний, но и от риск-толерантности; поэтому кризисный сигнал должен быть связан с поведенче-

ским ограничителем, а не только с прогнозом доходности [12].

Несмотря на развитие исследований поведенческих финансов и кризисной диагностики, сохраняется методический разрыв между этими направлениями. С одной стороны, имеются сигнальные модели раннего предупреждения кризисов и вероятностные модели перехода в кризисный режим [6; 7]. С другой стороны, существует широкий корпус исследований, объясняющих иррациональность инвестиционного поведения [1–5]. Для российского фондового рынка этот разрыв особенно заметен: портфельные решения требуют учёта не только статистических параметров риска, но и поведенческого восприятия убытков, горизонта удержания активов и реакции на денежно-кредитный фон [13]. Однако значительно слабее разработан вопрос, каким образом данные подходы могут быть объединены в прикладной инструмент, пригодный для использования частным инвестором в условиях кризисной неопределённости. Это и определяет исследовательскую задачу настоящей статьи.

Цель статьи состоит в разработке и апробации каскадного скоринга кризисных сигналов как инструмента поддержки инвестиционных решений частных инвесторов на фондовом рынке.

Методологическую основу исследования составляют три направления.

Первое связано с сигнальным подходом к выявлению кризисов. В классической постановке Г. Камински, С. Лизондо и К. Рейнхарт кризис диагностируется через пороговые отклонения индикаторов от нормального поведения; при выходе показателя за критическое значение формируется предупреждающий сигнал [6].

Второе направление представлено вероятностными моделями кризисной диагностики. М. Бюссьер и М. Фратцшер показали, что более корректной является режимная логика, допускающая выделение предкризисных, кризисных и посткризисных состояний [7].

Третье направление связано с работами о типах и последствиях финансовых кризисов, где кризис трактуется как многомерное явление, включающее валютные, банковские, долговые и иные шоки [8].

Эмпирическая база исследования включает данные российского фондового рынка за 2008–2025 гг. В качестве рыночных индикаторов использованы динамика индекса Московской биржи, индекса РТС и доходности ликвидных акций крупнейших российских эмитентов. В качестве индикатора

ожидаемой волатильности использован индекс RVI Московской биржи, отражающий 30-дневную ожидаемую волатильность, вычисляемую на основе цен опционов на индекс РТС [9]. Для учёта денежно-кредитного фона использована динамика ключевой ставки Банка России [10]. Дополнительно в расчётный контур включены глубина снижения рынка от локального максимума, реализованная волатильность и внешний сырьевой фактор. Выделение волатильностного блока опирается на логику моделей условной и реализованной волатильности, в которых рыночный риск рассматривается как нестационарная величина, способная резко усиливаться в периоды финансового стресса [14–17].

Обсуждение.

В работе кризисное состояние рынка фиксируется через сочетание формального и прикладного критериев. Формальный критерий задаётся как существенное снижение рынка от предшествующего максимума. Прикладной критерий задаётся через совпадение нескольких стрессовых сигналов. Интегральный каскадный скоринг имеет вид:

$$\text{Score}_t = w_1 I(RVI_t > q_{0,8}) + w_2 I(\sigma_t^{30} > q_{0,8}) + w_3 I(DD_t < -0.15) + w_4 I(\Delta Rate_t > 0) + w_5 I(\Delta Brent_t < -x), \quad (1)$$

где $I(\cdot)$ – индикатор выполнения условия; DD_t – глубина снижения рынка; RVI_t – индекс ожидаемой волатильности; σ_t^{30} – реализованная волатильность; $\Delta Rate_t$ – изменение ключевой ставки; $\Delta Brent_t$ – изменение внешнего сырьевого фактора; w_i – веса соответствующих сигналов.

Содержательный смысл каскадного скоринга состоит в том, что он переводит множество разрозненных признаков кризиса в единый интегральный показатель, пригодный для инвестиционного решения. Если отдельный сигнал инвестор может интерпретировать субъективно, то совпадение нескольких признаков уменьшает

влияние эмоциональной реакции и повышает дисциплину выбора. Агрегирование рыночных и макрофинансовых признаков согласуется с подходами к оценке системного риска, где стресс фиксируется не одним наблюдением, а сочетанием рыночной волатильности, потерь капитала и ухудшения финансовых условий [18; 19].

Проведённая апробация показала, что наибольшую информативность для кризисной диагностики обеспечивает сочетание трёх групп признаков: глубины снижения рынка, волатильностных индикаторов и денежно-кредитного фона. Использовать только величину падения рынка для определения кризиса недостаточно. Этот показатель реагирует на снижение уже после его начала и не всегда позволяет понять, является ли оно кратковременной коррекцией или переходом рынка в более устойчивое стрессовое состояние. Поэтому в расчёт дополнительно включены RVI и реализованная волатильность. Они позволяют учитывать изменение напряжённости на рынке. Ключевая ставка и динамика внешнего сырьевого фактора используются для учёта условий, имеющих особое значение для российского рынка [9; 10].

Итоговый балл скоринга определяет, как должен меняться состав портфеля. Пока кризисные признаки выражены слабо, доля рискованных активов сохраняется на обычном уровне. По мере усиления сигналов портфель переводится в переходный режим, и риск сокращается постепенно. При высоком значении скоринга используется защитная модель: доля рискованных активов уменьшается, а часть капитала перераспределяется в денежные средства и инструменты с более низким уровнем риска. Такая режимная логика особенно важна для частного инвестора, поскольку связывает диагностику состояния рынка с допустимым типом поведения. По своей экономической логике она близка к адаптивной гипотезе рынка, где устойчивость инвестиционного решения зависит от способности участника менять правила поведения при смене рыночного режима [20].

Таблица 1

Состав каскадного скоринга кризисных сигналов

Сигнал	Содержание	Поведенческий смысл
Индекс RVI выше порога	Рост ожидаемой волатильности	Усиление страха и негативных ожиданий
Реализованная волатильность выше порога	Фактический рост риска	Дестабилизация решений
Глубокое снижение рынка	Существенное падение индекса	Усиление неприятия потерь
Рост ключевой ставки	Ужесточение денежно-кредитных условий	Рост склонности к избеганию риска
Негативный внешний шок	Ухудшение внешнего сырьевого фона	Усиление тревожности и неопределённости

Источник: разработано автором.

Для проверки практической значимости каскадный скоринг был включён в состав адаптивной стратегии и сопоставлен с базовыми моделями инвестиционного поведения: стратегией «купи и держи», трендовой, стоимостной и защитной

стратегиями. Сопоставление проводилось на совокупности кризисных эпизодов российского рынка. Итоговые результаты представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Сравнение результатов стратегий в кризисных эпизодах, %.

Источник: рассчитано автором.

Результаты.

Полученные результаты свидетельствуют о нескольких важных эффектах.

Во-первых, каскадный скоринг в составе адаптивной стратегии существенно улучшает профиль «доходность–риск» по сравнению с пассивной моделью удержания рынка. Хотя защитная стратегия показала более высокую итоговую доходность, она сопровождалась заметно более глубоким максимальным снижением, что делает адаптивную модель более сбалансированной именно для частного инвестора. На отдельных кризисных участках трендовая и стоимостная стратегии давали худший результат, когда применялись без учёта состояния рынка. По нашим расчётам, сначала необходимо определить рыночный режим и только после этого выбирать вариант поведения портфеля.

Кризис влияет не только на доходность и волатильность, но и на решения самого инвестора. В момент сильного падения рынка слишком поздно сократить риск, а после первого отскока – слишком рано вернуть в портфель рискованные активы. Поэтому опираться только на движение цены или на одну выбранную стратегию недостаточно. Каскадный скоринг в этом случае нужен как дополнительный фильтр: решение принимается не по одному признаку, а по их совокупности. Такой принцип близок к сигнальному подходу раннего предупреждения кризисов [6] и одновременно учитывает необходимость менять поведение при смене рыночного режима [20].

Отдельные рыночные сигналы легко трактовать по-разному. Рост волатильности может подтолкнуть инвестора к продаже активов, сильное падение – наоборот, к поспешной покупке, а изменение ключевой ставки вообще остаться без внимания. Скоринг нужен для того, чтобы не принимать решение по одному признаку. Когда несколько сигналов рассматриваются вме-

сте, становится понятнее, нужно ли сохранять текущую структуру портфеля или снижать риск.

У частного инвестора, как правило, нет отдельной системы риск-менеджмента, которой располагают профессиональные участники рынка. Поэтому в период резкого падения решения нередко принимаются непосредственно под влиянием текущих новостей и движения котировок. В данной работе скоринг не используется для поиска минимальной точки рынка. Его задача другая – заранее определить условия, при которых риск в портфеле следует уменьшать или, наоборот, можно постепенно увеличивать. Это важно и для российского рынка, где на выбор финансовых инструментов влияют финансовая грамотность и отношение инвестора к риску [12].

Заключение.

По результатам расчётов каскадный скоринг можно использовать как один из ориентиров при выборе действий частного инвестора в кризисный период. В расчёт одновременно входят показатели снижения рынка, волатильности, изменения ключевой ставки и внешнего сырьевого фона. Поэтому переход от одного режима портфеля к другому определяется не одним отдельным сигналом, а их сочетанием. Такой подход согласуется с исследованиями волатильности и системного риска, где состояние финансового рынка также оценивается по совокупности признаков [14–19].

Новизна этого подхода заключается в том, что оценка кризисного состояния рынка напрямую связана с дальнейшими действиями инвестора: итоговый сигнал показывает не только уровень напряжённости на рынке, но и то, как в этой ситуации следует менять работу с портфелем.

Практическая апробация показала, что использование каскадного скоринга в составе адаптивной стратегии обеспечивает более благоприят-

ное сочетание доходности и максимального снижения капитала по сравнению с пассивными и реактивными моделями поведения. Это позволяет сделать вывод о целесообразности даль-

нейшего развития поведенчески ориентированных инструментов кризисной диагностики и их использования в системах поддержки инвестиционных решений частных инвесторов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Kahneman D. Prospect theory: an analysis of decision under risk / D. Kahneman, A. Tversky // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. № 2. P. 263–291. DOI: 10.2307/1914185
2. Barberis N. A survey of behavioral finance / N. Barberis, R. Thaler // *Handbook of the Economics of Finance*. 2003. Vol. 1. P. 1053–1128. DOI: 10.1016/S1574-0102(03)01027-6
3. Shefrin, H. The disposition to sell winners too early and ride losers too long: theory and evidence / H. Shefrin, M. Statman // *The Journal of Finance*. 1985. Vol. 40. № 3. P. 777–790. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1985.tb05002.x
4. Hoffmann A.O.I. Individual investor perceptions and behavior during the financial crisis / A.O.I. Hoffmann, T. Post, J.M.E. Pennings // *Journal of Banking and Finance*. 2013. Vol. 37. № 1. P. 60–74. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2012.08.007
5. Shiller R.J. *Irrational Exuberance*. 3rd ed. Princeton : Princeton University Press, 2015. 392 p. DOI: 10.1515/9781400865536
6. Kaminsky G. Leading indicators of currency crises / G. Kaminsky, S. Lizondo, C. Reinhart // *IMF Staff Papers*. 1998. Vol. 45. № 1. P. 1–48. DOI: 10.2307/3867328
7. Bussière M. Towards a new early warning system of financial crises / M. Bussière, M. Fratzscher // *Journal of International Money and Finance*. 2006. Vol. 25. № 6. P. 953–973.
8. Claessens S. Financial crises: explanations, types, and implications / S. Claessens, M.A. Kose. Washington, DC : International Monetary Fund, 2013. 66 p. DOI: 10.5089/9781475561005.001
9. The New Russian Volatility Index – RVI // Moscow Exchange: official website. URL : <https://www.moex.com/en/index/RVI> (date of application 21.04.2026).
10. Key rate // Bank of Russia: официальный сайт. URL : https://www.cbr.ru/eng/hd_base/KeyRate (date of application 21.04.2026).
11. Масленников В.В. Факторы формирования типов финансового поведения экономических субъектов / В.В. Масленников, А.В. Ларионов, М.А. Гагарина // *Финансы: теория и практика*. 2022. Т. 26. № 2. С. 88–103. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-88-103 EDN: REIROB
12. Мельников Р.М. Влияние уровня финансовой грамотности на выбор финансовых инструментов частными инвесторами в российских условиях // *Финансы: теория и практика*. 2024. Т. 28, № 5. С. 239–248. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-5-239-248 EDN: SGVQRT
13. Редькин Н.М. Оптимизация инвестиционного портфеля на российском фондовом рынке в контексте поведенческой теории // *Финансы: теория и практика*. 2019. Т. 23. № 4. С. 99–116. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-4-99-116 EDN: UJIMRR
14. Engle R.F. Autoregressive conditional heteroscedasticity with estimates of the variance of United Kingdom inflation // *Econometrica*. 1982. Vol. 50. № 4. P. 987–1007. DOI: 10.2307/1912773
15. Bollerslev T. Generalized autoregressive conditional heteroskedasticity // *Journal of Econometrics*. 1986. Vol. 31. № 3. P. 307–327. DOI: 10.1016/0304-4076(86)90063-1
16. Glosten L.R. On the relation between the expected value and the volatility of the nominal excess return on stocks / L.R. Glosten, R. Jagannathan, D.E. Runkle // *The Journal of Finance*. 1993. Vol. 48. № 5. P. 1779–1801. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1993.tb05128.x
17. Corsi F. A simple approximate long-memory model of realized volatility // *Journal of Financial Econometrics*. 2009. Vol. 7. № 2. P. 174–196. DOI: 10.1093/jfinec/nbp001
18. Adrian T. CoVaR / T. Adrian, M.K. Brunnermeier // *American Economic Review*. 2016. Vol. 106. № 7. P. 1705–1741. DOI: 10.1257/aer.20120555
19. Brownlees C. SRISK: a conditional capital shortfall measure of systemic risk / C. Brownlees, R.F. Engle // *The Review of Financial Studies*. 2017. Vol. 30. № 1. P. 48–79. DOI: 10.1093/rfs/hhw060
20. Lo A.W. The adaptive markets hypothesis: market efficiency from an evolutionary perspective // *The Journal of Portfolio Management*. 2004. Vol. 30. № 5. P. 15–29. DOI: 10.3905/jpm.2004.442611

References:

1. Kahneman D. Prospect theory: an analysis of decision under risk / D. Kahneman, A. Tversky // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. № 2. P. 263–291. DOI: 10.2307/1914185
2. Barberis N. A survey of behavioral finance / N. Barberis, R. Thaler // *Handbook of the Economics of Finance*. 2003. Vol. 1. P. 1053–1128. DOI: 10.1016/S1574-0102(03)01027-6
3. Shefrin, H. The disposition to sell winners too early and ride losers too long: theory and evidence / H. Shefrin, M. Statman // *The Journal of Finance*. 1985. Vol. 40. № 3. P. 777–790. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1985.tb05002.x
4. Hoffmann A.O.I. Individual investor perceptions and behavior during the financial crisis / A.O.I. Hoffmann, T. Post, J.M.E. Pennings // *Journal of Banking and Finance*. 2013. Vol. 37. № 1. P. 60–74. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2012.08.007
5. Shiller R.J. *Irrational Exuberance*. 3rd ed. Princeton : Princeton University Press, 2015. 392 p. DOI: 10.1515/9781400865536
6. Kaminsky G. Leading indicators of currency crises / G. Kaminsky, S. Lizondo, C. Reinhart // *IMF Staff Papers*. 1998. Vol. 45. № 1. P. 1–48. DOI: 10.2307/3867328
7. Bussière M. Towards a new early warning system of financial crises / M. Bussière, M. Fratzscher // *Journal of International Money and Finance*. 2006. Vol. 25. № 6. P. 953–973.
8. Claessens S. Financial crises: explanations, types, and implications / S. Claessens, M.A. Kose. Washington, DC : International Monetary Fund, 2013. 66 p. DOI: 10.5089/9781475561005.001
9. The New Russian Volatility Index – RVI // Moscow Exchange: official website. URL : <https://www.moex.com/en/index/RVI> (date of application 21.04.2026).
10. Key rate // Bank of Russia: официальный сайт. URL : https://www.cbr.ru/eng/hd_base/KeyRate (date of application 21.04.2026).
11. Maslennikov V.V. Factors shaping types of financial behavior of economic entities / V.V. Maslennikov, A.V. Larionov, M.A. Gagarina // *Finance: Theory and Practice*. 2022. Vol. 26. № 2. P. 88–103. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-88-103 EDN: REIROB
12. Melnikov R.M. The Impact of the Level of Financial Literacy on the Choice of Financial Instruments by Private Investors in Russia // *Finance: Theory and Practice*. 2024. Vol. 28. № 5. P. 239–248. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-5-239-248 EDN: SGVQRT
13. Redkin N.M. Optimization of an investment portfolio in the Russian stock market in the context of behavioral theory // *Finance: Theory and Practice*. 2019. Vol. 23. № 4. P. 99–116. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-4-99-116 EDN: UJIMRR
14. Engle R.F. Autoregressive conditional heteroscedasticity with estimates of the variance of United Kingdom inflation // *Econometrica*. 1982. Vol. 50. № 4. P. 987–1007. DOI: 10.2307/1912773
15. Bollerslev T. Generalized autoregressive conditional heteroskedasticity // *Journal of Econometrics*. 1986. Vol. 31. № 3. P. 307–327. DOI: 10.1016/0304-4076(86)90063-1
16. Glosten L.R. On the relation between the expected value and the volatility of the nominal excess return on stocks / L.R. Glosten, R. Jagannathan, D.E. Runkle // *The Journal of Finance*. 1993. Vol. 48. № 5. P. 1779–1801. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1993.tb05128.x
17. Corsi F. A simple approximate long-memory model of realized volatility // *Journal of Financial Econometrics*. 2009. Vol. 7. № 2. P. 174–196. DOI: 10.1093/jfinec/nbp001
18. Adrian T. CoVaR / T. Adrian, M.K. Brunnermeier // *American Economic Review*. 2016. Vol. 106. № 7. P. 1705–1741. DOI: 10.1257/aer.20120555
19. Brownlees C. SRISK: a conditional capital shortfall measure of systemic risk / C. Brownlees, R.F. Engle // *The Review of Financial Studies*. 2017. Vol. 30. № 1. P. 48–79. DOI: 10.1093/rfs/hhw060
20. Lo A.W. The adaptive markets hypothesis: market efficiency from an evolutionary perspective // *The Journal of Portfolio Management*. 2004. Vol. 30. № 5. P. 15–29. DOI: 10.3905/jpm.2004.442611

Информация об авторе

Дубков Георгий Игоревич

аспирант кафедры ценных бумаг и инвестиций,
Автономная некоммерческая организация
высшего образования
«Международный банковский институт
имени Анатолия Собчака»,
г. Санкт-Петербург
ORCID iD: 0009-0002-8289-138X
gdubkov@gmail.com

Georgy I. Dubkov

Postgraduate Student of the Department
of Securities and Investments,
Autonomous Non-Profit Organization
of Higher Education
«Anatoly Sobchak International Banking Institute»,
Saint Petersburg
ORCID iD: 0009-0002-8289-138X
gdubkov@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 01.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-10>

УДК 658

Attribution

cc by

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ВИНОДЕЛЬЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В СФЕРЕ ИННОВАЦИЙ

Курочкин Н.О.

Приволжский государственный университет путей сообщения

Аннотация. Ключевая цель разработки методики оценки устойчивости функционирования предприятий винодельческой отрасли в сфере инноваций – потребность в определении их способности не только выпускать новшества на рынок, но и системно использовать нововведения для обеспечения лидерства, экономического развития и повышения конкурентоспособности в турбулентных условиях экономики. Для ее достижения в работе использованы методы системного, статистического, сравнительного, факторного анализа и синтеза, экономико-математического моделирования. Основополагающими результатами проведенного исследования, способствующими приоритизации направлений инвестирования средств и адекватному выбору инструментария управления инновациями и инновационными проектами, являются следующие: уточнено понятие «инновационная устойчивость предприятий», определены факторы, воздействующие на нее, а также структурированы действия по анализу эффектов от нововведений, базирующемуся на определении их релевантности стратегии и миссии винодельческих предприятий.

Ключевые слова: инновационная устойчивость, экономическое развитие, конкурентоспособность, предприятия винодельческой отрасли, инновации.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

A METHODOLOGY FOR ASSESSING THE SUSTAINABILITY OF WINE INDUSTRY ENTERPRISES IN THE FIELD OF INNOVATION

Nikolai O. Kurochkin

Volga Region State University of Railway Engineering

Abstract. The key objective of developing a methodology for assessing the sustainability of wine industry enterprises in the area of innovation is the need to determine their ability not only to introduce innovations to the market but also to systematically utilize them to ensure leadership, economic development, and increased competitiveness in turbulent economic conditions. To achieve this, the study utilized methods of systemic, statistical, comparative, factor analysis and synthesis, as well as economic and mathematical modeling. The fundamental results of the study, which facilitate the prioritization of investment areas and the appropriate selection of tools for managing innovation and innovation projects, are as follows: the concept of «innovative sustainability of enterprises» has been clarified, the factors influencing it have been identified, and actions for analyzing the effects of innovations based on determining their relevance to the strategy and mission of wine enterprises have been structured.

Keywords: innovative sustainability, economic development, competitiveness, wine industry enterprises, innovation.

Funding: Independent work.

Введение.

На современном этапе развития российской экономики деятельность предприятий винодельческой отрасли сфокусирована на решении задач обеспечения устойчивости функционирования с позиций определения адекватных стратегий их

дальнейшего развития. Особую актуальность при этом приобретает проблема обеспечения инновационной устойчивости, проявившаяся в результате глобальных экономических подвижек, геополитической нестабильности и резких изменений условий хозяйствования.

Виноградарство и виноделие являются стратегически важными направлениями агропромышленного комплекса России. Проблема обеспечения инновационной устойчивости отраслевых предприятий в настоящее время весьма актуальна. События последнего десятилетия (санкции, ограничение ввоза иностранного сырья, удобрений и пр.) оказали значительное воздействие на их развитие. Любые промедления в направлении выработки адекватного управленческого ответа на проявление разнородных негативных факторов внешней среды может поставить под угрозу будущее виноделен и нивелировать занимаемые ими рыночные позиции.

В связи с вышеперечисленным, можно сказать, что назрела объективная потребность в разработке методического инструментария, позволяющего не только оценить текущий уровень инновационной устойчивости предприятий, но и выявить резервы ее повышения. Существующие подходы к оценке инновационной устойчивости, в большинстве своем, разработаны для промышленных предприятий, что осложняет их копирование и трансфер на винодельнях, т. к. они не учитывают их отраслевую специфику.

В целом в научной литературе предлагается не так много разработок, ориентированных на повышение инновационной устойчивости предприятий. Например, в работе С.М. Талерчик и А.А. Зайцева освещаются общие вопросы по этой проблематике, формируются выводы по созданию благоприятных условий для продвижения инноваций и активизации инновационного развития РФ [1]. Ключевой акцент делается на аграрной сфере.

А.С. Воронов проводит исследование в разрезе инновационной устойчивости территории, рассматривая основополагающие элементы национальной инновационной системы и устанавливая взаимосвязи между эффективностью ее функционирования и активностью инновационных процессов в регионе [2].

И.Р. Злотников также фокусирует внимание на региональной инновационной устойчивости, базирующейся на системной интеграции кадрового потенциала, технологической инфраструктуры, финансовых инструментов и институциональной среды [3].

Е.А. Панова предлагает методику оценки устойчивости инновационного развития промышленного предприятия с использованием интегрального показателя, обеспечивающая анализ отдельных компонентов их инновационной деятельности [4].

С.Н. Яшин и Ю.С. Солдатова формируют стратегию по достижению устойчивости инновационного развития отечественных предприятий без акцента на какой-либо отрасли [5].

Из представленного выше анализа научных трудов видно, что проблема оценки инновационной устойчивости отечественных предприятий не раскрыта в полной мере. В целом, в научном сообществе не так много работ, которые ориентированы на исследование и решение проблем устойчивого функционирования винодельческой отрасли в сфере инноваций. Например, по запросу «Винодельческая отрасль» на портале E-library за последние 5 лет насчитывается 18 работ, из которых нет ни одной, посвященной проблематике этой статьи. Этот факт свидетельствует о своевременности и актуальности производимого исследования.

Таким образом, цель настоящего исследования состоит в определении сущности и уточнении понятия «инновационная устойчивость», идентификации факторов, влияющих на нее и разработке методики оценки устойчивости функционирования предприятий винодельческой отрасли в сфере инноваций.

Обсуждение

Для достижения поставленной цели автором сформулировано понятие «инновационная устойчивость».

Инновационная устойчивость винодельческого предприятия — это его способность не просто внедрять новинки, а системно использовать инновации, чтобы стабильно наращивать темпы экономического развития и укреплять, и даже повышать конкурентоспособность в меняющихся условиях.

Схематично состав ключевых факторов, воздействующих на нее, можно представить следующим образом (рис. 1).

Исходя из представленной схемы, инновационную устойчивость предприятий можно представить в качестве функции, имеющей следующий вид:

$$ИУ = f(БКП_{ЭР}, ПП_{ЭР}, ИП_{ЭР}, БКП_{К}, ПП_{К}, ИП_{К}), (1)$$

где $БКП_{ЭР}$ — показатель биоклиматического потенциала для экономического развития, $ПП_{ЭР}$ — показатель производственного потенциала для экономического развития, $ИП_{ЭР}$ — показатель инновационного потенциала для экономического развития, $БКП_{К}$ — показатель биоклиматического потенциала для конкурентоспособности предприятия, $ПП_{К}$ — показатель производственного потенциала для конкурентоспособности предприятия, $ИП_{К}$ — показатель инновационного потенциала для конкурентоспособности предприятия.

Каждый показатель можно рассчитать через совокупность коэффициентов, характеризующих различные аспекты достижения инновационной устойчивости. На основе анализа работ [6–11], посвященных исследованию инновационной деятельности предприятий, определен актуальный состав этих коэффициентов (табл. 1).

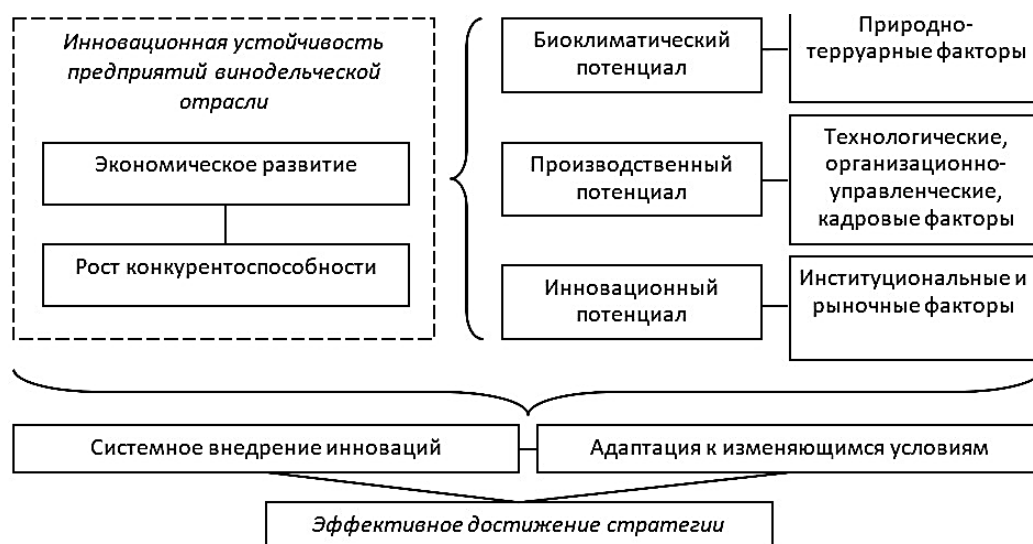

Рисунок 1 – Основные факторы, воздействующие на обеспечение устойчивого развития предприятий винодельческой отрасли в сфере инноваций

Таблица 1

Коэффициенты для оценки инновационной устойчивости предприятий винодельческой отрасли

Коэффициент	Наименование	Обозначение
ППК	Уровень загрузки производственных мощностей	K_1
	Уровень автоматизации производственных процессов	K_2
	Среднее время решений по обращениям клиентов	K_3
	Среднее время на выполнение одного заказа (доставки)	K_4
	Количество внедренных цифровых технологий	K_5
ИПК	Мощность логистической системы	K_6
	Доля рынка	K_7
ИПЭР	Коэффициент конверсии по дизайну (упаковки) товара	K_8
	Коэффициент инновационного роста	K_9
ППЭР	Коэффициент абсолютной ликвидности	K_{10}
	Коэффициент обновления основных производственных фондов	K_{11}
	Коэффициент обеспеченности интеллектуальной собственностью	K_{12}
	Рентабельность инвестиций (ROI)	K_{13}
	Коэффициент возврата маркетинговых инвестиций	K_{14}
БКПЭР	Рентабельность продаж (ROS)	K_{15}
	Сумма активных температур	K_{16}
	Количество осадков	K_{17}
БКПК	Площадь плодоносящих виноградников	K_{18}
	Валовой сбор винограда	K_{19}
	Коэффициент агрохимических затрат	K_{20}
	Коэффициент агротехнических затрат	K_{21}
	Коэффициент подбора культур и сортов	K_{22}

Уравнения для определения показателей инновационной устойчивости:

$$ППК = w_{ПК} \times \sqrt{K_3^2 + K_4^2 + K_6^2 + K_{10}^2 + K_{14}^2};$$

$$ИПЭР = w_{ИЭ} \times \sqrt{K_1^2 + K_{15}^2};$$

$$ИПК = w_{ИК} \times \sqrt{K_5^2 + K_7^2 + K_{11}^2};$$

$$БКПЭР = w_{БЭ} \times \sqrt{K_{16}^2 + K_{17}^2 + K_{18}^2};$$

$$БКПК = w_{БК} \times \sqrt{K_{19}^2 + K_{20}^2 + K_{21}^2 + K_{22}^2};$$

$$ППЭР = w_{ПЭ} \times \sqrt{K_2^2 + K_8^2 + K_9^2 + K_{12}^2 + K_{13}^2}. \quad (2)$$

Сущность определения инновационной устойчивости – понять, способно ли предприятие активно участвовать в инновационной деятельности в сложившихся условиях функционирования, наличия определенных ресурсов и потенциала.

Генерируемая в работе методика оценки устойчивости функционирования предприятий винодельческой отрасли в сфере инноваций визуализирована на рисунке 2.

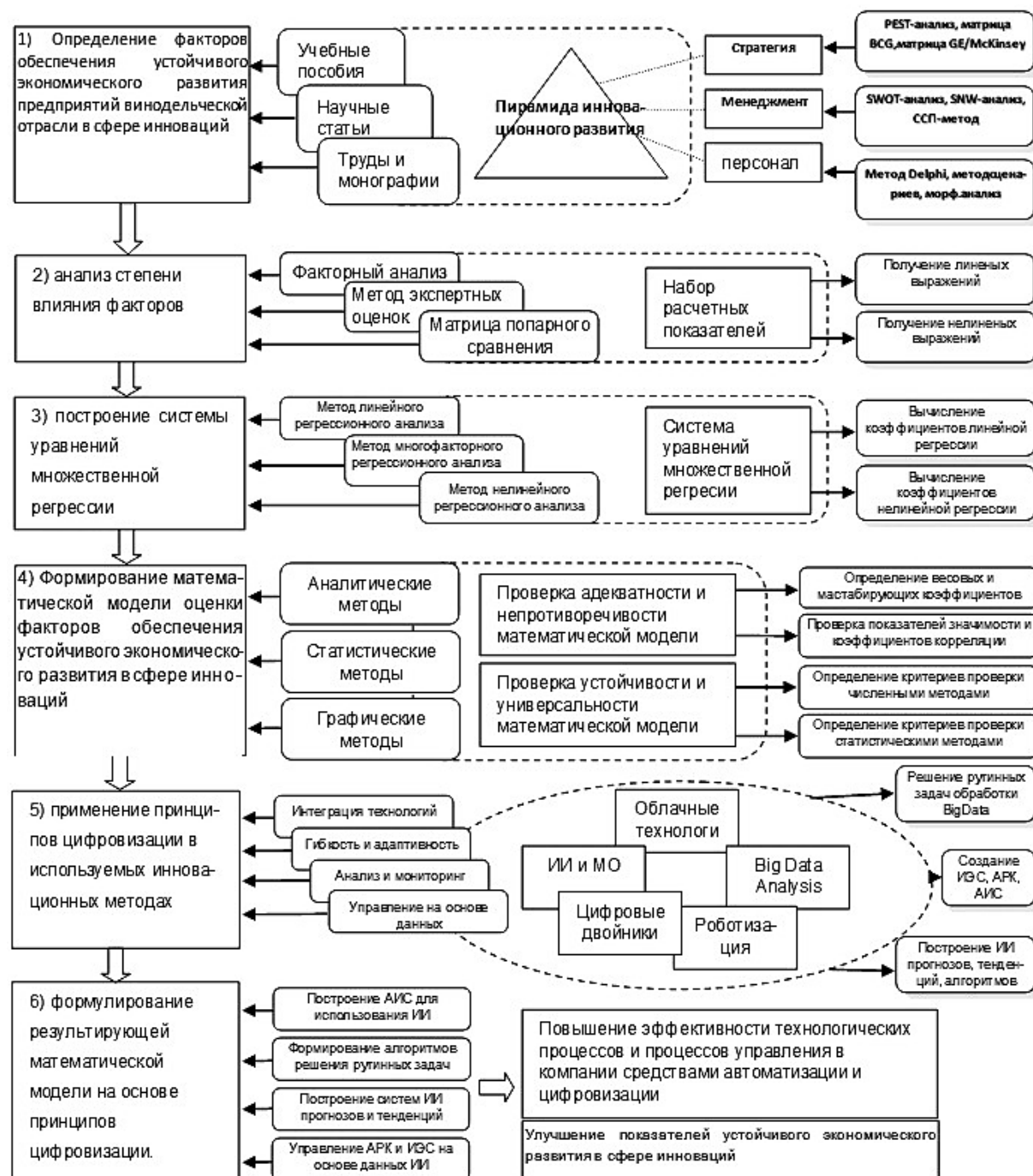

Рисунок 2 – Схема методики оценки устойчивости функционирования предприятий винодельческой отрасли в сфере инноваций

Согласно ее содержания, на первоначальном этапе исследования необходимо определить цели и типологию внедряемых инноваций, чтобы установить точный набор показателей, на основе которых впоследствии будет производиться исследование эффектов от их внедрения.

В рамках данной работы инновации классифицированы на производственные (совершенствование производственных процессов и технологических операций), бизнесовые (повышение эффективности управленческих решений и адаптивность предприятий к изменениям рыночной

конъюнктуры), продуктовые (завоевание новых рыночных сегментов и повышение добавленной стоимости), экологические (снижение негативного воздействия производства на окружающую среду и повышение его экологической устойчивости), социальные (повышение лояльности персонала и укрепление социального имиджа предприятия).

В исследовании оценка инновационной устойчивости предприятий осуществлялась на основе отнесения показателей по двум группам:

1) влияющих на экономический рост;

2) влияющих на рост конкурентоспособности. Критерием отнесения показателя к той или иной группе выступает характер факторов, определяющих его динамику.

Показатели экономического роста отражают расширение масштабов деятельности предприятия и связаны с действием экстенсивных факторов: увеличение численности персонала, рост объемов закупок сырья и материалов, расширение географии присутствия, открытие новых торговых точек.

Показатели конкурентоспособности отражают способность предприятия занимать более сильные позиции по сравнению с соперниками и связаны с действием интенсивных факторов: внедрение новых технологий, повышение квалификации персонала, оптимизация логистических процессов, улучшение качества обслуживания клиентов.

Авторская методика оценки устойчивости функционирования предприятий винодельческой от-

расли в сфере инноваций опирается на следующие методологические принципы:

— комплексности — полный охват факторов, воздействующих на экономическое развитие и конкурентоспособность предприятий;

— количественной измеримости — всем показателям возможно присвоить числовые значения, что облегчает их аналитику в динамике;

— отраслевой специфики — учет специфических характеристик винодельческой отрасли в оценочных показателях;

— интегральности — возможность сформировать результирующее значение инновационной устойчивости.

Результаты.

Апробация сформированной методики произведена на базе предприятий винодельческой отрасли ПАО «Абрау-Дюрсо», ООО «Кубань-Вино» и ОАО АПФ «Фанагория». Результаты оценки их инновационной устойчивости представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты оценки инновационной устойчивости предприятий винодельческой отрасли

Параметр	ПАО «Абрау-Дюрсо»	ООО «Кубань-Вино»	ОАО АПФ «Фанагория»
Показатель инновационной устойчивости	0,78077	0,75053	0,57860

Подводя итоги проведенного анализа, отметим, что лидером по инновационной устойчивости является ПАО «Абрау-Дюрсо». Предприятие демонстрирует большие успехи в реализации накопленного инновационного потенциала и выработке инновационных решений по продвижению в высоко конкурентной среде.

ООО «Кубань-Вино» также обладает значительным инновационным заделом, однако его инновационная активность ограничивается наличием системных проблем, связанных с несовершенством операционной деятельности, требующих изменения организационно-управленческой структуры, совершенствования системы риск-менеджмента и повышения операционной гибкости.

ОАО АПФ «Фанагория» характеризуется наиболее критичной ситуацией. На предприятии требуются масштабные преобразования в сфере организации научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности, работы с по-

ставщиками, цифровизации производственных и управленческих процессов, а также корректировка инновационной стратегии адекватно сложившимся реалиям функционирования.

Заключение.

Резюмируя результаты проведенного исследования, отметим, что авторские рекомендации позволяют получить многофакторную оценку инновационной устойчивости винодельческих предприятий, что является преимуществом формируемой методики, т.к. однокритериальные модели не позволяют выявить структурные диспропорции и объективно сформировать соответствующие управленческие решения.

С практической точки зрения, результаты данного исследования могут использоваться для обоснования управленческих решений по ускорению инновационно ориентированного роста отечественных предприятий винодельческой отрасли.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Талерчик С.М. Инновационная устойчивость как ключевой фактор успешного развития региона / С.М. Талерчик, А.А. Зайцев // Известия Международной академии аграрного образования. 2015. № 25-2. С. 238–243. EDN: UZBXKP
2. Воронов А.С. К вопросу о понятии инновационной устойчивости территории // Интернет-журнал Науковедение. 2014. № 2(21). 19 с. EDN: SJFLBF
3. Злотников И.Р. Концепция формирования инновационной устойчивости регионов Российской Федерации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2025. № 6(115). С. 60–69. DOI: 10.51965/2076-7919_2025_6_60 EDN: PGDDTF
4. Панова Е.А. Методика оценки устойчивости инновационного развития промышленного предприятия с использованием интегрального показателя // Креативная экономика. 2015. № 9(12). С. 1527–1540. DOI: 10.18334/ce.9.12.2133 EDN: VKYCQL
5. Яшин С.Н. Совершенствование системы оценки устойчивости инновационного развития предприятий / С.Н. Яшин, Ю.С. Солдатова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 1(57). С. 87–93. EDN: TTKEON
6. Рахлис Т.П. Оценка инновационной деятельности предприятий малого и среднего бизнеса / Т.П. Рахлис, Н.В. Скворцова // Экономика и предпринимательство. 2021. № 5(130). С. 728–733. DOI: 10.34925/EIP.2021.130.5.144 EDN: KOEDNO
7. Фалько А.И. Оценка уровня инновационной активности предприятий по видам экономической деятельности в условиях цифровой трансформации экономики // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2022. № 2(93). С. 144–153. DOI: 10.21295/2223-5639-2022-2-144-153 EDN: KWNEZB
8. Васьячева В.А. Моделирование процесса управления инновационной деятельностью предприятий промышленной сферы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 4. С. 74–82. DOI: 10.17308/econ.2020.4/3195 EDN: MDZVPF
9. Авдеенко В.Н. Оценка инновационной деятельности сельскохозяйственных предприятий // Бухучет в сельском хозяйстве. 2024. № 3. С. 142–155. DOI: 10.33920/sel-11-2403-01 EDN: QOGLLK
10. Соколова А.П. Инновационная активность аграрных предприятий Краснодарского края / А.П. Соколова, Д.А. Шерстобитов // Вестник Академии знаний. 2021. № 44(3). С. 219–223. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-11242 EDN: SHZQQV
11. Нехайчук Д.В. Управление инновационным развитием предприятий агропромышленного комплекса / Д.В. Нехайчук, И.Г. Павленко, А.А. Котляр // Форпост науки. 2024. Т. 18. № 4. С. 53–62. DOI: 10.22394/sp244.07 EDN: PSOBAR

References:

1. Talerchik S.M. Innovative sustainability as a key factor in the successful development of a region / S.M. Talerchik, A.A. Zaitsev // Proceedings of the International Academy of Agrarian Education. 2015. № 25-2. P. 238–243. EDN: UZBXKP
2. Voronov A.S. On the issue of the concept of innovative sustainability of a territory // Online journal Naukovedenie. 2014. № 2(21). 19 p. EDN: SJFLBF
3. Zlotnikov I.R. The Concept of Forming the Innovative Sustainability of the Regions of the Russian Federation // Bulletin of the Volzhsky University named after V.N. Tatischev. 2025. № 6(115). P. 60–69. DOI: 10.51965/2076-7919_2025_6_60 EDN: PGDDTF
4. Panova E.A. Methodology for assessing the sustainability of innovative development of an industrial enterprise using an integral indicator // Creative Economy. 2015. № 9(12). P. 1527–1540. DOI: 10.18334/ce.9.12.2133 EDN: VKYCQL
5. Yashin S.N. Improving the system for assessing the sustainability of innovative development of enterprises / S.N. Yashin, Yu.S. Soldatova // Vestnik of the N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences. 2015. № 1(57). P. 87–93. EDN: TTKEON
6. Rakhlis T.P. Assessment of the innovative activity of small and medium-sized businesses / T.P. Rakhlis, N.V. Skvortsova // Economics and Entrepreneurship. 2021. № 5(130). P. 728–733. DOI: 10.34925/EIP.2021.130.5.144 EDN: KOEDNO
7. Falco A.I. Assessment of the level of innovative activity of enterprises by types of economic activity in the context of the digital transformation of the economy // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2022. № 2 (93). P. 144–153. DOI: 10.21295/2223-5639-2022-2-144-153 EDN: KWNEZB
8. Vasyaycheva V.A. Modeling the process of managing the innovative activities of industrial enterprises // Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2020. № 4. P. 74–82. DOI: 10.17308/econ.2020.4/3195 EDN: MDZVPF
9. Avdeenko V.N. Assessment of the innovative activity of agricultural enterprises // Accounting in Agriculture. 2024. № 3. P. 142–155. DOI: 10.33920/sel-11-2403-01 EDN: QOGLLK
10. Sokolova A.P. Innovation activity of agricultural enterprises in the Krasnodar Territory / A.P. Sokolova, D.A. Sherstobitov // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2021. № 44(3). P. 219–223. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-11242 EDN: SHZQQV
11. Nekhaychuk D.V. Management of innovative development of enterprises in the agro-industrial complex / D.V. Nekhaychuk, I.G. Pavlenko, A.A. Kotlyar // Forpost of Science. 2024. Vol. 18. № 4. P. 53–62. DOI: 10.22394/sp244.07 EDN: PSOBAR

Информация об авторе

Курочкин Николай Олегович

аспирант кафедры экономики и менеджмента,
Приволжский государственный
университет путей сообщения
ORCID iD: 0009-0000-2933-7254
777kolyan.k@mail.ru

Nikolai O. Kurochkin

Postgraduate Student at the Department
of Economics and Management,
Privolzhsky State University
of Railway Engineering
ORCID iD: 0009-0000-2933-7254
777kolyan.k@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 31.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-15>

УДК 352/354

Attribution

cc by

КРИТИЧЕСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ КОММУНАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В КРУПНЕЙШИХ ГОРОДАХ ПОВОЛЖЬЯ

Сергеева Н.В.

*Московский государственный университет технологий и управления
имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)*

Аннотация. Статья посвящена вопросам качества жилищного фонда и эффективности управления коммунальной инфраструктурой в целях обеспечения устойчивости жизнедеятельности населения крупнейших городов Поволжья. Целью исследования стала сравнительная оценка коммунальных сетей и жилищного фонда в условиях необходимости устойчивой работы критической инфраструктуры. В ходе исследования были проанализированы данные по качественному состоянию жилищного фонда и коммунальных сетей, обеспечения санитарных и экологически безопасных условий проживания в крупнейших городах Поволжья. Результаты исследования включают особенности состояния коммунальной инфраструктуры городов-миллионников и оценку их управления. Также на основе полученных результатов был составлен комплексный рейтинг эффективности управления коммунальной инфраструктурой. Научная новизна заключается в выявлении общих для исследуемой группы населенных пунктов характерных проблем и тенденций состояния и управления жилищным фондом и коммунальной инфраструктурой.

Ключевые слова: жилищный фонд, критическая инфраструктура, коммунальные сети, эффективность управления.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CRITICAL INFRASTRUCTURE: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE STATE OF UTILITY NETWORKS IN MAJOR CITIES OF THE VOLGA REGION

Nadezhda V. Sergeeva

*Moscow State University of Technologies and Management
named After K.G. Razumovsky (First Cossack University)*

Abstract. This article addresses issues regarding the quality of the housing stock and the efficiency of utility infrastructure management, with the aim of ensuring the sustainability of living conditions for the populations of major cities in the Volga region. The study sought to conduct a comparative assessment of utility networks and housing stock, considering the need for the reliable operation of critical infrastructure. The research involved analyzing data on the condition of housing and utility networks, as well as the provision of sanitary and environmentally safe living conditions in the largest cities of the Volga region. The study results encompass the state of municipal utility infrastructure in cities with populations exceeding one million, as well as an assessment of its management. Based on these findings, a comprehensive ranking of utility infrastructure management efficiency was also compiled. The study's scientific novelty lies in the identification of common problems and trends regarding the condition and management of housing stock and utility infrastructure across the group of cities analyzed.

Keywords: housing stock, critical infrastructure, utility networks, management efficiency.

Funding: Independent work.

Введение.

Коммунальная инфраструктура является основой непрерывной устойчивой жизнедеятельности населения любого города. Особенно остро необходимость обеспечения непрерывной и безотказной работы критической инфраструктуры имеет во время проведения специальной военной операции. В указе Президента РФ № 604 от 24.08.2026 указывается перечень объектов, относящихся к категории «критической инфраструктуры» для целей обеспечения «безопасности, экономической стабильности РФ и жизнедеятельности населения», к которым в том числе относятся и коммунальные сети [1].

Указанная проблема является актуальной для городов России, в которых проживает более 75 % населения страны. При этом неравномерность расселения (общая численность горожан, плотность, функциональная направленность местной экономики) формирует необходимость классификации и типологизации городов [2; 3]. По численности населения выделяют следующую классификацию [2]:

- малые (до 20 тыс. чел.);
- средние (от 20 до 100 тыс. чел.);
- большие (от 100 до 250 тыс. чел.);
- крупные (от 250 до 1000 тыс. чел.);
- города-миллионники (свыше 1 млн чел.).

Процесс урбанизации и трудовая миграция населения в крупные экономические центры обуславливает новые вызовы для местных властей в вопросах формирования качественной городской среды, а также устойчивости работы коммунальной сферы в условиях постоянного увеличения нагрузки на имеющиеся инфраструктурные объекты [4–6]. В России насчитывается 16 городов-миллионников (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Казань, Красноярск, Нижний Новгород, Уфа, Краснодар, Самара, Ростов-на-Дону, Омск, Воронеж, Пермь, Волгоград), 2 из которых относятся к категории агломераций (Москва и Санкт-Петербург) с совокупной численностью населения 18,7 млн чел., на оставшиеся 14 городов приходится 15,86 млн чел. То есть в рассматриваемой категории проживает 31,4 % всего городского населения страны.

Цель исследования.

Исследование нацелено на сравнительную оценку состояния коммунальных сетей пяти городов-миллионников, расположенных на территории Приволжского федерального округа (ПФО), характеризующихся схожим экономико-географическим положением (численность, природо-климатические характеристики, взаимосвязь экономических региональных комплексов, история народов).

Методология и методы исследования.

За основу отбора видов коммунальных сетей для проведения сравнительного анализа был принят принцип обеспечения устойчивости и непрерывности жизнедеятельности населения города и наличие статистических данных.

Таким образом, анализ охватывает тепловые, водопроводные, канализационные сети и утилизацию бытовых отходов. Метод классификации применялся для отбора городов, вошедших в совокупность объектов исследования. Приоритетными методами анализа стали сравнение и ранжирование. Сравнение статистических данных позволило определить наиболее успешные практики управления жилищным фондом города, а ранжирование – оценить уровень эффективности такого управления.

В ходе исследования, в целях сравнения качества жилого фонда, проводилась оценка следующих показателей [5]:

- 1) доля аварийного жилья;
- 2) доля жилья, имеющего все коммунальные коммуникации (вода, тепло, газ, канализация);
- 3) доля перерабатываемых бытовых отходов.

Для оценки эффективности управления жилищным фондом использовались показатели, отражающие долю нуждающихся в замене коммунальных коммуникаций и темпы их ремонта и замены.

Графический и табличный методы применялись для визуализации полученных результатов анализа.

Результаты. Обсуждение.

Для сравнения жилищного фонда сгруппированных по численности (свыше 1 млн жителей) и функциональной направленности (промышленность) городов ПФО использовались статистические данные по объему жилого фонда, протяженности основных видов коммунальных сетей, результативности кадастрового учета и количеству льготников по оплате коммунальных услуг (табл. 1).

Данные таблицы указывают на особенности коммунальной инфраструктуры отдельных городов:

- 1) несмотря на самую высокую численность населения (1,33 млн чел.), Казань характеризуется наименьшей протяженностью тепловых и паровых сетей (на 18 % ниже среднего значения по выборке), самой большой протяженностью водопроводных (в 1,86 раза выше средней по выборке) и канализационных (в 2,4 раза выше средней по выборке) сетей;
- 2) коммунальные сети Уфы характеризуются протяженностью ниже среднего значения по вы-

борке (теплосети и водопровод – на 11 %, канализация – в 3,8 раза);

3) коммунальная инфраструктура Нижнего Новгорода демонстрирует разнонаправленную ситуацию: протяженность теплосетей в 1,5 раза выше средней, водопровода и канализации ниже средней на 30 % и 24 % соответственно;

4) Самара и Пермь характеризуются менее развитой инфраструктурой, протяженность основных коммунальных сетей ниже среднего значения (теплосети – на 5 % и 1 %, водопровод – на 21 % и 24 %, канализация – на 31 % и 12 % соответственно).

Таблица 1

Сравнительная характеристика городов-миллионников Приволжского федерального округа за 2025 г.

Параметр сравнения	г. Казань	г. Уфа	г. Нижний Новгород	г. Самара	г. Пермь
Численность населения, млн чел.	1,33	1,16	1,22	1,15	1,03
Площадь города, кв. км.	588,9	708	410,68	541	800,5
Жилищный фонд, млн кв. м.	40,12	34,64	39,9	37,5	29,3
Протяженность тепловых и паровых сетей, км.	985	1071	1795,3	1140	1028
Уличная водопроводная сеть, км.	2 259	1 082	849,5	961,5	925,7
Уличная канализационная сеть, км.	1 523	166,5	480,7	434,3	554,6
Доля многоквартирных домов, расположенных на земельных участках, в отношении которых осуществлен государственный кадастровый учет, %	100	100	55,55	–	96,67
Численность граждан, получающих льготы по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, тыс. чел.	231,3	119,04	314,34	186,7	156,6

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики [7].

Отметим, что Казань характеризуется более развитой коммунальной инфраструктурой, значительно опережая остальные города по протяженности основных сетей. Развитость коммунальной инфраструктуры остальных городов характеризуется средним уровнем. При этом площадь Нижнего Новгорода на 32 % ниже среднего значения, а Пермь и Уфа занимают самые большие территории. Нижний Новгород характеризуется самой большой по протяженности теплосетью, а Уфа – низкой развитостью канализационной сети.

По численности льготников по оплате коммунальных услуг с большим отрывом лидирует Нижний Новгород (в 1,36 раза или 25,8 % насе-

ления города), на втором месте находится Казань (231,3 тыс. чел. или 17,4 % населения города), на третьем – Самара (186,7 тыс. чел. или 16 % населения города).

Формирование жилищного фонда исследуемых городов осуществлялось в общих для России условиях и характеризуется общими периодами роста и снижения темпов строительства (с конца XIX века и на протяжении всего XX века). Исключением является первое десятилетие XXI века (период с 2000 года по 2010 год), поскольку не все исследуемые муниципальные образования пережили строительный бум, закончившийся в связи с мировым кризисом 2008–2009 годов (рис. 1, 2).

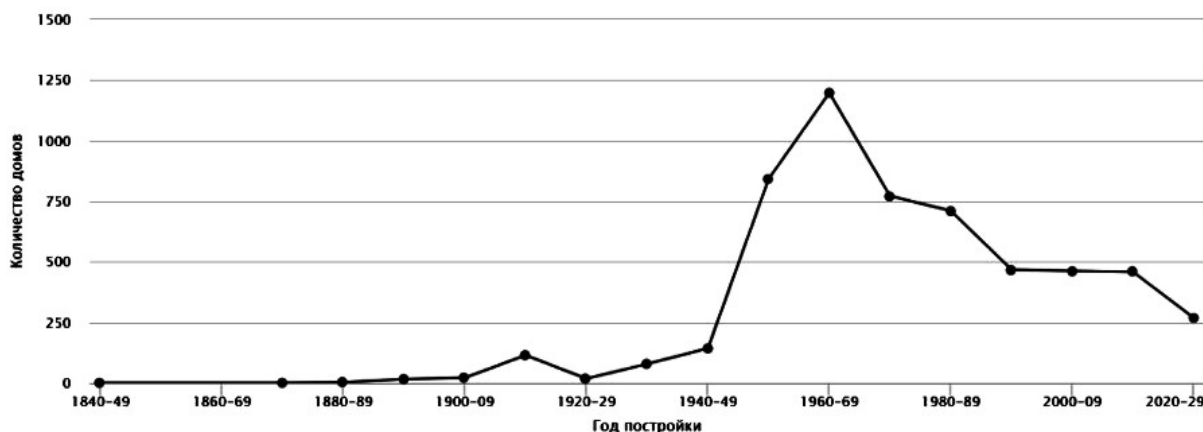

Рисунок 1 – Количество построенных домов в Уфе по годам, ед. [8]

Рисунок 2 – Количество построенных домов в Казани по годам, ед. [8].

Для оценки качественного состояния жилищного фонда использовался показатель, отражающий долю аварийного и ветхого жилья, на основе которого был построен рейтинг городов за 2025 год:

1. Нижний Новгород – 0,23 %.
2. Пермь – 0,25 %.
3. Казань – 0,46 %.

4. Уфа – 0,5 %.

5. Самара – 1,03 %.

Реализуемые программы переселения из ветхого и аварийного жилья позволяют обновить жилищный фонд. Однако темпы реализации такого обновления недостаточны для быстрого решения сложившейся ситуации (рис. 3). Наиболее высокие темпы ликвидации ветхого жилья наблюдаются в Казани (рис. 3).

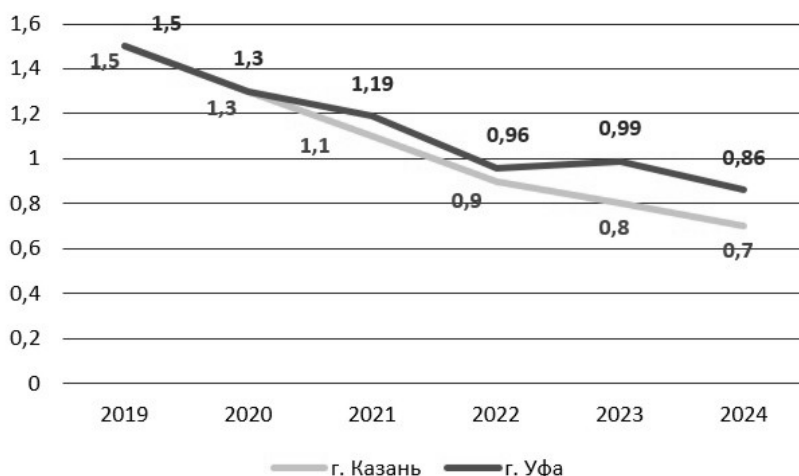

Рисунок 3 – Динамика изменения доли площади многоквартирных домов, признанных аварийными, в общей площади многоквартирных домов, %.

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

Следующим показателем, используемым для оценки качества жилищного фонда, стала доля

жилья, оборудованного всеми коммунальными сетями (табл. 2).

Таблица 2

Доля площади жилых помещений, оборудованных одновременно водопроводом, водоотведением (канализацией), отоплением, горячим водоснабжением, газом или напольными электрическими плитами, в общей площади жилых помещений, %

Город	Годы			Абсолютное изменение (+/-)		Относительное изменение, %	
	2022	2023	2024	2023/2022	2024/2023	2023/2022	2024/2023
1	2	3	4	5	6	7	8
г. Казань	99	99,02	97,8	0,02	-1,20	0,02	-1,21
г. Уфа	93,95	92,03	92,04	-1,92	0,01	-2,04	0,01
г. Нижний Новгород	97,34	91,19	92,10	-6,15	0,91	-6,32	1,00

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8
г. Самара	92,80	93,10	93,19	0,29	0,10	0,32	0,10
г. Пермь	97,39	97,38	96,63	-0,01	-0,75	-0,01	-0,77

Источник: составлено по данным Федеральной службы государственной статистики [7].

Проведенный анализ исследуемых городов свидетельствует о высоком уровне обеспечения жилищного фонда коммунальными услугами (выше 90 %). Отметим, что расширение границ муниципальных образований, часто обусловленное муниципальной реформой, обусловило снижение указанного показателя по ряду городов.

Эффективность управления коммунальной инфраструктурой в целях обеспечения устойчивости и непрерывности жизнедеятельности населения приобретает особую важность в кризисных и критических условиях, к которым находится страна. Качественное состояние коммунальных сетей рассматривается по доле коммуникаций, нуждающихся в замене (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес коммунальных сетей, нуждающихся в замене, %

Город	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Теплоснабжение							
г. Казань	33,7	32,2	30,4	11,9	27,8	60	60
г. Уфа	50,2	13,8	14,9	11,9	11,8	50,7	–
г. Нижний Новгород	52,7	50,2	51,8	46,1	25,2	26,9	22,5
г. Самара	58,3	54,9	53,8	52,9	3,7	53,5	56,1
г. Пермь	19,4	18,6	14,9	46,4	37,2	39,8	46,5
Водопровод							
г. Казань	59,4	60,8	60,9	62,1	60	71	31
г. Уфа	68,3	69,2	72,9	71,8	70,7	70,5	–
г. Нижний Новгород	64,3	65,6	56	58	57,5	67,7	68,3
г. Самара	87,7	89,2	86	86,7	79,4	79,8	81,3
г. Пермь	66,3	69,3	67,4	68,7	66,1	63,9	64,1
Канализация							
г. Казань	46,6	48,1	48,2	49,3	50,7	70	23
г. Уфа	63	64,3	64,4	64,4	66,2	67,4	–
г. Нижний Новгород	69,5	77,2	69,7	70,1	69,7	73,2	66,5
г. Самара	81,6	79,6	73,6	74,9	65,8	64,2	72
г. Пермь	65,7	70,8	74,4	58,4	47,5	47,2	46,3

Источник: составлено по данным Федеральной службы государственной статистики [7].

Отметим высокий уровень сетей, нуждающихся в замене. Результаты указывают на существенной рост исследуемого показателя в таких городах как Казань (по теплосетям – с 33,7 % в 2019 году до 60 % в 2025 году; по водопроводу – с 59,4 % в 2019 году до 71 % в 2024 году; по канализации – с 46,6 % в 2019 году до 70 % в 2024 году) и Перми (по теплосетям – с 19,4 % в 2019 году до 46,5 % в 2025 году). Остальные города и типы коммунальных сетей демонстрируют незначительное изменение исследуемого показателя за анализируемый период.

Таким образом, наиболее высокая изношенность коммунальных сетей в теплоснабжение в Казани (60 %), Самаре (56,1 %), Уфе (50,1 %) и Перми (46,5 %). Самая благоприятная ситуация наблюдается в Нижнем Новгороде, уровень изношенности теплосетей в котором составляет 22,5 %.

Наиболее сложная ситуация с водопроводом характерна для Самары, где уровень нуждающихся в замене сетей составляет 81,3 %. В Уфе

показатель составляет 70,5 %, в Нижнем Новгороде – 68,3 %, а в Перми – 64,1 %. Казань выгодно отличается от исследуемых городов по анализируемому показателю, поскольку уровень изношенности водопроводных сетей равен 31 %.

Наиболее сложная ситуация с канализацией также наблюдается в Самаре (72 %), Уфе (67,4 %), Нижнем Новгороде (66,5 %) и Перми (46,3 %). Наименьший уровень изношенности канализационных сетей характерен для Казани (23 %).

Оценка темпов ремонта коммунальных сетей, отражающих степень внимания местных властей к обеспечению устойчивости коммунальной инфраструктуры, позволяет выразить эффективность управления коммунальной инфраструктурой городов (табл. 4).

На основе данных таблицы 4 можно сделать вывод о приоритетном значении тепловых сетей, характеризующихся наиболее высокими темпами замены. Такая ситуация обусловлена при-

родно-климатическими особенностями Приволжского федерального округа, для которого характерны продолжительный зимний период и большой перепад температур, когда исправность системы отопления является базовым условием жизни города. Наиболее высокая доля модернизированных сетей характерна для Казани (до 21,3 %), Нижнего Новгорода (до 25,5 %) и Самары (до 91 %). Вместе с тем, Казань, Пермь и Уфа демонстрируют отставание темпов замены тепловых сетей по сравнению с темпами их износа (данные табл. 3 и 4). На втором месте по значи-

мости находятся водопроводные сети, также ежегодно демонстрирующих заметную долю модернизации. В Нижнем Новгороде и Перми замена осуществляется активнее остальных городов (до 1,8 % от всех нуждающихся сетей в год). Канализационные сети также находятся в зоне внимания местных властей, хотя и характеризуются незначительными темпами модернизации. Так, в Самаре и Уфе ежегодная доля отремонтированных сетей в общем объеме, нуждающихся в замене, достигает 2,7 % и 2,2 % соответственно.

Таблица 4

Удельный вес коммунальных сетей, отремонтированных за год,
от протяженности сетей, нуждающихся в замене, %

Город	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Теплоснабжение							
г. Казань	10,1	7,6	9,1	21,3	8,6	7,4	3,6
г. Уфа	3,6	9,9	6,6	8,3	7,2	1,1	—
г. Нижний Новгород	7	8,4	7,7	7,4	18,1	26,5	25,5
г. Самара	1,2	3,8	7,2	5,2	91,4	5,9	5,4
г. Пермь	4,3	3,2	6,8	9,2	7,9	3,9	1,9
Водопровод							
г. Казань	0,4	0,5	0,2	0,3	0,5	1,2	1,5
г. Уфа	0,7	0,7	0,7	0,8	0,8	0,6	—
г. Нижний Новгород	2	2	2	1,8	1,6	1,1	1,4
г. Самара	0,2	0,2	0,4	0,6	0,4	0,7	0,5
г. Пермь	0,3	0,7	1,8	1,3	0,8	1	0,5
Канализация							
г. Казань	0,3	0,1	0,1	0	0,1	0,3	0,1
г. Уфа	1	0,5	0	1,1	1,8	2,2	—
г. Нижний Новгород	0,6	0,8	0,3	0,4	0,6	0,2	1,3
г. Самара	0,4	0,8	0,2	1,5	2,7	1,1	0,6
г. Пермь	2,4	0,3	1,8	1,6	1,5	0,5	1,8

Источник: составлено по данным Федеральной службы государственной статистики [7].

Еще одним показателем, отражающим эффективность управления жилищным фондом, является формирование безопасных экологических и

санитарных условий проживания, обеспечивающихся услугами по вывозу и переработке бытовых отходов (табл. 5).

Таблица 5

Доля твердых коммунальных отходов, направленных на обработку и утилизацию,
в общем объеме образованных и вывезенных твердых коммунальных отходов, %

Город	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
г. Казань	0,37	0,17	0,29	0	11,66	11,25	13,55
г. Уфа	17,22	23,19	27,33	25,7	25,99	22,88	—
г. Нижний Новгород	0,37	90,52	90,83	83,09	92,29	93,50	100,00
г. Самара	0	10,1	10,2	22,1	20,9	21,3	19
г. Пермь	30,07	44,41	52,00	65,00	80,00	93,00	92,95

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики [7].

Нижний Новгород и Пермь показывают самый высокий уровень переработки коммунальных отходов (100 % и 92,955 соответственно). Самая низкая доля характерна для Казани (13,55 %), Самары (19 %) и Уфы (22,88 % в 2024 году).

Заключение.

Сравнительный анализ состояния жилищной сферы и коммунальной инфраструктуры позво-

ляет оценить качество жилищного фонда населенных пунктов и эффективность его управления. Для оценки общего уровня эффективности были построены рейтинги по анализируемым показателям (табл. 6).

Простое ранжирование без использования весовых коэффициентов по выбранным показателям позволило выделить Нижний Новгород, управление коммунальной инфраструктурой и жилищ-

ным фондом которого отличается более высокой эффективностью. На втором месте находится

Пермь, на третьем — Казань и Уфа, на четвертом — Самара.

Таблица 6

Рейтинг городов-миллионников ПФО по эффективности управления жилищным фондом и коммунальной инфраструктурой (по шкале от 1 до 5 места)

Показатель	г. Казань	г. Уфа	г. Нижний Новгород	г. Самара	г. Пермь
1. Доля аварийного и ветхого жилья	3	4	1	5	2
2. Доля коммунальных сетей, нуждающихся в замене:					
– теплоснабжение	2	3	2	4	1
– водопровод	5	3	1	4	2
– канализация	1	4	3	5	2
3. Доля твердых коммунальных отходов, направленных на обработку и утилизацию	5	3	1	4	2
Суммарный рейтинг	10	10	4	13	5

Источник: составлено автором.

Таким образом для обеспечения высокого рейтинга эффективности недостаточно уделять внимание отдельным направлениям развития

коммунальной инфраструктуры, необходимо комплексно подходить к решению существующих проблем.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Указ Президента РФ № 604 от 24.08.2026 «О мерах по обеспечению безопасности объектов критической инфраструктуры Российской Федерации» // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL : <http://kremlin.ru/acts/news/80578> (дата обращения 24.08.2026).
2. Harris Chauncy D. A Functional Classification of Cities in the United States // Geographical Review. 1943. Vol. 33. № 1. P. 86–99 (date of application 20.08.2026). DOI: 10.2307/210620
3. Манаева И.В. Города России: Классификация и типология // Региональная экономика: теория и практика. 2018. № 7(454). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/goroda-rossii-klassifikatsiya-i-tipologiya> (дата обращения 20.08.2026). DOI: 10.24891/re.16.7.1235 EDN: XTCGKT
4. Дендак Г.М. Уровень и качество жизни населения в России: региональный аспект // Политика, экономика и инновации. 2022. № 5. С. 3–15. EDN: XAKUVZ
5. Сергеева Н.В. Качество городской среды как показатель эффективности деятельности органов местного самоуправления на примере города Пермь / Н.В. Сергеева, К.А. Цаплина // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2025. № 1(34). С. 40–46. EDN: YELMGM
6. Соболев Т.С. Качество жизни населения как критерий эффективности государственного управления / Т.С. Соболев, Н.В. Бушуева. М. : Московский университет им. С.Ю. Витте, 2022. 130 с. ISBN: 978-5-9580-0605-2 EDN: XYQLPR
7. База данных показателей муниципальных образований. Федеральная служба государственной статистики. URL : <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst80> (дата обращения 30.07.2026).
8. Информация о домах в России. URL : <https://dom.mingkh.ru> (дата обращения 23.08.2026).

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation № 604 dated August 24, 2026 «On Measures to Ensure the Security of Critical Infrastructure Facilities of the Russian Federation» // Official online resources of the President of Russia. URL : <http://kremlin.ru/acts/news/80578> (accessed: August 24, 2026).
2. Harris Chauncy D. A Functional Classification of Cities in the United States // Geographical Review. 1943. Vol. 33. № 1. P. 86–99 (date of application 20.08.2026). DOI: 10.2307/210620

3. Manaeva I.V. Cities of Russia: Classification and Typology // Regional Economics: Theory and Practice. 2018. № 7(454). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/goroda-rossii-klassifikatsiya-i-tipologiya> (date of application 20.08. 2026). DOI: 10.24891/re.16.7.1235 EDN: XTCKGT
4. Dendak G.M. The level and quality of life of the population in Russia: a regional aspect // Politics, Economics and Innovations. 2022. № 5. P. 3–15. EDN: XAKUVZ
5. Sergeeva N.V. The quality of the urban environment as an indicator of the effectiveness of local self-government bodies' activities: a case study of the city of Perm / N.V. Sergeeva, K.A. Tsaplina // Bulletin of the Cheboksary branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 2025. № 1(34). P. 40–46. EDN: YELMGM
6. Sobol T.S. Quality of Life of the Population as a Criterion of the Effectiveness of Public Administration / T.S. Sobol, N.V. Bushueva. M. : Moscow University named After S.Yu. Witte, 2022. 130 p. ISBN: 978-5-9580-0605-2 EDN: XYQLPR
7. Database of Indicators of Municipal Entities. Federal State Statistics Service. URL : <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst80> (date of application 30.07.2026).
8. Information about houses in Russia. URL : <https://dom.mingkh.ru> (date of application 23.08.2026).

Информация об авторе

Сергеева Надежда Владиславовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры менеджмента
и государственного муниципального управления,
факультет экономики и управления,
Московский государственный университет
технологий и управления имени К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет)
inbox_sergeeva@mail.ru

Nadezhda V. Sergeeva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Management
and State and Municipal Administration,
Faculty of Economics and Management,
Moscow State University of Technologies
and Management named After K.G. Razumovsky
(First Cossack University).
inbox_sergeeva@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-16>

УДК 332

Attribution

cc by

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРИОРИТЕТОВ КРУПНЕЙШИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ В 2022–2026 ГОДАХ: BP, SHELL, TOTALENERGIES И EQUINOR

Тахтамышев В.Г.¹, Томазов М.А.²

¹Ростовский государственный университет путей сообщения,

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу изменений инвестиционных приоритетов BP, Shell, TotalEnergies и Equinor в 2022–2026 гг. Авторы исследования исходят из того, что энергетический кризис и изменение геополитических условий не отменили долгосрочные цели декарбонизации, но заметно изменили структуру корпоративного распределения капитала. На основе анализа годовых отчетов, стратегических документов и материалов для инвесторов сопоставляются динамика капитальных расходов, инвестиции в нефтегазовый бизнес и LNG, низкоуглеродные направления, производственные ориентиры и климатические цели четырех компаний. Показано, что усиление нефтегазового компонента носит неоднородный характер: от наиболее выраженной стратегической реориентации BP до сбалансированной мультиэнергетической модели TotalEnergies. Shell демонстрирует селективную концентрацию на наиболее доходных сегментах переходной энергетики, прежде всего LNG, тогда как Equinor корректирует первоначальные амбиции в отношении возобновляемой энергетики, сохраняя power business. В завершение исследования сделан вывод о том, что после 2022 г. речь идет не о полном отказе от энергетического перехода, а о перенастройке инвестиционного баланса под воздействием энергетической безопасности, требований к доходности и капиталовой дисциплине.

Ключевые слова: энергетический переход, декарбонизация, инвестиционная политика, нефтегазовые компании, BP, Shell, TotalEnergies, Equinor, LNG, энергетическая безопасность, капиталовая дисциплина.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE TRANSFORMATION OF INVESTMENT PRIORITIES OF THE LARGEST EUROPEAN ENERGY COMPANIES IN 2022–2026: BP, SHELL, TOTALENERGIES AND EQUINOR

Vladimir G. Takhtamyshev¹, Mikhail A. Tomazov²

¹Rostov State Transport University,

²Lomonosov Moscow State University

Abstract. The article examines changes in the investment priorities of BP, Shell, TotalEnergies and Equinor in 2022–2026. The study proceeds from the assumption that the energy crisis and changing geopolitical conditions did not eliminate long-term decarbonization goals but substantially altered corporate capital allocation. Using annual reports, strategic documents and investor materials, the paper compares capital expenditure, oil and gas and LNG investment, low-carbon spending, production targets and climate commitments. The findings indicate that the strengthening of the hydrocarbon component followed different paths: from the most pronounced strategic reorientation at BP to the balanced multi-energy model of TotalEnergies. Shell pursued a selective concentration on the most commercially attractive segments, especially LNG, while Equinor revised its renewable ambitions and retained power as a strategic business. The article concludes that post 2022 changes are better described as a rebalancing of investment priorities than as a complete retreat from the energy transition, driven by energy security, returns and capital discipline.

© Тахтамышев В.Г., Томазов М.А.

Keywords: energy transition, decarbonization, investment policy, oil and gas companies, BP, Shell, TotalEnergies, Equinor, LNG, energy security, capital discipline.

Funding: Independent work.

Введение.

Современная мировая энергетическая система развивается под воздействием нескольких взаимосвязанных процессов: декарбонизации, технологических изменений, трансформации структуры спроса на энергоресурсы, геополитической конкуренции и повышения требований к энергетической безопасности. Для крупнейших европейских энергетических компаний это означает необходимость одновременно обеспечивать надежность поставок, поддерживать финансовую устойчивость и адаптировать бизнес-модели к долгосрочному энергетическому переходу. После 2022 г. данное противоречие стало особенно заметным: рост цен на энергоресурсы и усиление значения энергетической безопасности повысили привлекательность нефтегазовых активов, тогда как развитие низкоуглеродной энергетики потребовало более избирательного подхода к капиталовложениям.

Проблема заключается в том, что усиление нефтегазового направления не обязательно означает отказ от декарбонизации. Для оценки характера происходящих изменений недостаточно сопоставлять публичные климатические заявления компаний. Необходимо анализировать фактическое и планируемое распределение капитала, производственные ориентиры и структуру новых проектов. Исследования, проведенные IEA, IRENA и в современной академической литературе, показывают, что международные нефтегазовые компании не выработали единой модели ответа на энергетический переход: их стратегии зависят от структуры бизнеса, финансового положения, ресурсной базы, географии и оценки рисков [29–32; 34; 38–39; 41–42].

В связи с этим, основной исследовательский вопрос нами сформулирован следующим образом: Каким образом изменились инвестиционные приоритеты BP, Shell, TotalEnergies и Equinor в 2022–2026 гг. под воздействием трансформации мировой энергетической и геополитической среды?

Дополнительный вопрос состоит в том: Следует ли интерпретировать усиление нефтегазового направления как отказ от ранее заявленного курса на декарбонизацию или как его адаптацию к изменившимся условиям энергетической безопасности, рыночной конъюнктуры и требований к доходности?

Цель исследования заключается в выявлении основных направлений трансформации инвестиционных приоритетов четырех компаний, определении факторов, обусловивших изменение распределения капитала, и установлении общих

и специфических моделей корпоративной адаптации.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- рассмотреть теоретические подходы к инвестиционному поведению энергетических компаний;
- проследить динамику стратегий BP, Shell, TotalEnergies и Equinor;
- сопоставить их инвестиционные и производственные показатели; определить экономические, рыночные и геополитические факторы выявленных изменений.

Обсуждение. Результаты.

Энергетический переход представляет собой структурное изменение мировой энергетической системы, связанное со снижением углеродной интенсивности производства и потребления энергии, развитием возобновляемых источников, электрификацией конечного спроса и распространением технологий сокращения выбросов. Для международных нефтегазовых компаний этот процесс означает не только изменение технологической базы, но и необходимость пересмотра инвестиционных моделей и структуры активов. Нефтегазовый бизнес остается источником значительных денежных потоков, одновременно подвергаясь долгосрочному давлению со стороны климатической политики [29–32].

В научной литературе не существует единой стратегии участия нефтегазовых компаний в энергетическом переходе. Их возможные варианты включают диверсификацию, сохранение специализации, развитие новых энергетических направлений и различные комбинации этих подходов. В частности, IEA отмечает, что масштаб и характер трансформации зависят от структуры бизнеса, финансового положения, географии и ресурсной базы конкретной компании [29]. Поэтому энергетический переход целесообразно рассматривать не как последовательное вытеснение нефти и газа, а как изменение условий долгосрочного распределения корпоративного капитала [40–42].

Под инвестиционными приоритетами в настоящей статье понимается распределение корпоративного капитала между направлениями, имеющими различное стратегическое значение. Для их оценки необходимо учитывать, как минимум, три уровня.

Первый – общий объем капитальных расходов.

Второй – структура CAPEX и соотношение нефтегазовых и низкоуглеродных инвестиций.

Третий – производственные и портфельные результаты, включая добычу нефти и газа, развитие LNG, установленную мощность и другие измеримые показатели будущего бизнеса.

Сам по себе рост или снижение общего CAPEX еще не свидетельствует о смене стратегического курса. Более информативным является изменение относительного веса отдельных направлений. Такой подход важен и потому, что между публичными климатическими обязательствами и фактическим распределением капитала может существовать временной разрыв. Alovera отмечает несоответствие между масштабом декларируемого энергетического перехода и фактическими вложениями крупнейших нефтегазовых компаний в возобновляемую энергетику [36]. Halttunen, Slade и Staffell, в свою очередь, показывают, что выбор между диверсификацией и сохранением специализации определяется не только климатическими целями, но и скоростью изменения энергетических рынков и способностью компаний управлять рисками [34].

После 2022 г. инвестиционная логика европейских энергетических компаний стала сильнее зависеть от энергетической безопасности. План REPowerEU одновременно закрепил снижение зависимости от ископаемого топлива, диверсификацию поставок и ускорение развития чистой энергетики [33]. Для компаний это означало неоднозначную оценку традиционных активов: нефть, газ и LNG стали не только источниками коммерческой выручки, но и элементами устойчивости европейского энергоснабжения. В этих условиях инвестиционные решения определяются также требованиями к капиталовой дисциплине и созданию стоимости для акционеров. Для публичных компаний значимы свободный денежный поток, дивиденды, обратный выкуп акций, рентабельность инвестированного капитала и сроки окупаемости проектов. Если нефтегазовый проект обеспечивает более прогнозируемый денежный поток, чем капиталоемкий низкоуглеродный проект с неопределенной доходностью, структура CAPEX может измениться даже при сохранении долгосрочной климатической цели.

Таким образом, усиление нефтегазового компонента не обязательно свидетельствует об изменении отношения к декарбонизации; оно может отражать изменение сравнительной экономической привлекательности активов.

Для сравнительного анализа целесообразно рассматривать происходящие изменения как процесс портфельной оптимизации. Под ним понимается изменение соотношения энергетических активов с учетом одновременно энергетической безопасности, ожидаемого спроса, доходности, климатического регулирования, стоимости капитала и долгосрочных рисков.

В таком случае можно различить четыре модели:

- стратегический отказ от декарбонизации;
- временную корректировку при сохранении долгосрочных переходных целей;
- селективную декарбонизацию, предполагающую концентрацию на наиболее рентабельных технологиях;
- сбалансированную мультиэнергетическую модель.

Такой подход позволяет избежать чрезмерно упрощенного вывода о «возврате к углеводородам». IEA подчеркивает отсутствие универсальной стратегии для нефтегазовой отрасли, а исследования Halttunen, Slade и Staffell и других авторов показывают различия в корпоративных траекториях [28–30; 34; 35; 37; 39–40]. В дальнейшем, это дает возможность сопоставить BP, Shell, TotalEnergies и Equinor не по единственному признаку, а по структуре капитала, производственным планам, LNG, low-carbon-инвестициям и изменению климатических целей.

Изменение инвестиционных стратегий четырех компаний происходило неравномерно. Общими тенденциями стали усиление требований к финансовой эффективности, сохранение значительной роли нефтегазового бизнеса, повышение значения LNG и более селективное отношение к низкоуглеродным инвестициям. Вместе с тем, масштабы корректировки существенно различаются.

В начале указанного периода времени BP сочетала нефтегазовый бизнес с развитием transition growth engines, включая возобновляемую энергетику, bioenergy, EV charging и hydrogen [1; 2; 4]. В 2022 г. компания направила около 4,9 млрд долл. на transition growth engines при совокупном CAPEX около 16,3 млрд долл., то есть примерно 30 % капитальных расходов [1; 2; 4]. В феврале 2023 г. BP сохранила двойственную модель и повысила общий диапазон капиталовложений до 14–18 млрд долл. в год, одновременно увеличив ориентиры для переходных и нефтегазовых проектов [4].

В 2023 г. transition investment снизился примерно до 3,8 млрд долл. или около 23 % общего CAPEX, а в 2024 г. составил около 3,7 млрд долл. [2; 3; 5]. Перелом произошел в 2025 г., когда BP объявила о strategic reset: общий инвестиционный диапазон был снижен примерно до 13–15 млрд долл. в год, нефтегазовые инвестиции увеличены до около 10 млрд долл. ежегодно в 2025–2027 гг., а расходы на transition businesses сокращены до 1,5–2 млрд долл. в год [6].

Корректировке подверглись и производственные ориентиры. В 2022 г. BP ожидала добычу около 2,0 млн барр. н.э. в сутки к 2030 г.; после пересмотра стратегия предусматривает примерно

2,3–2,5 млн барр. н.э. в сутки без учета возможных будущих дивестиций [3; 5; 6]. Следовательно, BP является наиболее выраженным примером стратегической реориентации: нефтегазовые активы вновь стали центральным объектом капиталовложений, тогда как переходные направления сохраняются, но отбираются более жестко по критерию экономической отдачи.

В 2022–2023 гг. Shell сохраняла значительные вложения в low-carbon energy solutions: около 4,3 млрд долл. в 2022 г. и 5,6 млрд долл. в 2023 г., или более 20 % cash CAPEX [7–9]. Одновременно Integrated Gas и Upstream оставались основными источниками денежных потоков. В Energy Transition Strategy 2024 компания сохраняла ориентир инвестировать 10–15 млрд долл. в low-carbon energy solutions в 2023–2025 гг. [11].

В 2025 г. Shell перешла к более жесткой конфигурации капитальной дисциплины. Общий уровень расходов был установлен в диапазоне 20–22 млрд долл. в год на 2025–2028 гг.; 12–14 млрд долл. предусматривалось ежегодно на Integrated Gas и Upstream и около 8 млрд долл. – на Downstream и Renewables & Energy Solutions [12]. Одновременно компания поставила задачу увеличивать продажи LNG на 4–5 % в год до 2030 г. и сохранять производство жидких углеводородов на уровне около 1,4 млн барр. в сутки [9–12].

Shell при этом сохраняет цель net zero energy business к 2050 г. и продолжает низкоуглеродные проекты, но относительная роль этих вложений стала более селективной. В 2025 г. low-carbon platforms должны занимать до 10 % капитала, тогда как фактический cash CAPEX составил около 20,9 млрд долл., из которых около 2 млрд долл. пришлось на low-carbon energy solutions [9–12]. Поэтому Shell целесообразно характеризовать как пример селективной концентрации: переходная стратегия сохраняется, но капитал направляется, прежде всего, в сегменты, в которых компания видит устойчивую доходность и конкурентные преимущества.

TotalEnergies с начала рассматриваемого периода времени последовательно развивала двухконтурную стратегию, основанную на Oil & Gas, прежде всего LNG, и Integrated Power [13–18]. В 2023 г. компания ориентировалась на рост нефтегазовой добычи примерно на 2–3 % в год и планировала около 4 млрд долл. ежегодных инвестиций в Power [16]. В 2024 г. роль LNG была усилена, а рост Oil & Gas production сохранялся на уровне около 3 % в год [14; 17].

В 2025 г. TotalEnergies усилила капиталовую дисциплину: компания объявила программу экономии на 7,5 млрд долл. в 2026–2030 гг., снизила ориентир net CAPEX примерно до 16 млрд долл. в 2026 г. и до 15–17 млрд долл. в 2027–2030 гг. При этом был сохранен нефтегазовый рост примерно на 3 % в год и уровень low-carbon-инвестиций около 4 млрд долл. ежегодно, включая 3–4 млрд долл. на Integrated Power [15; 18].

Таким образом, TotalEnergies не демонстрирует ни резкой реориентации в пользу углеводородов, ни отказ от энергетического перехода. Oil & Gas обеспечивает денежные потоки и рост, прежде всего, через LNG, тогда как Integrated Power формирует долгосрочную платформу в электроэнергетике и возобновляемых источниках. Ее стратегия представляет собой сбалансированную мультиэнергетическую модель, в которой переход трактуется как диверсификация, а не как последовательное вытеснение нефтегазового бизнеса.

Equinor в 2022 г. ориентировалась на то, чтобы более 30 % annual gross CAPEX приходилось на renewables and low-carbon solutions к 2025 г. и более 50 % – к 2030 г.; фактическая доля таких инвестиций составляла около 14 % в 2022 г. и 20 % в 2023 г. [19–20; 22]. Однако в 2024 г. компания повысила прогноз роста нефтегазовой добычи более чем на 10 % в 2024–2027 гг. и сократила планируемые инвестиции в renewables and low-carbon solutions [21–24]. Целевая мощность renewables на 2030 г. была снижена до 10–12 ГВт, а прежний количественный ориентир по доле gross CAPEX в переходных направлениях в Energy Transition Plan 2025 больше не использовался [23].

При этом Equinor не отказалась от энергетического перехода. В 2025 г. добыча нефти и газа достигла 2,137 млн барр. н.э. в сутки, а инвестиции в нефтегазовый бизнес сохранялись примерно на уровне 10 млрд долл. ежегодно [22–23]. В 2026 г. компания закрепила ориентир органических инвестиций 11–13 млрд долл. ежегодно в 2028–2030 гг., из которых около 60 % должны направляться на Норвежский континентальный шельф, около 30 % – на международные нефтегазовые проекты и около 10 % – на power [25].

Таким образом, Equinor представляет модель прагматической коррекции: нефтегазовое направление вновь стало финансовым ядром, но power business сохраняется как отдельная стратегическая платформа.

Сопоставление четырех компаний позволяет выделить различия в масштабе и характере трансформации:

BP наиболее существенно пересмотрела первоначальную траекторию: нефтегазовые инвестиции были повышены, а переходные расходы сокращены.

Shell усилила LNG и upstream, одновременно сохранив низкоуглеродные направления, но на более селективной основе.

TotalEnergies наиболее последовательно поддерживает две платформы – Oil & Gas и Integrated Power.

Equinor сократила количественные амбиции в отношении renewables и одновременно повыси-

ла нефтегазовые ориентиры. Тем самым, единая европейская институциональная среда не привела к единой инвестиционной модели.

Главная общая тенденция 2022–2026 гг. состоит в усилении относительной роли нефтегазового бизнеса. Но эта тенденция реализуется разными способами:

BP увеличила нефтегазовый CAPEX при резком снижении transition investments.

Shell усилила Integrated Gas и Upstream при одновременном сокращении относительного веса low-carbon.

TotalEnergies сохраняет значительные вложения и в Oil & Gas, и в Integrated Power.

Equinor уменьшила первоначальные ориентиры renewable-инвестиций, сохранив около 10 млрд долл. ежегодного нефтегазового CAPEX [5–6; 9–10; 13–15; 18; 22–25].

Таким образом, важен не только абсолютный объем расходов, но и изменение относительного веса сегментов. В каждой из четырех компаний нефть и газ вновь выполняют функцию финансового ядра или одного из главных источников денежных потоков. Одновременно низкоуглеродные направления переходят от стратегии широкого масштабирования к более адресному отбору проектов.

LNG занимает особое место в новой конфигурации. Для Shell и TotalEnergies он стал одним из основных источников роста. Для BP и Equinor газовый сегмент также сохраняет стратегическое значение. После 2022 г. LNG сочетает коммерческую привлекательность с функцией обеспечения устойчивости энергетического снабжения. Поэтому его развитие нельзя автоматически интерпретировать как возврат к прежней углеводородной модели: для европейских компаний LNG одновременно связан с текущей энергетической безопасностью и с переходом к более гибкой структуре поставок.

Изменение производственных целей подтверждает, что корректировка не ограничилась языком корпоративных стратегий. Наиболее наглядно это проявилось у BP и Equinor, которые повысили будущие нефтегазовые ориентиры по сравнению с первоначальными траекториями. Shell поставила задачу поддерживать производство жидких углеводородов на уровне около 1,4 млн барр. в сутки и наращивать продажи LNG, тогда как TotalEnergies сохранила ориентир роста Oil & Gas production примерно на 3 % в год до 2030 г. [6; 10; 18; 22; 25].

При изменении инвестиционного баланса компании в целом сохранили долгосрочные климатические обязательства. Это особенно важно для интерпретации полученных результатов: изменение CAPEX и изменение климатических целей не являются тождественными процессами. BP

после 2025 г. продолжает отдельные low-carbon-направления; Shell сохраняет net-zero ambition; TotalEnergies продолжает развивать Integrated Power; Equinor сохраняет power business и климатическую рамку энергетического перехода [5–6; 9–10; 12; 15; 18; 22–23].

Следовательно, публичная декарбонизационная стратегия и фактическая структура инвестиций могут двигаться с разной скоростью.

Сопоставление четырех компаний позволяет выделить пять взаимосвязанных факторов трансформации.

Первый – высокая прибыльность нефтегазового бизнеса после 2022 г., повысившая инвестиционную привлекательность upstream [26].

Второй – энергетическая безопасность и необходимость надежных поставок нефти, газа и LNG [33].

Третий – различия в экономике низкоуглеродных проектов: продолжительность инвестиционного цикла, стоимость капитала и неопределенность доходности.

Четвертый – требования акционеров к free cash flow, дивидендам и buyback.

Пятый – неодинаковая конкурентоспособность отдельных переходных технологий.

Совокупность этих факторов изменила саму логику корпоративного энергетического перехода. В начале рассматриваемого периода времени рост low-carbon-портфеля часто рассматривался как самостоятельный двигатель будущего бизнеса. После 2022 г. крупные компании стали в большей степени оценивать каждое направление через ожидаемую доходность, зрелость технологии и способность формировать устойчивый денежный поток. Это особенно заметно в BP и Shell, но в различных формах проявляется и у TotalEnergies и Equinor.

Проведенный анализ позволяет предложить четыре модели корпоративной адаптации:

BP соответствует модели стратегической реориентации: перераспределение капитала в пользу нефтегазового бизнеса стало существенным и затронуло архитектуру стратегии.

Shell представляет селективную концентрацию: компания сохраняет энергетический переход, но концентрируется на LNG, upstream и наиболее рентабельных low-carbon-направлениях.

TotalEnergies демонстрирует сбалансированную мультиэнергетическую модель, в которой Oil & Gas и Integrated Power развиваются параллельно.

Equinor соответствует модели прагматической коррекции, предполагающей сокращение первоначальных количественных амбиций по

renewables при сохранении power business и климатических целей.

Таким образом, во всех четырех случаях нефтегазовый бизнес получил повышенное относительное значение либо темпы масштабирования low-carbon-инвестиций были снижены. Вместе с тем, ни одна из компаний не перешла к стратегии полного отказа от энергетического перехода.

Следовательно, процесс корректнее определять, как перенастройку инвестиционного баланса, а не как простой «возврат к углеводородам».

С международно-политической точки зрения эта перенастройка означает, что энергетический переход европейских корпораций после 2022 г. теснее связан с энергетической безопасностью, геозкономической конкуренцией, устойчивостью поставок и стоимостью капитала. Сопоставление BP, Shell, TotalEnergies и Equinor показывает, что единая внешняя среда может приводить к различным корпоративным решениям в зависимости от структуры активов, финансовой модели и технологической специализации.

Заключение.

Проведенное исследование показывает, что в 2022–2026 гг. крупнейшие европейские энергетические компании действительно скорректировали инвестиционные приоритеты, однако, этот процесс не сводится к синхронному отказу от декарбонизации. Общей тенденцией стало повышение относительного значения нефтегазового бизнеса как источника денежных потоков и элемента энергетической безопасности, одновременно с переходом низкоуглеродных инвестиций к более селективной модели.

Наиболее выраженная трансформация произошла в BP, где стратегический пересмотр 2025 г. привел к заметному увеличению нефтегазового CAPEX и снижению масштабов transition investments [3; 5; 6]. Shell усилила LNG и upstream, сохранив климатические цели и от-

дельные низкоуглеродные направления [9–12]. TotalEnergies продолжила развивать Oil & Gas и Integrated Power как две взаимодополняющие платформы [13–18]. Equinor пересмотрела первоначальные количественные амбиции в отношении renewables and low-carbon, но сохранила power business и долгосрочную рамку энергетического перехода [21–25].

Основным результатом проведенного исследования является вывод о неоднородности корпоративной адаптации. В рассматриваемом периоде времени сформировались, по меньшей мере, четыре модели: стратегическая реориентация BP, селективная концентрация Shell, сбалансированная мультиэнергетическая модель TotalEnergies и прагматическая коррекция Equinor.

Следовательно, определение периода 2022–2026 гг. как «возврата к углеводородам» является методологически недостаточным. Более точным представляется понятие перенастройки инвестиционного баланса, при которой нефтегазовый бизнес сохраняет центральное значение для финансовой устойчивости и энергетической безопасности, а низкоуглеродные направления продолжают развиваться при более жестком отборе по критериям доходности и стратегической целесообразности [37; 40–42].

Полученный результат имеет значение и для анализа европейской энергетической политики. Дальнейшая динамика корпоративной декарбонизации будет зависеть не только от климатического регулирования, но и от состояния мировых рынков, спроса на нефть, газ и LNG, стоимости капитала, конкурентоспособности низкоуглеродных технологий и изменения требований энергетической безопасности. Это означает, что энергетический переход крупнейших европейских компаний следует рассматривать как нелинейный процесс, в котором климатические цели взаимодействуют с коммерческими и геополитическими ограничениями.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература / References:

1. bp. Annual Report and Form 20-F 2022. London : BP p.l.c., 2023.
2. 3.bp. Annual Report and Form 20-F 2023. London : BP p.l.c., 2024.
3. bp. Update on strategic progress. 7 February 2023. London : BP p.l.c., 2023.
4. bp. 2025 Annual General Meeting: Chair's address. London : BP p.l.c., 2025.
5. bp. Strategic reset: Capital Markets materials. London: BP p.l.c., 2025.
6. Shell plc. Annual Report and Accounts 2022. London : Shell plc, 2023.

7. Shell plc. Annual Report and Accounts 2023. London : Shell plc, 2024.
8. Shell plc. Annual Report and Accounts 2024. London : Shell plc, 2025.
9. Shell plc. Annual Report and Accounts 2025. London : Shell plc, 2026.
10. Shell plc. Energy Transition Strategy 2024. London : Shell plc, 2024.
11. Shell plc. Capital Markets Day 2025: Our journey to 2030. London : Shell plc, 2025.
12. TotalEnergies SE. Universal Registration Document 2023, including Annual Financial Report. Paris : TotalEnergies, 2024.
13. TotalEnergies SE. Universal Registration Document 2024, including Annual Financial Report. Paris : TotalEnergies, 2025.
14. TotalEnergies SE. Universal Registration Document 2025, including Annual Financial Report. Paris : TotalEnergies, 2026.
15. TotalEnergies SE. Strategy & Outlook 2023. Paris : TotalEnergies, 2023.
16. TotalEnergies SE. Strategy & Outlook 2024. Paris : TotalEnergies, 2024.
17. TotalEnergies SE. Strategy & Outlook 2025. Paris : TotalEnergies, 2025.
18. Equinor ASA. Annual Report 2022. Stavanger : Equinor ASA, 2023.
19. Equinor ASA. Annual Report 2023. Stavanger : Equinor ASA, 2024.
20. Equinor ASA. Annual Report 2024. Stavanger: Equinor ASA, 2025.
21. Equinor ASA. Annual Report 2025. Stavanger : Equinor ASA, 2026.
22. Equinor ASA. Energy Transition Plan 2025. Stavanger : Equinor ASA, 2025.
23. Equinor ASA. Capital Markets Updates 2022–2025. Stavanger: Equinor ASA, 2022–2025.
24. Equinor ASA. Capital Markets Day 2026. Stavanger: Equinor ASA, 16 June 2026.
25. International Energy Agency. World Energy Investment 2025. Paris : IEA, 2025.
26. International Energy Agency. World Energy Outlook 2025. Paris : IEA, 2025.
27. International Energy Agency. The Oil and Gas Industry in Net Zero Transitions. Paris : IEA, 2023.
28. International Energy Agency. Emissions from Oil and Gas Operations in Net Zero Transitions. Paris : IEA, 2023.
29. International Renewable Energy Agency. Oil Companies and the Energy Transition / Asmelash E., Gorini R. Abu Dhabi : IRENA, 2021.
30. International Renewable Energy Agency. World Energy Transitions Outlook 2024: 1.5 °C Pathway. Abu Dhabi : IRENA, 2024.
31. European Commission. REPowerEU Plan. COM(2022) 230 final. Brussels, 18 May 2022.
32. Halttunen K., Slade R., Staffell I. Diversify or die: Strategy options for oil majors in the sustainable energy transition // Energy Research & Social Science. 2023. Vol. 104. Art. 103253. DOI: 10.1016/j.erss.2023.103253 EDN: LKABGX
33. Big oil and the energy transition: Evidence from M&A // Energy Policy. 2023. Vol. 183. Art. 113762. DOI: 10.1016/j.enpol.2023.113762 EDN: WUZUQD
34. Alova G. Oil majors' slow transition // Nature Energy. 2022. Vol. 7. P. 472–473. DOI: 10.1038/s41560-022-01032-7 EDN: TEXUKY
35. From the geopolitics of oil and gas to the geopolitics of the energy transition: Is there a role for European supermajors? // Energy Research & Social Science. 2022. Vol. 88. Art. 102634. DOI: 10.1016/j.erss.2022.102634 EDN: OUQHIA
36. International oil companies, petrocultures and the transatlantic divide: A review of engagement with the energy transition and the future of oil and gas // Energy Research & Social Science. 2026. Vol. 135. Art. 104668. DOI: 10.1016/j.erss.2026.104668 EDN: LCFGFX
37. Smit D.J. Role of International Oil Companies in the Net-Zero Emission Energy Transition / D.J. Smit, J.B. Powell // Annual Review of Chemical and Biomolecular Engineering. 2023. Vol. 14. P. 301–322. DOI: 10.1146/annurev-chembioeng-092220-030446 EDN: WSLNXN
38. Thomas T. Dynamic recalibration: strategic responses of international oil companies to climate change and the energy transition: PhD thesis. University of Warwick, 2025.
39. Asmelash E. International oil companies and the energy transition / E. Asmelash, R. Gorini. Abu Dhabi : International Renewable Energy Agency, 2021.
40. Columbia University Center on Global Energy Policy. The Role of Oil and Gas in the Energy Transition. New-York : Columbia University, 2020.

Информация об авторах

Тахтамышев Владимир Григорьевич

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры философии
и истории Отечества,
Ростовский государственный
университет путей сообщения
tahtamyshev2012@yandex.ru

Vladimir G. Takhtamyshev

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Philosophy and History of the Fatherland,
Rostov State Transport University
tahtamyshev2012@yandex.ru

Томазов Михаил Александрович

студент 4 курса факультета мировой политики,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
ksto@yandex.ru

Mikhail A. Tomazov

4th year Student of the Faculty of World Politics,
Lomonosov Moscow State University
ksto@yandex.ru

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.08.2026.

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.09.2026.

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-17>

УДК 336.027

Attribution

cc by

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ЕАЭС

Цыкин Г.С.

*Институт исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации*

Аннотация. В статье проводится экономический анализ научно-технической и инновационной политики Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в контексте преодоления структурных диспропорций и вызовов «ловушки среднего дохода». Рассмотрена нормативно-правовая база, регулирующая научно-техническое сотрудничество в рамках Союза, и дана оценка ключевому институциональному механизму интеграции – Евразийским технологическим платформам. На основе макроэкономического анализа динамики внутренних затрат на НИОКР в странах-членах ЕАЭС за 2021–2025 гг. выявлена устойчивая, но неравномерная тенденция роста наукоёмкости экономик при сохранении значительного разрыва между участниками. Обосновано, что системными ограничениями эффективности наднациональной политики выступают асимметрия научно-технических потенциалов, недостаточная коммерциализация разработок, доминирование государственного финансирования и отсутствие унифицированного режима интеллектуальной собственности. Сделан вывод о том, что инновационная политика ЕАЭС в современных условиях выполняет двойную функцию – инструмента долгосрочной структурной трансформации и механизма адаптации к внешним санкционным шокам, при этом сохраняется риск закрепления модели догоняющего развития и технологического иждивенчества.

Ключевые слова: ЕАЭС, научно-техническая политика, инновационная политика, Евразийские технологические платформы, НИОКР, наукоёмкость ВВП, технологическая асимметрия, коммерциализация инноваций, интеллектуальная собственность, экономическая интеграция.

Финансирование: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Original article

ECONOMIC ANALYSIS OF SCIENTIFIC, TECHNICAL, AND INNOVATION POLICY IN THE EAEU

Gleb S. Tsykin

*Institute for Research on Socio-Economic Transformations and Financial Policy,
Financial University under the Government of the Russian Federation*

Abstract. The article provides an economic analysis of the scientific, technical, and innovation policy of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU) in the context of overcoming structural imbalances and the challenges of the «middle-income trap». The regulatory framework governing scientific and technical cooperation within the Union is examined, and an assessment is provided of the key institutional mechanism of integration – the Eurasian Technology Platforms. Based on a macroeconomic analysis of the dynamics of domestic spending on R&D in the EAEU member states for 2021–2025, a stable but uneven trend in the growth of the knowledge intensity of economies has been identified, while a significant gap between the participants remains. It has been substantiated that the systemic limitations to the effectiveness of supranational policy are the asymmetry of scientific and technical potentials, insufficient commercialization of developments, the dominance of government funding, and the lack of a unified intellectual property regime. It is concluded that the EAEU innovation policy in modern conditions performs a dual function – a tool for long-term structural transformation and a mechanism for adaptation to external sanctions shocks, while maintaining the risk of consolidating the model of catch-up development and technological dependence.

Keywords: EAEU, scientific and technical policy, innovation policy, Eurasian technology platforms, R&D, GDP science intensity, technological asymmetry, commercialization of innovations, intellectual property, economic integration.

© Цыкин Г.С.

Funding: The article is based on the results of research conducted using budget funds under the state assignment of the Financial University.

Введение.

Научно-техническая и инновационная политика Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) представляет собой одно из приоритетных направлений интеграционного взаимодействия, призванное обеспечить переход экономик государств-членов к новой технологической базе и повышение их глобальной конкурентоспособности. Эффективность данной политики непосредственно связана с решением двух задач: преодолением «ловушки среднего дохода», проявляющейся в замедлении экономического роста при приближении к верхним границам среднего уровня развития, и противодействием фрагментации общего рынка, которая препятствует реализации эффектов масштаба и синергии.

В последние годы в рамках ЕАЭС создана многоуровневая нормативно-правовая база, охватывающая как общие стратегические направления, так и конкретные механизмы осуществления совместной научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности. Важнейшей институциональной инновацией являются Евразийские технологические платформы, призванные консолидировать ресурсы бизнеса, науки и правительства для развития высокотехнологичных сфер. Несмотря на успехи в институционализации, остаются серьезные проблемы, связанные с асимметричностью инновационного потенциала стран-участниц, низкой долей частного финансирования науки, ограничениями на передачу технологий и коммерциализацию разработок и отсутствием наднациональной системы защиты интеллектуальной собственности [13].

Целью данной работы является анализ текущего состояния, основных тенденций и системных проблем научно-технической и инновационной политики ЕАЭС на основе макроэкономических показателей и оценки механизмов институциональной интеграции. В статье рассматриваются правовые основы сотрудничества, анализируется динамика затрат на НИОКР в странах Союза, выявляются структурные дисбалансы и риски, обосновывается направленность совершенствования наднациональной политики в данной области.

Обсуждение.

Научно-техническая и инновационная политика ЕАЭС находится на стыке двух фундаментальных экономических задач: необходимость преодоления «ловушки среднего дохода» – перехода от быстрого роста к стагнации по мере приближения к верхней границе среднего дохода, и борьба с фрагментацией общего рынка [15]. С точки зрения экономической теории, эффективность такой политики измеряется не количеством подписанных соглашений, а ее способностью генерировать глобальный спрос на инновации, снижать транзакционные издержки и инициировать механизмы синергии, которые невозможны в изолированных экономиках.

Научно-техническое и инновационное сотрудничество в ЕАЭС регулируется многоуровневой нормативной базой, представленной на таблице 1.

Таблица 1

Нормативно-правовая база регулирующая научно-техническое и инновационное сотрудничество в ЕАЭС

Нормативно-правовой акт	Содержание/аспект регулирования
1	2
Договор о Евразийском экономическом союзе от 24.06.2024	Определяет общие принципы деятельности ЕАЭС, включая проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. В ст. 92 предусмотрено проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок в рамках промышленной политики. В ст. 86 (подп. 7 п. 3) развитие науки и инноваций в сфере транспорта названо приоритетом скоординированной транспортной политики
Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16.10.2015 № 28 «Об Основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза»	В качестве одного из основных направлений экономического развития ЕАЭС до 2030 года определено инновационное развитие и модернизация экономики
Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»	Определяет ключевые векторы развития, включая научно-техническое сотрудничество. Упоминается в Рекомендации Коллегии ЕЭК от 19.12.2023 № 37 о научно-технологических консорциумах
Решение Евразийского межправительственного совета от 26.05.2017 № 1 «О Порядке организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств – членов Евразийского экономического союза»	Устанавливает порядок организации совместных НИОКР в агропромышленном комплексе, включая формирование перечней работ на 5-летние периоды с учётом национальных и межгосударственных приоритетов

Окончание таблицы 1

1	2
Решение Евразийского межправительственного совета от 26.10.2023 № 3 «Об утверждении Положения об отборе совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности и оказании финансового содействия при их реализации государствами – членами Евразийского экономического союза»	Определяет механизмы отбора и финансирования совместных промышленных проектов, что включает и научно-технологические инициативы
Решение Евразийского межправительственного совета от 01.10.2024 № 2 «Об основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года»	Определяет направления промышленного сотрудничества, включая научно-техническое взаимодействие в промышленности
Рекомендация Коллегии ЕЭК от 24.06.2022 № 26 «О приоритетах и долгосрочном прогнозе научно-технического развития Евразийского экономического союза»	Содержит приоритеты и долгосрочный прогноз научно-технического развития ЕАЭС, которые государства-члены должны учитывать при реализации научно-технической политики
Рекомендация Коллегии ЕЭК от 19.12.2023 № 37 «О механизмах создания научно-технологических консорциумов для реализации совместных инфраструктурных проектов»	Предлагает механизмы создания научно-технологических консорциумов для реализации совместных инфраструктурных проектов в рамках ЕАЭС
Рекомендация Совета ЕЭК от 12.09.2025 № 1 «О Стратегической программе научно-технического развития Евразийского экономического союза на долгосрочный период «рамочного» характера»	Определяет стратегические направления научно-технического развития ЕАЭС на долгосрочную перспективу
Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь»	Среди задач дальнейшего развития экономических интеграционных процессов в рамках Союза до 2030 года названо формирование общего пространства кооперационного взаимодействия и сотрудничества в сфере технологического развития

Источник: составлено автором на основе [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденные Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12, определяют ключевые ориентиры научно-технической и инновационной политики.

В соответствии с данным документом, основными целями являются [17]:

1. Обеспечение технологического суверенитета – способность Союза и каждого государства-члена самостоятельно определять траекторию технологического развития, обладать критическими компетенциями и производственными мощностями в стратегически важных отраслях.
2. Повышение конкурентоспособности национальных экономик за счет инновационного технологического обновления действующего производственного потенциала и создания новых высокотехнологичных производств.
3. Снижение импортной зависимости в критических видах продукции и технологий, что достигается через развитие собственных компетенций и кооперационных связей.
4. Формирование общего научно-технологического пространства, обеспечивающего свободное движение знаний, технологий и высококвалифицированных кадров.

Оценка инновационной политики ЕАЭС демонстрирует постепенный переход от декларативной координации к практической проектной интеграции. Основным достижением наднациональ-

ной политики стало создание Евразийских технологических платформ – механизмов, выступающих связующим звеном между государством, научным сообществом и бизнесом.

Евразийские технологические платформы (далее – ЕТП) – это механизм отраслевой координации научно-технической и инновационной деятельности в рамках Евразийского экономического союза, созданный для консолидации ресурсов стран-участниц с целью развития перспективных высокотехнологичных направлений [14]. Они обеспечивают взаимодействие бизнеса, научных организаций и органов власти, позволяя выявлять общие технологические приоритеты, формировать совместные проекты и программы, устранять барьеры на внутреннем рынке и повышать глобальную конкурентоспособность евразийских производств. ЕТП фокусируются на таких сферах, как цифровые технологии, биотехнологии, энергетика, машиностроение и другие ключевые отрасли, способствуя формированию единого технологического пространства ЕАЭС и внедрению передовых решений в экономику союза.

По состоянию на 2026 год в ЕАЭС действуют 19 технологических платформ, объединяющих более 160 профильных организаций из стран Союза. Они охватывают 14 стратегических направлений: от космических и геоинформационных технологий до биомедицины, суперкомпьютеров и фотоники [16].

Однако общая политика сталкивается с рядом системных вызовов:

1. Асимметрией потенциалов. Существенный разрыв в объемах финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ между участниками Союза.

2. Барьерами коммерциализации. Сложности во внедрении совместных научных разработок в реальный сектор экономики из-за разрозненности национальных стандартов.

3. Инфраструктурными ограничениями. Необходимость создания единых венчурных фондов и центров трансфера технологий на уровне всего Союза.

Несмотря на эти вызовы, ЕАЭС активно формирует так называемую «экономику будущего», делая упор на совместные научно-исследовательские проекты, импортозамещение в критических отраслях и развитие мегасайенс-инфраструктуры.

Результаты.

Экономики стран-членов ЕАЭС исторически страдают от структурной разобщенности научных заделов. Рыночные трансформации 1990-х усугубили данный разрыв: возник так называемый «инновационный парадокс» — наличие сильных фундаментальных школ при критически низкой доле коммерциализации разработок [18].

Политика ЕАЭС в данной сфере экономически пытается решить проблему координации. Без наднационального арбитра инвестиции в высокотехнологичные отрасли дублируются или, наоборот, не доходят до критической массы. Создание ЕТП — это попытка объединить спрос государства и предложение науки на пространстве без внутренних таможенных границ. Влияние на экономику здесь проявляется через эффект масштаба: увеличение потенциального рынка сбыта инновационной продукции с 3–10 млн человек (внутренние рынки) до > 180 млн человек, что критически меняет инвестиционную привлекательность НИОКР для частного бизнеса.

Однако макроэкономический анализ выявляет асимметрию эффектов, так как экономики стран ЕАЭС разнородны по своей структуре.

Россия и Беларусь обладают относительно диверсифицированной обрабатывающей промышленностью и значительным научным потенциалом. Для них интеграционная инновационная политика — это инструмент загрузки мощностей и экспорта технологий на рынки партнеров.

Казахстан использует политику ЕАЭС для импорта технологий, необходимых для модернизации сырьевого сектора и создания новых переделов в нефтехимии и металлургии.

Армения и Кыргызстан являются получателями технологических решений в области легкой про-

мышленности и информационных технологий, где инновационная модель развития часто основана на интеграции в глобальные цепочки, а не на евразийских платформах.

Эта асимметрия сопряжена с риском «технологической зависимости» — ситуации, когда доступность устаревших технологий ослабляет внимание к их собственным исследованиям и разработкам [12]. С точки зрения платежного баланса, если не будет создан механизм передачи компетенций, то для стран с меньшим научным потенциалом существует риск чистого оттока капитала при импорте высокотехнологичных услуг из основных стран ЕАЭС. Экономическая политика Союза пытается положить этому конец с помощью положений о совместных предприятиях и местоположении, но строгий инвестиционный арбитраж еще не создан для обеспечения направления технологического развития.

Анализ динамики внутренних затрат на исследования и разработки является ключевым показателем инновационного потенциала и структурных изменений в экономиках государств-членов ЕАЭС. Использование относительного показателя (доля затрат в процентах от ВВП) позволяет отразить влияние колебаний обменного курса и инфляционных процессов, а также обеспечить сопоставимость макроэкономических пропорций в рамках интеграционного объединения.

Динамика расходов на НИОКР в странах ЕАЭС с 2021 по 2025 год демонстрирует устойчивую, но неравномерную тенденцию между странами к умеренному росту наукоемкости экономик стран ЕАЭС (рис. 1). В 2021–2023 годах реальная динамика расходов на НИОКР характеризовалась восстановлением темпов роста после пандемического спада: в Российской Федерации показатель вырос с 0,94 % до 0,99 % ВВП, в Республике Беларусь — с 0,48 % до 0,53 %, в то время как в Армении, Казахстане и Кыргызстане показатель вырос с 0,94 % до 0,53 % ВВП. колебания между 0,08 и 0,23 % ВВП остались. Период до 2025 года демонстрирует дальнейшее, хотя и умеренное, увеличение финансирования науки за счет реализации национальных целей и межправительственных инициатив в рамках концепции научно-технического развития ЕАЭС. Поэтому, несмотря на позитивный вектор, сохраняется значительный пробел в инновационной деятельности, что подчеркивает необходимость дальнейшей гармонизации научно-технической политики и консолидации ресурсов для достижения целевых показателей, установленных в стратегических документах ЕАЭС.

Несмотря на цель синергии, установленную Договором ЕАЭС, общая научная интенсивность ВВП стран ЕС остается на уровне около 1,0–1,1 %, что значительно ниже показателей технологических лидеров (2,5–4,5 %) и даже ниже критического порога научно-технической безопасности (1,7–2,0 %).

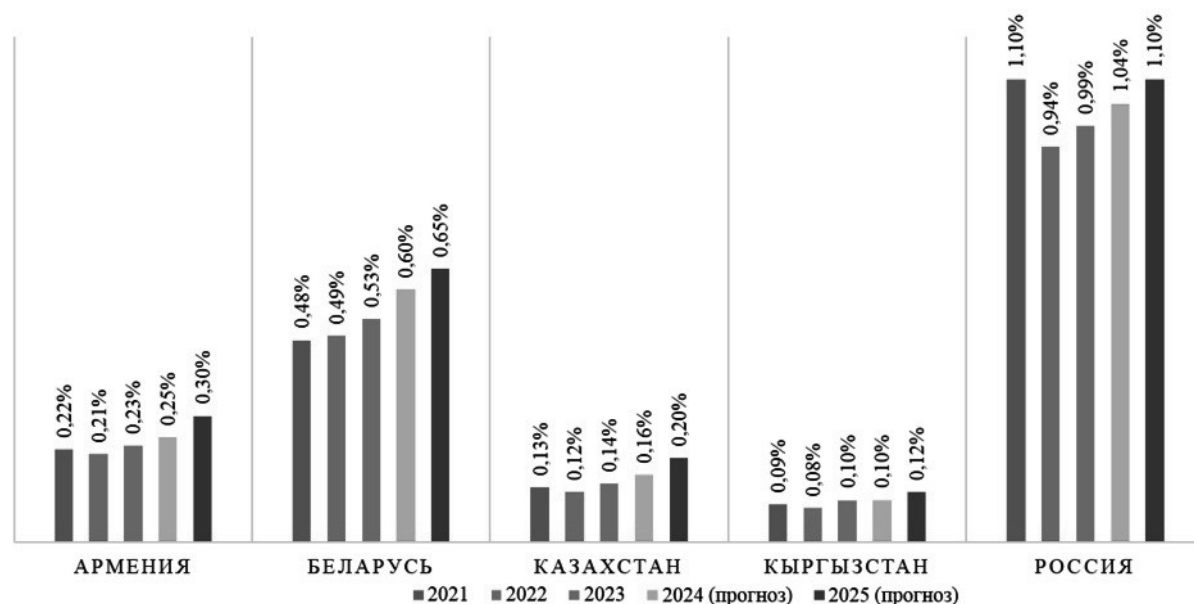

Рисунок 1 – Динамика доли расходов на НИОКР в ВВП в Армении, Белоруссии, Казахстане, Кыргызстане, России, за 2021–2025 год, %.
Источник: составлено авторами на основе [11].

Выделение средств на исследования и разработки в странах ЕАЭС в 2025 году демонстрирует приоритеты научно-технической политики государства: от фундаментальных исследований до прикладных исследований в оборонной, энерге-

тической и промышленной сферах (рис. 2). Большая часть инвестиций приходится на образование и фундаментальные исследования, что указывает на ориентацию на долгосрочное развитие человеческого капитала.

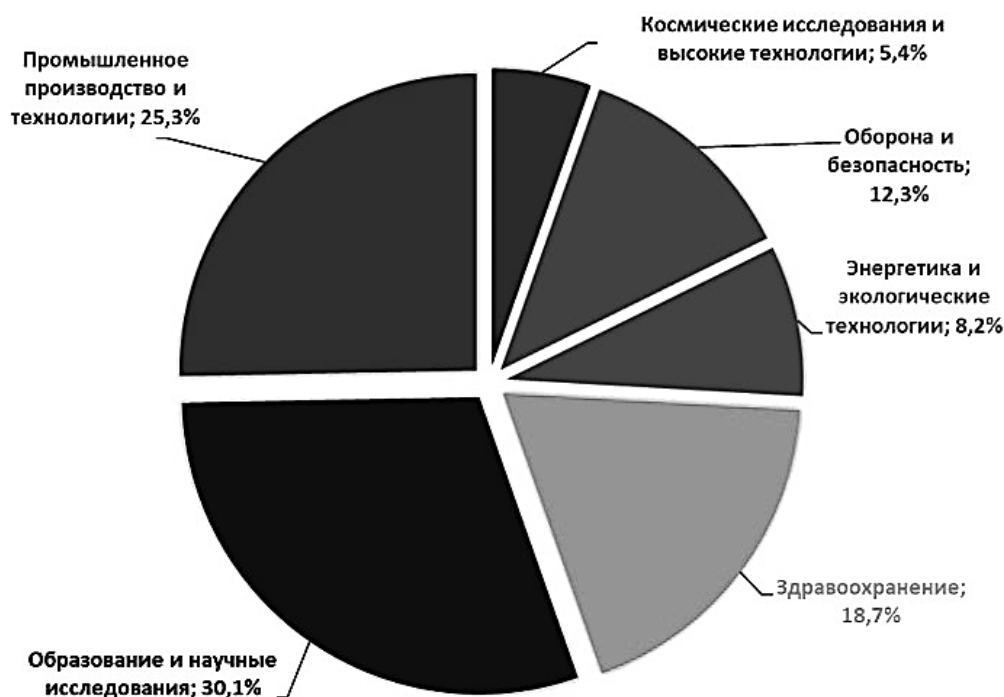

Рисунок 2 – Распределение ассигнований на НИОКР в странах ЕАЭС по секторам экономики в 2025 году.
Источник: составлено авторами на основе [11].

Более половины бюджета на НИОКР (55,4 %) приходится на два сектора – образование и исследования (30,1 %) и промышленное производство и технологии (25,3 %), что указывает на баланс между поддержкой академической науки

и внедрением разработок в реальном секторе. Значительная часть расходов на оборону (12,3 %) при относительно небольшом финансировании космоса (5,4 %) и окружающей среды (8,2 %) может указывать на то, что нынешняя безопас-

ность имеет приоритет над долгосрочными высокотехнологичными или климатическими проектами. В целом структура кажется прагматичной, но требует укрепления в областях, жизненно важных для технологического суверенитета.

Следует также отметить, что в ЕАЭС доминирует госфинансирование науки (бюджетные ассигнования), в то время как предпринимательский сектор не видит достаточных стимулов для вложений. Причина – в наличии более рентабельных и быстрых альтернатив: рентные доходы в добывающем секторе или торговля импортными товарами. Наднациональная инновационная политика пока не смогла создать конкурентоспособную ставку доходности на научные инвестиции. Межгосударственные программы, такие как «Евразийские инновации», обладают мизерными бюджетами, несопоставимыми с потребностями реальной технологической модернизации. Это создает иллюзию интеграции, но не меняет макроэкономические пропорции: доля высокотехнологичной продукции во взаимной торговле стран ЕАЭС остается низкой, уступая место сырью и продовольствию.

Серьезным экономическим тормозом является нерешенность вопроса наднационального режима интеллектуальной собственности. В экономической теории инноваций именно патентная защита и возможность капитализации нематериальных активов превращают знания в торгуемый товар. В рамках ЕАЭС сохраняется национальный принцип исчерпания прав, так как слабо работают механизмы трансфера технологий без образования юридических коллизий, что влияет на экономику через канал прямых иностранных и взаимных инвестиций. Транснациональные компании и даже евразийские бизнес-структуры опасаются передавать технологии в страны Союза без гарантий защиты от принудительного лицензирования или реверс-инжиниринга. В результате, инновационная кооперация смещается в сторону низкотехнологичных сборочных производств, что не создает мультипликативного эффекта для роста производительности труда.

С экономической точки зрения, научно-техническая политика ЕАЭС сегодня работает не только на создание, но и на компенсацию санкционных шоков. Она становится инструментом параллельного импорта технологий и выстраивания альтернативных лицензионных цепочек. Эффект для экономик стран-членов двоякий: краткосрочно это спасает критическую инфраструктуру от коллапса, но долгосрочно закрепляет модель догоняющего развития и технологического заимствования.

Заключение.

Проведенный экономический анализ научно-технической и инновационной политики ЕАЭС позволяет сделать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, нормативно-правовая база Союза в рассматриваемой сфере характеризуется по-

следовательным развитием – от рамочных деклараций к конкретным механизмам проектной и технологической кооперации. Создание Евразийских технологических платформ выступает значимым институциональным достижением, обеспечивающим координацию между государством, наукой и бизнесом и формирующим предпосылки для объединения спроса и предложения инноваций на пространстве без внутренних таможенных барьеров.

Во-вторых, макроэкономический анализ динамики затрат на НИОКР за 2021–2025 гг. свидетельствует о положительной, но крайне неравномерной тенденции роста наукоёмкости экономик стран ЕАЭС. Совокупный показатель остаётся на уровне около 1,0–1,1 % ВВП, что существенно ниже пороговых значений научно-технологической безопасности и показателей технологических лидеров. При этом сохраняется структурная асимметрия: Россия и Беларусь обладают относительно диверсифицированным научно-промышленным потенциалом, Казахстан ориентирован на импорт технологий для модернизации сырьевых отраслей, тогда как Армения и Кыргызстан выступают преимущественно реципиентами готовых решений.

В-третьих, системными ограничениями эффективности инновационной политики ЕАЭС являются доминирование государственного финансирования при слабых стимулах для частного сектора, нерешённость вопросов наднациональной охраны интеллектуальной собственности, а также недостаточные масштабы межгосударственных программ, не сопоставимые с реальными потребностями технологической модернизации. Это приводит к тому, что инновационная кооперация нередко смещается в сторону низкотехнологичных сегментов, а доля высокотехнологичной продукции во взаимной торговле остаётся невысокой.

В-четвёртых, в условиях внешних санкционных ограничений научно-техническая политика ЕАЭС начинает выполнять дополнительную компенсаторную функцию, становясь инструментом параллельного импорта технологий и построения альтернативных лицензионных цепочек. Однако такой подход, давая краткосрочный антикризисный эффект, в долгосрочной перспективе может закреплять модель догоняющего развития и технологического заимствования вместо формирования собственной инновационной базы.

Таким образом, для перехода от декларативной координации к реальной интеграции в научно-технической сфере необходима консолидация финансовых ресурсов на уровне Союза, создание эффективных механизмов трансфера технологий и охраны прав интеллектуальной собственности, а также выработка стимулов для вовлечения бизнеса в долгосрочные инновационные проекты. Без решения данных задач потенциал синергии, заложенный в Договоре о ЕАЭС, останется нереализованным, а инноваци-

онная политика будет продолжать играть роль инструмента адаптации, а не драйвера структур-

ной трансформации экономик государств-членов.

Конфликт интересов

Не указан

Conflict of Interest

None declared

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 24.06.2024.
2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16.10.2015 № 28 «Об Основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза».
3. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года».
4. Решение Евразийского межправительственного совета от 26.05.2017 № 1 «О Порядке организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств - членов Евразийского экономического союза».
5. Решение Евразийского межправительственного совета от 26.10.2023 № 3 «Об утверждении Положения об отборе совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности и оказании финансового содействия при их реализации государствами – членами Евразийского экономического союза».
6. Решение Евразийского межправительственного совета от 01.10.2024 № 2 «Об основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года».
7. Рекомендация Коллегии ЕЭК от 24.06.2022 № 26 «О приоритетах и долгосрочном прогнозе научно-технического развития Евразийского экономического союза».
8. Рекомендация Коллегии ЕЭК от 19.12.2023 № 37 «О механизмах создания научно-технологических консорциумов для реализации совместных инфраструктурных проектов».
9. Рекомендация Совета ЕЭК от 12.09.2025 № 1 «О Стратегической программе научно-технического развития Евразийского экономического союза на долгосрочный период рамочного характера».
10. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь».
11. Наука и инновации // Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. М. : Евразийская экономическая комиссия, 2025. С. 163–253.
12. Барышова Ю.Н. Бизнес-группировки в Российской экономике: проблемы и перспективы // Вестник Московской международной академии. 2018. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-gruppirovki-v-rossiyskoy-ekonomike-problemy-i-perspektivy> EDN: USQBRR
13. Бурлаков В.В. Актуальные проблемы коммерциализации инновационной продукции в современных условиях / В.В. Бурлаков, В.С. Кемпа // Вестник РГТУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-kommertsializatsii-innovatsionnoy-produktsii-v-sovremennyh-usloviyah> DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-53-63 EDN: CTUHTT
14. Евразийские технологические платформы // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. URL : https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_prom/ETP
15. Лякин А.Н. Ловушка среднего дохода и российская стагнация // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/lovushka-srednego-dohoda-i-rossiyskaya-stagnatsiya> DOI: 10.24866/1813-3274/2019-2/60-75 EDN: IUOEOK
16. Утверждено новое Положение о порядке формирования и функционирования евразийских технологических платформ // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. URL : <https://eec.eaeunion.org/news/utverzhdено-novoe-polozhenie-o-poryadke-formirovaniya-i-funktsionirovaniya-evraziyskikh-tekhnologich>
17. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года // Евразийская экономическая комиссия: [сайт]. URL : https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php?ysclid=mncwhzown1699352634
18. Юрченко Ю.П. Инновационные парадоксы неопределенности финансового рынка // Наука. Культура. Общество. 2020. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-paradoksy-neopredelennosti-finansovogo-rynka> DOI: 10.38085/2308829X-2020-2-93-96 EDN: XKMMFF

References:

1. The Treaty on the Eurasian Economic Union dated 24.06.2024.
2. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated 16.10.2015 № 28 «On the Main Directions of Economic Development of the Eurasian Economic Union».

3. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated 11.12.2020 № 12 «On the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025».
4. Decision of the Eurasian Intergovernmental Council dated 26.05.2017 № 1 «On the Procedure for Organizing Joint Research and Development Work in the Field of the Agro-Industrial Complex of the Member States of the Eurasian Economic Union».
5. Decision of the Eurasian Intergovernmental Council dated 26.10.2023 № 3 «On the Approval of the Regulations on the Selection of Joint Cooperative Projects in Industrial Sectors and the Provision of Financial Assistance for Their Implementation by the Member States of the Eurasian Economic Union».
6. Decision of the Eurasian Intergovernmental Council dated 01.10.2024 № 2 «On the Main Directions of Industrial Cooperation within the Eurasian Economic Union until 2030».
7. Recommendation of the EEC Board dated 24.06.2022 № 26 «On the Priorities and Long-Term Forecast of the Scientific and Technical Development of the Eurasian Economic Union».
8. Recommendation of the EEC Board dated 19.12.2023 № 37 «On the mechanisms for creating scientific and technological consortia for the implementation of joint infrastructure projects».
9. Recommendation of the EEC Council dated 12.09.2025 № 1 «On the Strategic Programme for the Scientific and Technical Development of the Eurasian Economic Union for the Long-Term Period of a Framework Nature».
10. Declaration on the Further Development of Economic Processes within the EAEU until 2030 and for the period up to 2045 «Eurasian Economic Path».
11. Science and Innovation // Statistical Yearbook of the Eurasian Economic Union. M. : Eurasian Economic Commission, 2025. P. 163–253.
12. Baryshova Yu.N. Business Groupings in the Russian Economy: Problems and Prospects // Bulletin of the Moscow International Academy. 2018. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-gruppirovki-v-rossiyskoy-ekonomike-problemy-i-perspektivy> EDN: USQBRR
13. Burlakov V.V. Current problems of commercialization of innovative products in modern conditions / V.V. Burlakov, V.S. Kempa // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Economics. Management. The right». 2022. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-kommertsializatsii-innovatsionnoy-produktsii-v-sovremennyh-usloviyah> DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-53-63 EDN: CTUHTT
14. Eurasian Technology Platforms // Eurasian Economic Commission: [website]. URL : https://eec.eaeunion.org/commission/departments/dep_prom/ETP
15. Lyakin A.N. The Middle-Income Trap and Russian Stagnation // Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law. 2019. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/lovushka-srednego-dohoda-i-rossiyskaya-stagnatsiya> DOI: 10.24866/1813-3274/2019-2/60-75 EDN: IUOEOK
16. A new Regulation on the procedure for the formation and operation of Eurasian technological platforms has been approved // Eurasian Economic Commission: [website]. URL : <https://eec.eaeunion.org/news/utverzhdeno-novoe-polozhenie-o-poryadke-formirovaniya-i-funktsionirovaniya-evraziyskikh-tekhnologicheskikh-platfom>
17. Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025 // Eurasian Economic Commission: [website]. URL : https://eec.eaeunion.org/commission/departments/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php?ysclid=mncwhzown1699352634
18. Yurchenko Yu.P. Innovative Paradoxes of Financial Market Uncertainty // Nauka. Culture. Society. 2020. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-paradokсы-neopredelennosti-finansovogo-rynka> DOI: 10.38085/2308829X-2020-2-93-96 EDN: XKMMFF

Информация об авторе

Цыкин Глеб Сергеевич
стажер-исследователь
Института исследований
социально-экономических трансформаций
и финансовой политики
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
258783@edu.fa.ru

Gleb S. Tsykin
Research Intern
at the Institute for Research on Socio-Economic
Transformations and Financial Policy,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
258783@edu.fa.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.08.2026.
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 09.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Сетевое издание / Online edition

№ 9 от 25.09.2026

Выходит 12 раз в год
Все статьи рецензируются

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
академик Российской академии наук, д-р социол. наук,
д-р с.-х наук, профессор
Харитонов Евгений Михайлович

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
д-р соц. наук, профессор
Хунагов Рашид Думаличевич

ШЕФ-РЕДАКТОР
д-р соц. наук, профессор
Попов Михаил Юрьевич

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ
Шелкова Елена Андреевна

Корректор – Попов М.Ю.

Оригинал макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 23.09.2026
Подписано к публикации 25.09.2026

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации СМИ:
Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Комплекс работ выполнен ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7 (918) 415–05–71

e-mail: id-yug@id-yug.com